

ЕЯ
РОССО

ТРУДНО БЫТЬ
ФЕЕЙ.
АДСКАЯ КРЕСТНАЯ

Annotation

Забыл про восьмую фею, влюбившись в другую? Напрасно. Не пригласил на крестины? А вот это совсем зря. Теперь остается одно: звать на помощь Соловья Разбойника и Серого Волка. Бывшая возлюбленная с разбитым сердцем, в руках которой артефакт зла, — это вам не белкам дули крутить. Но не все то зло, что блестит. И восьмая фея и не фея вовсе, а...ВНИМАНИЕ! — много юмора, — сказочные герои в современной интерпретации. — ужасно, но девственницы снова отсутствуют, — любовь и предательство — есть, — интриги и тайны прошлого — тоже, — и даже (о, боже!) единороги пасутся на изумрудных лугах Вечного Леса.

-
- [Трудно быть феей. Адская крёстная](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1. Что случается, если прогуливать уроки нечистоведения](#)
 - [ГЛАВА 2. Соловей-разбойник и Горынья Змеевна](#)
 - [ГЛАВА 3. Цвет настроенья — в стельку](#)
 - [ГЛАВА 4. На границе тучи ходят хмуро...](#)
 - [ГЛАВА 5. Элла, Эллочка, Амбрелла](#)
 - [ГЛАВА 6. Ах эта свадьба, свадьба, свадьба...](#)
 - [ГЛАВА 7. Соловей-разбойник и принц Ждан](#)
 - [ГЛАВА 8. Ну а дружба начинается с бутылки...](#)
 - [ГЛАВА 9. Утро добрым не бывает](#)
 - [ГЛАВА 10. Шумел камыш, деревья гнулись](#)
 - [ГЛАВА 11. Поди туда, не знаю, куда, принеси то, сам знаешь кому.](#)
 - [ГЛАВА 12. Серый Волк зубами щёлк](#)
 - [ГЛАВА 13. Опять метель и мается былое в темноте](#)
 - [ГЛАВА 14. Избушка, избушка... Отвернись и не подглядывай!](#)
 - [ГЛАВА 15. Мирись, мирись и больше не дерись](#)
 - [ГЛАВА 16. Сею, вею, посеваю, зиму в души нагоню](#)

- [ГЛАВА 17. А волк нечаянно нагрывает, когда его совсем не ждешь...](#)
 - [ГЛАВА 18. Адская крёстная](#)
 - [ГЛАВА 19. Волчьи сны](#)
 - [ГЛАВА 20. Спящий царь и серая мышь](#)
 - [ГЛАВА 21. Снежная королева](#)
 - [ГЛАВА 22. Баба Яга и Серый волк](#)
 - [ГЛАВА 23. Вечная любовь — сквозь ад, ведет она \(рабочее название\)](#)
 - [ГЛАВА 24. А что это вы тут делаете?](#)
 - [ГЛАВА 25. Зеркальное сердце](#)
 - [ГЛАВА 26. Третий волчий сон](#)
 - [ГЛАВА 27. Отражение](#)
 - [ГЛАВА 28 и последняя. И вспыхнет пламя...](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Трудно быть феей. Адская крёстная

ПРОЛОГ

«Чертова фея! — раздраженно ругался про себя король, с силой вдавливая скуренную почти до фильтра сигарету в тарелку, полную лимонных корок. — До какой же степени нужно быть злопамятной бабой, чтобы спустя столько лет после расставания объявиться и так нагло угрожать!? И кому! Мне — королю тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства».

Монарх схватил бокал и опрокинул в себя коньяк, — поперхнулся, закашлялся, из глаз брызнули слезы. Утеревшись, король Ждан поднял с пола скомканный лист бумаги, прикурил очередную сигариллу, густо пахнущую черешней, расправил письмо и, подойдя к окну, в пятый раз принялся перечитывать послание от бывшей любовницы, — феи Амбреллы.

«Дорогой мой сердечный друг. Приветствую тебя от всего своего темного сердца после долгих лет молчания. Верю, ты не забыл свою малышку Амби, которую так любил почти век назад. К моему огорчению и твоему счастью, когда ты исчез, горе мое было так велико, что магия моя перегорела на какое-то время, и я не сумела достойнейшим образом отблагодарить тебя за те нежнейшие чувства, что ты дарил мне весь год после нашей первой встречи под сенью бессмертного Дуба. Того самого, под которым ты клялся мне в любви, давал нерушимую клятву и обещал сделать своей королевой.

Увы, мой друг, недобрый король-отец лишил тебя возможности сочетаться законным браком по традициям людей с той, которую ты любил — или просто соблазнил и бросил? — (зачеркнуто), с существом из волшебного леса. Но я прощаю его. Тем более что он давным-давно отправился на небеса (хоть я и сомневаюсь, что старый хитрый интриган удостоился чести пировать в божественных Чертогах). Пока ты оставался моим мужем в глазах обитателей магического мира, я жила и надеялась, что однажды ты опомнишься и позовешь меня истинным именем. И тогда, откликнувшись на зов, я забыла бы годы одиночества, свой гнев, простила тебя, и мы, вполне возможно, прожили бы долгую и счастливую жизнь.

Но печальную весть принесли мне на своих крыльях махагоны. Мой принц, став королем, женится. Забыв, что венчан магией любви, и такой союз нерушим. Ты сам говаривал мне многократно: незнание закона не освобождает от ответственности. А потому в полной мере оценишь мой королевский жест: я разрушила силу заклатья, и отныне ты не связан узами брака с феей. За это я наказана на целый долгий и мучительный век: мои крылья отняли у меня и заперли в недрах земли, под корнями бессмертного Дуба.

Не беспокойся, ты будешь жить долго. И даже, может быть, счастливо. Твоя невеста прелестна и нежна. Надеюсь, ты любишь ее по зову сердца, а не по королевскому принуждению. На вашей свадьбе меня не будет.

Пройдут годы, прежде чем вы обретете долгожданную радость. Это будет означать, что я окончательно тебя простила. В этот день над дворцовой башней поднимут флаги, и глашатаи обрадуют народ вестью о рождении наследника. И тогда я хочу стать феей-крестной для малыша, наравне с остальными семью феечками тридцать пятого королевства.

Надеюсь, ты не посмеешь отказать мне в такой малости, и я получу приглашение на королевские крестины.

А пока желаю удачи тебе и твоей юной королеве. И настоятельно рекомендую: не суйтесь более в мой Лес. Не тревожьте мой покой своим присутствием. И беда минует твоих подданных. А, может, и тебя обойдет стороной.

*Амбрелла,
королева фей Вечного леса,
тридцать пятого королевства сто сорок первого царства
семьдесят второго государства».*

ГЛАВА 1. Что случается, если прогуливать уроки нечистоведения

Полдня блукал Ждан I Неотразимый в лесной чаще, проклиная лешего, что водил его по кругу. Его высочество устал и измучился, хотел есть и особенно пить. Вино во фляге закончилось в самом начале королевской охоты. Принц немного отстал от слуг и егерей, заглядевшись на жену главного королевского ловчего, которая в тугом костюме неслась рядом с мужем. Её ноги, обтянутые белоснежными лосинами, то и дело мелькали в разрезах модной амазонки, дразня воображение юноши. Оттого Ждан и прикладывался к фляжке с освежающим напитком чаще, чем требовалось, пытаясь погасить разгорающийся внутри пожар. И, естественно, сбился с пути, когда, гикнув, кавалькада унеслась вслед за псами догонять лис.

Мошकारа кусала монаршее лицо, а комарье жалило коня, и тот нервничал, баловал, норовил сбросить на землю королевскую... особу.

Ждан ломал себе голову, пытаясь припомнить, что нужно сделать, дабы избавиться от вредного лешего, но память молчала. «Самое страшное, это когда не знал, да еще и забыл», — некстати вылезла из глубин сознания любимая фраза препода по нечистоведению мастера Недогона. Уроки эти принц благополучно прогуливал, искренне веря в то, что всегда и везде за него всё сотворят специально обученные люди. И любое его королевское удобство, включая безопасность, будет обеспечено слугами.

Так что ни к чему забивать царственную голову всякой чепухой из псевдонаучных книжек общей серии «Злыдни доморощенные и природные: как с ними уживаться и справляться». Нудные премудрости, советы и рекомендаций, из серии как перенести домового в новый замок, задобрить конюшего, избавиться от лешаковского наваждения и прочая ерунда, царскому отпрыску совершенно ни к чему.

Конь начал спотыкаться, и принц решил, наконец, покинуть седло, и пойти своими прекрасными натренированными ножками по траве, подозрительно блестящей росой. Хотя на охоту наследник со свитой отправился пополудни. В тридцать пятый раз очутившись возле

дуба, помеченного царственной надписью: «Здесь был Ждан», Его Высочество не выдержало и рухнуло возле дерева, решив дать себе передышку.

Тут-то и появилась она: прекрасная блондинистая малышка, ростом с ладошку, с четвертым размером... крыльев и огромными наивными фиалковыми глазами. Фея подлетела к принцу, зависла в полуметре от него и молча принялась рассматривать. Восторг в глазах волшебной девушки заставил уставшего наследника сесть ровно и приосаниться.

Её взгляд медленно оценил шоколадную гриву вьющихся волос, (в меру длинных), прошелся по красивым голубым глазам, обрамленным пушистыми ресницами, задержался на крупных четко очерченных губах, и робко заметался в районе пояса, не решаясь опуститься ниже.

Охотничий костюм наследника был чудо как хорош и почти анатомически облегал спортивное поджарое тело, которое принц всячески холил и лелеял. Тренировки, массажи, ванны с молоком и толченым жемчугом. Косметологи, визажисты, банщики... Над собственным совершенством Ждан трудился не меньше первой красавицы королевства. А то и больше, учитывая королевские возможности.

Один художественный беспорядок на венценосной голове чего стоил: главный королевский цирюльник ежедневно по утрам по часу колдовал над шевелюрой принца, сооружая хаотическую небрежность прически. Ту самую, про которую с первого взгляда ясно, что беспорядок — дело рук дорогого мастера. Все барышни тридцать пятого королевства, влюбленные в его королевское высочество, в восторге замирали, взирая на незамысловатую, на первый взгляд, но такую профессиональную укладку.

В какой-то момент фея подлетела ещё ближе и замерла возле лица принца, пристально всматриваясь в его небесные глаза. Принц замер, затаив дыхание, любясь очаровательным созданием.

Малютка была прелестна: длинные крылья с заостренными кончиками словно светились изнутри изумрудным огнем. Белоснежные волосы, уложенные в высокую прическу, мерцали льдистыми всполохами, а капли росы подобно бриллиантам вспыхивали на остриях миниатюрной короны, венчавшей

очаровательную головку. Стройное тело с тяжеловатой для такой малышки грудью, длинные ноги, тонкая талия.

«Все, как я люблю, — огорченно вздохнул про себя принц. — Какая жалость, что она такая маленькая... фея, а не человек!»

Будто прочитав его мысли, существо громко фыркнуло, и взмахнуло крыльями, на мгновение перекрыв Ждану обзор. И тут уже принц, распахнув и без того до неприличия большие глаза, принялся жадно разглядывать особу, появившуюся перед ним вместо феи. Миниатюрная крылатая девчушка предстала перед его королевским высочеством высокой, под стать юноше, невообразимо прекрасной (и почти человеческой) девушкой.

Исчезли крылья, но налет неземного очарования и волшебства окутывал прелестное создание, подсвечивая тонкую белую кожу солнечными лучами, будто светило все время находилось позади красавицы. Большие фиалковые глаза, чуть заостренные миленькие ушки, пухлые губки сочного малинового цвета, бархатные щечки и темно-медовые брови приковывали взгляд.

«Само совершенство!» — выдохнул принц, жадно рассматривая девушку. Ждан так залюбовался, что вздрогнул от неожиданности, когда услышал звон серебряных колокольчиков, неизвестно откуда раздавшийся в глухом лесу. И лишь спустя минуту принц сообразил, что это смеялась незнакомка. И вместе с ней трепетали от смеха цветы и травы, согнувшись без ветра вокруг ног прелестной феечки.

— Человек, — отсмеявшись, воскликнула лесная нимфа. — Что ты делаешь в моем лесу?

— Я-а-э... — принц неловко поднялся и, откашлявшись, глубоким хорошо поставленным голосом, произнес. — Прелестная леди, я заблудился.

С малых лет наследнику особенно хорошо удавались сцены смущения. Робкий румянец, появлявшийся в такие моменты на щечках мальчика, а потом и юноши, приводил придворных дам в экстаз. И Ждану ни в чем не было отказа. Да и отцовского наказания удавалось избегать, благодаря видимости искреннего раскаяния и нарочитой виноватости. Как говорится, перед царем-батюшкой вид необходимо иметь глупый и придурковатый.

Это были первые уроки, которые он получил от примы королевского театра, великолепной актрисы, ставшей его первой

женщиной. Какое-то время принц даже испытывал к Аделаиде некоторые чувства, ошибочно принимаемые за любовь. Но спустя год они расстались, вполне довольные друг другом. Наследник получил богатейший опыт, а стареющая актриса — замок на юге королевства, у самого синего моря.

Но сейчас, при виде дивных фиалковых очей миловидной блондинки, принц растерялся настолько, что позабыл весь свой куртуазный опыт и не представлял, как вести разговор с девушкой.

Фея сделала плавный жест рукой и расположилась в удобном кресле, свитом из корней... дуба, под которым отдыхал Ждан.

— Располагайся, человек, — с улыбкой звонко пригласила девушка. — Меня зовут Амбрелла. Я — королева Вечного леса. А ты кто?

Принц оглянулся и обнаружил позади себя такое же удобное сиденье. Потрогал сооружение рукой, проверяя на прочность, и осторожно опустился на краешек, прислушиваясь к своим ощущениям. Удостоверившись, что хрупкая на первый взгляд вещь под ним не сломается и не уйдет в землю, Ждан вольготно раскинулся в кресле. И сердито заметил, что все это время, пока он развлекался с импровизированной скамьей, девушка с интересом наблюдала процесс, склонив голову набок, едва сдерживая смех, так и брызжущий из глаз.

Принц нахмурился: он не любил, когда над ним смеются, привык с рождения, что девочки, девушки, дамы всегда и в любой ситуации взирают на его высочество исключительно с восторженным трепетом и обожанием во взоре. Сведя брови, Ждан сверлил нахалку взглядом, мучительно придумывая какую-нибудь колкость, и пытался понять, почему рядом с этим созданием ему так сложно флиртовать, шутить и делать витиеватые комплименты.

Что-то в ней было такое неземное, хрупкое, бесконечно нежное, отчего венценосному юноше хотелось подхватить ее на руки, прижать к себе и закружить-зацеловать в танце. А потом утащить в самый дальний замок на краю королевства, что притулился на высокой скале над морем, и запереть в высоченной башне со шпилем. Чтобы никто, кроме принца, не имел более возможности восхищаться дивной лебяжьей шеей, очами с изумрудными искорками, время от времени вспыхивающими в глубине фиолетовых озер, обрамленных длинными

золотыми ресницами. Не приведи Ревник (1), кто-то возжелает к ней прикоснуться!

При этой мысли Ждана передернуло от гнева, и он не сразу расслышал вопрос феи.

— Имя у тебя есть, человек? — насмешка все явственней слышалась в голосе волшебного создания.

— А-э-эм... Позвольте представиться: его высочество принц Ждан, единственный наследник тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства, — с этими словами юноша слегка склонил голову, обозначив вежливый поклон, решив, что некая свобода нравов допустима в разговоре с другой венценосной особой при встрече в лесу.

— Это ж откуда к нам такого красивого дяденьку занесло? — проскрипело что-то справа от принца и королевское сердце, от неожиданности пропустив удар, рухнуло в пятки.

Только сейчас до наследника дошло: ни слуг, ни охраны, ни егерей рядом нет. И он один на один с незнакомкой, что представилась ему королевой Вечного леса. А если вспомнить, каким образом сам Ждан оказался в волшебных дебрях, то остаётся уповать только на то, что Род не выдаст, кабан не съест. «Да и вообще, смешно опасаться красивой женщины, — решил про себя наследник, гордо выпрямив скукожившиеся плечи. — Тем более, блондинки. Будь она хоть трижды королевой!»

Эти мысли галопирующими скакунами в секунду пронеслись у него в мозгу, и будущий король, надменно повернув голову в сторону скрипа, процедил:

- Из тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства.

— Ох, ты ж, батюшки, — проскрежетала невидимка, — стал-быть, ты Беспардона Долдоновича сынок-той будешь? Слыхала, матушка, кого нам окаянные лешие-то привели? Говорила тебе, надо было Манилу-хитрована посылать на поиски мужичонки. От он бы заманил к нам кого получше этого фуфыря. Богатыря какого, али воина. А этот... Тьфу, недоразумение, — в сердцах сплюнула скособоченная старушка, выйдя на свет божий, и ткнула пальцем в сторону Ждана.

— Ладно тебе, Чомора, — примиряюще стрельнула фиолетовым взглядом в сторону оскорблённого принца Амбрелла. — Не ворчи, а посмотри лучше, как хорош да пригож.

— Толку-то нам с той красоты, — сверля маленькими злыми глазками наследника, и оперев руки-крюки в бока, проскрежетала старая ведьма. — До дела нашего сгодится ли? Штой-то сомневаюсь я.

С этими словами вредная бабулька, покачивая головой с торчащими из волос колосками-васильками, проковыляла к фее и уселась у её ног. Принц с трудом подавил желание протереть глаза: вместо старушечки на поляне красовался пенек, облепленный цветами-грибами-мхом, с двумя сучками-обрубками, из которых выглядывали сухие тонкие веточки, напоминавшие скрюченные пальцы. И кабы пенек не мигал время от времени парой рыжих ромашек над шишкой-носом, Ждан подумал бы, что ему все почудилось.

Принц моргнул, сглотнул, перевел взгляд на фею и моментально насупился: королева леса хоть и любовалась им по-прежнему, но в глазах ее плясали смешливые чертенята. Наследник хотел было поинтересоваться, что в нем такого смешного, но тут фееричное создание заговорило нежным проникновенным голоском:

— А что, принц, с лица ты и вправду пригож да хорош. А вот умен ли?

— Так в наследниках дураков не держат, — буркнул Ждан недовольно.

— Так, чай, у царя Беспардона ты единственный сыночек-то. Вот ему, окаянному, и выбирать не из кого. Да и принцессу младшую, умницу-разумницу, спортсмену и отличницу, уж и замуж спровадили, шоб подальше была да не затмевала умом-разумом брата старшего, — проскрипел пенек, вступая в разговор.

Принц, неожиданно для самого себя, залился краской, а фея звонко расхохоталась. Такого издевательства наследник не стерпел и, вскочив с кресла, решил гордо покинуть негостеприимную полянку, поскольку честь свою с мечом в руках отстоять не имелось возможности. С бабами дерутся только слабаки, дураки и трусы, а умные лаской да подарками с любой договорятся. Да только с этими двумя сам черт не справится! Уж больно на язык остры и язвительны. Особенно пенек старый.

— Не обижайся, принц Ждан, Чомора, как малый ребенок: что на уме, то и на языке, А ты, — строго обратилась фея к пеньку, — не смущай гостя нашего, а лучше стол накрой: накормить-напоить надо добра молодца. Потом и разговоры поговорим.

Пенек так громко фыркнул, что с коры оторвался василек и упал в траву. Тут же из зеленухи вспорхнула синенькая бабочка и полетела куда-то по своим незамысловатым делам.

Чомора вновь стала старушкой и, переваливаясь с ноги на ногу, что-то бурча себе под нос, принялась распоряжаться-командовать. Широко распахнув глаза от изумления и приоткрыв рот, Ждан наблюдал, как через поляну начали шмыгать звери-птицы, неся в лапах-крыльях угощения. Лисы ягоды свежие тащили в корзинке, ужи воду волокли в графинчике, дятлы несли сок березовый в берестяном туюске, белки орехи колотые на стол ставили, зайцы овощи запечённые, а ежи грибной шашлык на веточках.

Когда на поляне показался медведь, принц побледнел, но, скосив глаза на фею, понял: царь лесных зверей такой же верноподданный Амбреллы, как и все другое зверье, и всего лишь принес бочонок меда и кувшин медовухи для гостя. Прелестные маленькие феечки, усердно махая крылышками, на подносе из листа кувшинки волокли сосуд из прозрачного горного хрусталя, в котором плескалась золотистая жидкость, и поставили напротив королевы.

Старушенция махнула руками-крюками — и вся живность исчезла с полянки. Подойдя к столику, незаметно появившемуся между Жданом и королевой, Чомора малость увеличилась в росте и принялась ухаживать за хозяйкой и гостем. Принцу плеснула в кубок медовухи, своей королеве — золотого напитка из кувшина. Ждан насторожено покосился на предложенное угощение, мелькнула мысль: «А не отравить ли меня хотят?»

Считав его сомнения, Амбрелла отставила свой бокал и велела Чоморе плеснуть и ей медовухи.

— Не бойся, мой принц, — отпивая медового хмельного, промолвила королева леса, — не отравлено. А вино свое не предлагаю, потому как волшебное оно, для людей не пригодное. Хлебнешь из моего бокала — позабудешь жизнь свою, навечно влюбленным пленником в нашем лесу останешься, менестрелем станешь или художником, или еще кем при моем дворе.

— Почему не воином или казначеем? — осторожно пробуя на язык мед, поинтересовался Ждан.

— Каждому из вас, людей, фея-крестная по стародавней традиции при рождении дарит талант или особую способность. Но не все крестники следуют зову души и сердца. Многие выбирают простой путь золотого тельца. А ступив на него однажды, попадают в сети Морoka, запутываются в сетях лжи и обмана, растрачивая дары впустую.

— А вино здесь причем? — отодвигая от себя хрустальный кувшин с магической жидкостью, уточнил любопытный юноша.

— А вино стирает в человеке все низменное, выпуская на волю его истинную душу, самые сокровенные светлые желания, которые люди, взрослея, подавляют в себе, загоняя глубоко — на самое дно.

— И у меня есть фея-крестная? — пропустив мимо ушей объяснения Амбреллы, жадно уточнил принц, делая солидный глоток и причмокивая языком от удовольствия. Медовуха была славной, в меру хмельной, с ароматом лесных трав.

— И у тебя, беспутень, — заворчала снова Чомора, накладывая в тарелку принца разной снеди. — Ты закусывай, дурень, наша медуница вашей не чета. Чай и с ног свалит, а ты нам тверёзый нужен.

Принц отмахнулся от назойливой старухи и снова обратился к королеве:

— А какой дар у меня?

— Талант художника. Но осталась от него крупица. Вспомни, в семнадцать лет ты забросил писать картины. А ведь все говорили, что твои работы словно оживают, как только высыхает последняя капля краски. А мог бы стать великим, — грустно вздохнула фея, и жестом попросила Чомору плеснуть себе цветочного вина.

— Ну-у-у, ху-у-до-ожник, — протянул Ждан, отставляя бокал и накалывая запечённый гриб на деревянную резную вилку. — Вот кабы воин великий или правитель, а так... Кисти пачкать и холсты малевать большого ума не надо.

Фея ничего не сказала. Чомора поджала губы, ехидно зыркнула в сторону наследника. На лицу старушечки бегущей строкой «пронеслось» все, что она думала о великовозрастном недоросле: «Дурен ты, дурень!» Но принц не заметил, занятый выбором очередного сказочного блюда.

— С этим понятно. А влюбляет вино в кого? — пробуя моченое яблочко, обваленное в шоколадно-клюквенной крошке, и шаря глазами по столу в поисках еще чего-нибудь вкусенького и необычного, продолжил Ждан.

— Ну, дурень, как есть, — в сердцах бросила Чомора, и решительно отодвинула от принца кубок с медовухой. — Хватит с тебя, а то последние мозги пропьешь! — и плеснула ему в высокий фужер родниковой воды. Да такой ледяной, что хрустальные бока моментально запотели.

Хотел было венценосный гость возмутится такой наглости, да вовремя заметил внимательный взгляд королевы, и решил промолчать, проглотив свою королевскую спесь.

«В чужом доме хозяин — барин», — успокоил себя принц и потянулся к своему бокалу. Брови Ждана удивлённо приподнялись после первого глотка. Вкуснее воды он не пробовал ни в одном царстве-государстве, а их он повидал немало, разъезжай с ответными визитами по долгу государственной службы. Даже в его родном королевстве водица не отличалась особым вкусом, и пить ее из колодцев хоть и можно было, да невкусно.

Вода же с королевского лесного стола напоминала самое драгоценное вино из далеких восточных заморских стран, что стоило на вес золота. Да что там, стократ лучше и вкуснее! Но ни хмеля в поданном напитке, ни добавок принц не ощутил. Чистейшая как слеза младенца, ледяная, как утро высоко в горах, сбивающая хмель почище снадобья, которым потчевал его по утрам после приемов королевский лекарь, безупречно свежая, как родниковые струи, и сладкая нежной сладостью первого поцелуя любви.

Принц выхлебал целый бокал и попросил еще.

— Так чем я могу помочь, леди Амбрелла? — откидываясь на спинку кресла, вертя в руках наполненный водой кубок, умиротворенно поинтересовался Ждан. — Как я понял, лешие ваши не просто так меня крутили-водили по лесу.

Незаметное облачко пробежало по лицу королевы Вечного леса, но, безмятежно улыбнувшись и отпив вина, она бросила Чоморе:

— Ну, вот видишь, а ты говорила, глуп. А он не так прост, как кажется с первого взгляда, — и ласково улыбнулась принцу, глядя нежно в синие глаза.

Старуха фыркнула, щелкнула пальцами — и на полянке снова засуетились слуги-звери, убирая блюда и заставляя тарелками с неведомыми сладостями маленький столик, возникший как из-под земли вместо обеденного стола.

— Попробуй кофе со вкусом лесных трав, после медовухи очень бодрит, — предложила королева, накладывая себе на блюдце маленьких пирожных, похожих на крупные лесные цветы.

Сладости были сделаны столь искусно, что пока принц не откусил кусочек, ему казалось, что вокруг не еда, а настоящие цветы, листья, шишки и желуди. Прикрыв глаза от восторга, Ждан на пять минут выпал из реальности, совсем позабыв про собственный вопрос. И едва не пролил кофе, когда услышал нежный голосок королевы Вечного леса.

— Помощь нам нужна, добрый молодец, — молвила королева, заглядывая в самое сердце принцу.

Забыв обо всем на свете, Ждан отставил блюдце и кофейную чашку, и, как зачарованный, вновь вгляделся в прелестное женское лицо. Щечки Амбреллы слегка зарумянились, в очах плескалось ожидание чего-то волшебного, царственные изящные пальчики тербелили оборку из живых цветов на глубоком вырезе декольте. Сорванные лепестки планировали к земле, в воздухе превращаясь в маленьких пчелок. Алые губки феи сложились в печальную улыбку.

За один только ее огорченный вздох готов был принц сию минуту уничтожить любого, кого ни попросит королева. В мыслях Ждан уже сражался с драконами, рубил головы чудищам лесным или заморским и бросал поверженных врагов к ногам прелестной возлюбленной. Да-да, именно так, и на меньшее наследник был не согласен.

Странная штука — любовь. Двадцать пять лет прожил Ждан на белом свете, познал дам много и разных. Но ни она не тронула королевское сердце, не запала в венценосную душу. А вот, поди ж ты, зацепило его неведомое существо из волшебного леса с первого взгляда, а точнее, с первого взмаха изумрудно-прозрачных крылышек. Любовь тонкой золотой иголкой впервые проткнула сердце наследника и теперь шуровала там всюду, крепкой ниточкой страсти и желания привязывая все крепче принцеву душу к королеве Вечного леса.

— Все, что угодно, моя королева, — жадно ловя взор феи, прошептал Ждан, и для убедительности прижал руки к своему сердцу,

что тяжело ухало в груди.

— Ах — взмахнула Амбrellа длинными ресницами и словно золотая пыльца слетела с их кончиков и разнеслась в стороны светлячками. — Помоги мне, мой принц. Спаси лес от зла.

— Кто обидел мою королеву?! — грозно рыкнул Ждан, не сводя с неё горящего взгляда. — Не сносить ему головы!

— Кто-кто, да уж не конь в пальто! — не выдержав накала страстей, громко фыркнула Чомора. — Соловей-разбойник, будь он не ладен!

ГЛАВА 2. Соловей-разбойник и Горынья Змеевна

Соловей-разбойник — для любимой жены Солушка, а для близких друзей Сол — возлежал в гнезде, что соорудил по старой памяти на семи дубах Вечного леса, аккурат возле подножья горы Живун. Листал книжицу со сказами о себе, злодеюшке, бороду пощипывал да слегка посвистывал. Так, чтоб ветерок понимался, да обвевал, от жары спасая. Тоскливо было на душе у Соловья: столько лет с женой своей разлюбезной душу в душу жили, трех деток нарожали и на тебе, из терема выгнала. Да не просто так, а с вещами со всеми. И ладно б в сундуки-мешки уложила и в сенцах поставила. Помирились когда, сам бы в палаты занес. Так нет же: на глазах у всей челяди вышвыривала кафтаны-штаны с рубахами из окон супружеской опочивальни, губы поджав и яростно глазами сверкая.

«Лучше б орала да кляла, — протяжно вздохнул Соловей, переворачивая страницу. — Так бы твердо знал: поорет и перебеситься, оттает — домой пустит. А тут... Э-э-х!»

Бывший разбойник захлопнул книгу и в сердцах отшвырнул ее от себя. Тяжелый фолиант вылетел из гнезда и шлепнулся прямо на голову лисы-разведчицы из королевской разведроты. Лисица взвизгнула и метнулась напролом сквозь наваленный бурелом, справедливо опасаясь гнева Соловья, которому до Аука надоели шпионы королевы Амбреллы. Как, собственно, и все желающие выкурить его из гнезда и либо отправить восвояси, либо спустить на землю в цепях и сдать в одно из ближайших королевств, где в любом царском сыске на него по три десятка уголовных дел заведено и по три пожизненных срока назначено. А в пяти-десяти богатейших государствах за него и вовсе награда царская объявлена: каменьев драгоценных отсыпят по весу его буйной головушки. А коли кто догадается и тело его бездыханное сыскарям сдать, тому еще и золотишка перепадет пару пудов.

Соловей лениво свистнул в след хвостатой сквозь зубы, придавая ускорение. И, с кислой улыбкой наблюдал, как растопырив лапы и

отчаянно махая хвостом из стороны в сторону, рыжая белкой-летягой перелетала через поваленные деревья.

«Эх, ску-учно! — тоскливо засвербило в мыслях. — А дома, поди, Змеевна пирогов напекла, квасу холодного из погреба достала, яблочек моченых...»

Живот просунулся и квакнул надсадно, требуя всего вышепередуманного. Соловушка почесал бороду, потер живот, перекатился пару раз с боку на бок, разминая залежавшуюся спину и, кряхтя, поднялся на ноги. После вчерашнего посвиста разбойничек разжился снедью мясной да бочонком пива. Слухами зима полнилась, да не так быстро. Потому и ходили до сих пор селяне и паломники к горе Живун воды набрать из источника внутри пещеры да травы-муравы пособирать лечебной.

Те, кто издалека забредали, хорошо упакованными приходили: в мешках и разносолы находились и сладости, к которым Соловей к старости пристрастился. Да и золотишко обнаруживалось в потайных кармашках, чай в дальней дороге без денег никак. А банкам и дорожным чекам нынче люди не доверяли. Вон по весне лопнул банк «МММ» — три медведя по-простому. Держали его Марья Потаповна, Михайло и Мирон Потыпычи — два брата и сестра. Денежек с народа собирали целый год, обещая великие прибыли. И поначалу исправно те проценты выплачивали. А потом в одно прекрасное утро взяли да слились в южные края, что по ту сторону моря-океана.

А вкладчики с пустыми кубышками остались. Сыскари с ног сбились да толку-то, медведей и след простыл. Вот теперь чешет репу министр финансов короля Ересей Похмелевича что делать, да как разбушевавшуюся чернь успокоить и деньги в казну вернуть. Соловей сыто ухмыльнулся в бороду, дожеввал кусок грудинки в прикуску с горбухой каравая, запил пивом. Он-то вклады свои со счетов медвежьих снимал через полгода, крепко помня слова покойного батюшки: «Жадность полуверица сгубила». Потому в наваре остался и ни медяка не потерял. А челяди, боярам да князьям жадность глаза застила, вот и погорели они все, как один.

Соловей спрыгнул на землю, подобрал книжицу, перелистал страницы и вытащил закладку. Вздыхнул протяжно, оглянулся по сторонам — не видит ли кто — и торопливо поцеловал карточку. И

показалось ему, что Горыня Змеевна слегка бровки свои расхмурила и вроде как улыбается краешком губ свои сахарных.

Дочь Змея Горыныча была чудо как хороша. Русая коса толщиной с молодой десятилетний дубок ниже пояса, плечи широкие, бедра крутобокие, брови вразлет, ветренная челка, нос-курнос, веснушки золотыми приисками по щечкам румяным. Глаза что твое море сине-зеленые. А уж грудь-то, грудь! Не чета некоторым.

Ох, любил Соловей Одихмантьев сын, славных дочерей русичей, более всех жен на свете. Потому и любушку себе румяную да светловолосую приглядел. Хоть до сих пор и удивлялся: ну от кого у страшилища трехголового такие дочки-красавицы уродились. Тесть молчал, тайну не сказывал, про мать девочек не рассказывал. Даже ядерный самогон на мухоморах бабы Яги за столько лет не помог: на крепкий узел завязал свое змеиное жало батюшка, и молчит, как немой на допросе.

Соловей сердито засопел, отгоняя образ тестюшки и всех прочих некоторых, что ввели во искушение. Прошелся до бурелома, поднял столетний поваленный дуб, открывая проход на поляну перед пещерой. Осмотрелся-огляделся, никого не обнаружил и зашел внутрь горы. У дальней стены отвалил камушек и достал вещицу, замотанную в кожу выделанную, непромокаемую. Зачерпнул ковшиком воды из источника, напился от души, отер от капель усы с бородой и вышел на свет божий. Возле входа присел в ветвях выкорчеванного дерева, уложил на камень перед собой поклажу и развернул.

Белоснежное блюдо сверкнуло на солнце и пустило зайчика, голубая каемочка подмигнула разноцветными бликами, яблочко наливное прыгнула прямо в руку соловью-разбойнику. Установив тарелку, запустил фрукт по кругу. Вскоре доньшко задрожало и показало картинку.

— Батя, ты? — прогудел басом кто-то по ту сторону средств волшебной связи.

— Я, кто ж еще, — ворчливо ответил Соловей-разбойник. — Ну, как там у вас? Как мать. Как сестры?

— Матушка рвет и мечет по-прежнему, на охоту ускакала на дальние озера. Лук свой богатырский со стены сняла, — прогудел старший сын и наследник Чудо-Юдо Соловейч.

Соловушка крякнул и в затылке почесал: не бывало такого сто лет в обед, чтоб супружница дареное отцом оружие снимала. Да еще и в даль такую из терема умелась.

— А поехала на чем? — уточнил Соловей.

— Так на буланом, батюшка. Сама цепи с него поснимала, водой ключевой напоила, вскочила в седло, только их обоих и видели. Земля сутки дрожала от топота копыт, три дня солнышко не видать было за пылевым столбом.

Закручинился Соловей-разбойник еще больше прежнего. Нет, не простила его любушка, да и простит ли теперь — неведомо.

— Как сестры? По добру ли, по здорову ли?

— Все в здравии. На днях к Пельке сваты приходили, да я их отправил восвояси: ни отца, ни матери дома нет. Так ревет теперь белугой, дурында.

— Кто такие каких родов-земель?

— Дык, с новых земель, что за морем-океаном лежат. Ни роду, ни племени здешним свахам неизвестного, — пожал сажеными плечами в блюде старший сын Чудушка. — Ты-о там как, батюшка? Может, надо чего? Так я примчу-привезу.

— Всего в достатке, — махнул рукой Соловей. — Не утруждайся. Стариной тряхнул, буйную молодость вспомнил. Всего вдосталь, не пропаду, — потерял бороду, почесал в затылке. — Ты вот что, пошли соколик тайно за матушкой присмотреть, не обидел бы кто. Все мне спокойней будет. Пусть поохотиться, дурь-то выкинет. Глядишь, вернется подобрей, так и сообщи мне сразу. А я уж с дарами-подарками на поклон приду, мириться-каяться.

— Добро, батюшка, — кивнул Соловей.

— Ну, бывай, на днях позвоню.

Соловей-разбойник снял яблочко, доньшко помутнело, картинка пропала. Укутав тарелку в кожу, поднялся он с места насиженного и понес блюдо обратно в пещеру. Там его надежней держать: не одну волшебную посудину для связи разбил легендарный злодей. Теперь опасался характера своего бешеного, прятал от себя подальше. А если кто связаться с ним захочет, так кольцо-связка алым на пальце запульсирует и лик покажет в крупном камне. Захочет Рахманьевич — ответит, не захочет — так и не пошевелится. Привалив камень

обратно, Соловей набрал в туес живой воды, вернул на места поваленные деревья и полез в гнездо.

Вечерело. Солнце цепляло верхушки деревьев, воздух наполнился ароматом ночных трав и цветов. На границе Вечного леса засветились светляки, несущие вахту. Очередная лиса тихо скользнула в кусты, занимая наблюдательный пост. Соловей-разбойник развалился в гнезде, закрыл глаза и щелкнул пальцами. Закачалось лежбище на цепях, натянутых между семи дубов, убаюкивая грозного разбойника. Засопел он вскоре плавно, а потом и похрапывать начал тихонечно. Маковки деревьев лишь слегка склонялись к земле, как при ветре сильном.

И снилась ему Горынья Змеевна. Потчевала Соловушку любимая жена лакомствами заморскими, пирогами с грибами, ягодами мочеными, сидела напротив муженька за столом, подперев щечки свои маковые ладошками белыми, и влюбленно, как юности, поглядывала из-под челки ветреной на бывшего разбойничка. Заулыбался во сне злодей, повернулся на другой бок, подложил обе руки под щеки и захрапел пуще прежнего.

Светляков сдуло в тот же миг, а продуманный лис-разведчик, привязавший себя к веткам дерева, подлетал и опускался над землей, словно шар воздушный фигуристый. Незаметной тенью скользнул от пещеры ужонок и помчал к фее Амбрелле, королеве Вечного леса, во владеньях которой засел лиходей, на доклад.

ГЛАВА 3. Цвет настроенья — в стельку

Его Величество Ждан I Беспардонович — в народе именуемый не иначе как «Наш Ждуныша» из-за долгой холостяцкой жизни — приканчивал вторую бутылку горячительной гномьей смеси под названием «Северное сияние одинокого ерша». Напиток был убойным, а рецепт секретным. Гномы хранили его в тайне и передавали из поколения в поколение исключительно младшим сыновьям в устной форме из-за боязни промышленного шпионажа.

Многие алхимики разных царств-государств пытались разгадать секрет «Сияния ерша», но, увы, тайный ингредиент не открывался никому. А именно благодаря ему алкоголь сыскал себе народную славу и признательность: упиться им можно было до состояния ползающих фей, воющих голосами анчуток гимн всех алкоголиков «Цвет настроенья в стельку». Или до полной потери головы или голов. Как случилось однажды у Горыныча после рождения первой и единственной дочери. Знатно тогда змей надрался. Да так, что с утра в зеркале две головы не заметил, и носился по горе своей змеиной двое суток, сокрушаясь и причитая, пока хмель не выветрился, а пропажа, протрезвев, не выползла из-под крыльев.

«Северного ершика» любили за то, что в горе он помогал забыться до полного беспамятства, в радости — развернуться душой и телом на весь солнцеворот. Но на утро голова от него не болела, ихтиандры не страдали, а на сердце становилось легко и спокойно.

Так что, зная об этом чудесном свойстве гномьего свадебного подарка, Ждан Первый, допивая вторую бутылку, неожиданно вспомнил популярную песню известного рок-кота Баюна и запел во все свое королевское горло:

«И то, что было набело откроется потом,
Мой рок-н-ролл — это не цель и даже не средство.
Не новое, а заново один и об одном,
Дорога в мой дом и для любви это не место».

Со двора донесся истеричный лай псов на псарне, перепуганные голуби рванули прочь с карнизов королевского дворца, кошки скатывались кубарем с крыш. И лишь главный дворцовый домовый

Бабай Кузьмич, прозванный слугами Аспидом за вредный характер, тяжело вздохнул, почесал бороду, сполз с кресла и почапал в королевскую опочивальню спасать положение. По дороге хранитель дворца поставил на маленький подносик рюмочку с наперсток, плеснув в нее ровно сорок капель гномьего «ершика», а на блюдечко, скривившись, положил один ломтик фрукта заморского, редкого — лимона.

Дождавшись, когда Его Величество Ждан I Беспардонович в предпоследний раз затянет строчку «Дорога в мой дом и для любви это не место-о-о-о», Бабай Кузьмич тихонько отворил дверцу в кабинет и уверенно просочился к месту королевской трагедии. Ловко подскочил к столу, поставил на него поднос, аккуратно изъясил у царя-батюшки из рук пустую бутылку, и, дождавшись, когда стихнет последний аккорд ждановского несчастья путем протяжного «о-о-о-о», под самый царский нос подсунул рюмашку.

Ждан сфокусировал рассредоточенный взгляд, прищурил правый глаз, уверенным движением цапнул сорококапельный наперсток и опрокинул в себя. И тут же рухнул, как подкошенный, в заботливые объятия старого верного домового. Причитая и покачивая седой головой, Бабай Кузьмич поднял неразумного своего воспитанника и перенес на диванчик, укрыл теплым пушистым пледом, подложил подушку по голову и под царские ножки и стал, не торопясь, прибираться в кабинете, продолжая ворчать про себя о «непутевом дитятке», которого «бабы до кикимор доведут».

Причитая про то, что старый спиртометр сломался, а новый продали бракованный. И в прошлый раз вместо сорока капель он, потомственный дворцовый домовый, Бабай Кузьмич, опростоволосился и накапал сорок одну каплю, и принца-наследника полночи никто не мог уgomонить и спать уложить.

И пришлось тогда на утро конюшню восстанавливать, живность к звериным лекарям таскать: псов охотничьих от заикания лечить, котов ловчих от испуга мышами выкатывать, чтоб от громких звуков не гадили, где не попадая, и истуканами в собственных лужах не застывали при виде тогда еще Его Высочества.

Злыдня того нечестивого, что товар некачественный продал королевскому домовому, на конюшне хорошенько выпороли розгами, чтоб не повадно было народ обманывать. Да и не случилось после той

давней истории больше ничего такого в тридцать пятом государстве, чтоб нынешний государь сразу две бутылки «Северного сияния ерша» себе затребовал ни с того, ни с сего. Тут взгляд домового наткнулся на скомканную бумагу зеленоватого цвета, похожую на сорванный с ветки лист. Бабай Кузьмич, кряхтя, наклонился и поднял записку. Расправил её на столешнице, и, покосившись на мирно спящего короля, подслеповато щурясь, шевеля губами, изучил содержимое.

Домовой обладал прекрасным зрением, но любил приbedниться иной раз, да и повадки людские перенял за многие века жизни во дворце. Дочитав послание королевы фей до конца, хранитель тяжело вздохнул: «О-хо-хо, быть беде!» Затем достал из широких штанин потрепанную толстую книжицу в закладках, карандаш и черкнул пару строчек. Еще раз перечитал письмо, что-то зачеркнул, что-то вычеркнул, положил бумагу на стол, накрыв тяжелой книгой, чтоб любопытные слуги нос свой не сунули в королевские документы, зажег подсвечник, поставил возле спящего Ждана графин с водой и покинул королевский кабинет.

Утро добрым не бывает. А утро свадебного дня с помелья и вовсе радостным не назовешь. Его Величество Ждан I Неотразимый (так короля с придыханием восторженно называли все дамы, мадамы и простые крестьянки государства) с трудом разлепил запекшиеся губы и простонал с чувством, толком и подвыванием. Во дворе снова забрехали собаки, а в королевский кабинет опасно просунулась голова служки. Заметив, что государь еще не поднимался с кушетки, слуга быстренько исчез из поля зрения еще не до конца пробудившегося царя-батюшки, и со всех ног помчался в каморку главного домового. И едва не снес Бабая Кузьмича с ног, завернув за угол.

Хранитель дворца степенно шествовал в сторону апартамента с подносом, на котором уютно расположились запотевший кувшин с рассолом, моченые яблочки в мисочке, похмельный отвар и свежесвареный куриный бульончик с травками для исцеления королевской головной боли, коли таковая имеется.

Спустя полчаса его королевскому величеству похорошело, и Бабай Кузьмич вызвал спальных домовят, чтобы подготовили короля к свадебной церемонии. Прибежал королевский цирюльник и принялся было колдовать над шевелюрой, но даже общими усилиями не удалось

распутать космы короля, которые в порыве злости Ждан настолько запутал, что хоть «караул» кричи. Причёсочных дел мастер взвыл и, решительно отогнав домовят, потащил величество в ванную по второму кругу, попутно отругав возмущенных спальных за то, что не вызвали банников для приведения царственной головы в божеский вид.

Спустя час, посвежевший и похорошевший, Ждан закончил банные процедуры под чутким присмотром королевского цирюльника Кудряна и царского банщика Дубадама. Младшие домовята снова засуетились вокруг государя, натягивая на него поочередно нижнее белье, подштанники, белоснежную рубаху с редчайшими и тончайшими кружевами, которые плели императорские пауки.

Эти заморские мастера, привезенные посольством из далекого триста тридцать третьего государства в качестве подарка от иноземного государя Паулиана, плели свою уникальную паутину из поколения в поколение исключительно для особ королевских кровей. И чем древнее кровь рода, тем изысканней и причудливей получался узор кружева. Ибо заплатить пауку за первый заказ приходилось каплей царственной руды.

Ждан I Неотразимый ворчал и капризничал, но как только к его волосам цвета зрелого каштана прикоснулись руки Кудряна, государь затих и блаженно расслабился в кресле, наслаждаясь массажем да и самой парикмахерской процедурой в целом. Его величество очень любил, когда его причесывают, млел от этого и утекал под руками мастера в nirvanу. Пожалуй, голова была единственным слабым местом короля, как пресловутая пятка его четырестаюродного братца по бабкиной линии со стороны отца, нелепо погибшего от ранения в не заколдованную точку.

Поэтому царскую головушку берегли как зеницу ока, а то и сильнее, чтобы не приведи Род, не замудрили родного государя да не лишили главного королевского достоинства. С младенческих лет приставленный к Ждану дядька (он же нянька, он же телохранитель) охранял от чужих покушений-прикосновений исключительно королевскую черепашку. А всем дамы, коих принц, а теперь король, удостаивал своим королевским вниманием, проходили у придворного знахаря обряд очищения рук. Травник специальной водицей обмывал женские длани, чтобы прикосновение к государевой голове не

отправило Ждана в путешествие по астралу и не нанесло вред королевству.

Принцессу-невесту из соседнего государства об этой особенности будущего мужа не оповестили, дабы спустя время вместе с родней не впала она в соблазн и не натворила дел переворотных. Хотя из родни у девицы осталась лишь мачеха да две сестры, но амбиций у всех трех хватало на небольшое королевство. Мамаша спала и видела себя исключительно королевской тещей. Но не срослось: даже подмена хрустальной туфельки на туфлю большего размера, чтобы выдать за принца старшую дочь, не помогла хитрой бестии. А сама невеста, влюбленная в короля донельзя, оказалась девушкой скромной, милой и вежливой. Как истинная аристократка, которую и дурной приبلудной кровью не испортишь.

«Эх, и куда глядел старый лесничий, когда опосля Русалины обженился на выдре этой заморской, маркизе Чурчхэле фон Грызли». Все это крутилось в голове у Бабая Кузьмича, который неторопливо приводил в порядок царский кабинет, собирая разбросанные вещи, подавая Ждану то чай, то кофе, то пирожок, пока королевские мастера хлопотали вокруг царского тела, наряжая его к свадебной церемонии.

Его величество Ждан уже пришел в себя и придирчиво разглядывал свое отражение зеркале. «До чего ж хорош! — самодовольно выпятив грудь и огладив эспаньолку удовлетворенно крикнул про себя король. — И хорош, и пригож, и умен, и силен, и...» — тут взгляд государя случайно наткнулся на кубок, который он держал в руках, и настроение царское резко испортилось.

Изукрашенный дивными самоцветами, на высокой ножке, напоминающей ствол дуба, увитый же дубовыми листочками так искусно, что казалось, подует ветерок и они зашелестят, этот бокал тонкой работы из цельного куска малахита подарила ему когда-то королева Вечного леса на помолвку. Второй точно такой же остался у Амбреллы. Давным-давно Ждан вместе со своей прекрасной феей вкушали из них редчайшие нектары волшебного леса, что готовили трудолюбивые пчелы и варили усердные медведи.

Раздраженный Ждан так резко поднялся со стула, что цирюльнику Кудряну пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы успеть выхватить расческу из царственных кудрей и при этом не нанести государю вреда. Король грохнул кубком о столешницу, сурово повел бровями, и

слуги гуськом торопливо потянулись на выход. В комнате остался только Бабай Кузьмич.

— Читал? — грозно рыкнул Ждан, усаживаясь в кресло возле стола и выдергивая письмо из-под книги.

— Читал, батюшка, а как же не читать, — закивал головой домовой. — Работа моя такая, покой твой беречь да беды-печали упреждать.

— Упредил он, как же, — дернул плечом Ждан, вглядываясь в ровные строки, витиеватой вязью украшавшие лист. — Вот что теперь делать-то? А ну как на свадьбу заявиться да скандал закатит?

— Дык, знамо дело, фейская королева завсегда слово держала. Раз говорит, что не явится, значитца, можно спокойно жениться и не кручиниться.

— Знаем мы бабские клятвы. Одно слово — ведьмы все как одна, нет им веры, — стукнув кулаком по столу, рявкнул Ждан.

— Да что ты, государь-батюшка, то простым бабам веры нет. На то они и простые, хоть и аристократских кровей. А тут сама королева угрож... — тут Бабай Кузьмич запнулся, чуть не ляпнув тайную мысль свою, что свербила его древнюю головушку последние несколько часов. — Сама королева, говорю, обещание дала, что свадьбу не испортит. Ей вера есть: никогда фея Вечного леса слово свое не нарушала.

— Не нарушала, поди ж ты, — уже более спокойно прогудел король. — И на старуху бывает проруха. Да закройся ты, — заорал Ждан так неожиданно, что домовой подпрыгнул на месте, что твой кот от испугу.

Король швырнул в окно тяжелую книгу, старательно метясь в сороку, что возмущенно застрекотала на последних государевых словах. «Ох, не к добру, — прищурился хранитель, вглядываясь в трещотку. — Ну, так и есть, шпионка фейская, королевой посланная. И ведь до единого словечка донесет, зар-р-раза!» — подскакивая к подоконнику, махая руками и кшыкая на птицу, тревожно размышлял Кузьмич.

— То, что Амбрелла брак расторгала — это хорошо. Плохо то, что для этого ей волшебной своей пожертвовать пришлось, — закрывая разноцветные оконные створки вслух размышлял домовой. — И насколько сила ее покинула, то нам неведомо. А раз так, надо

написанное в письме соблюсти и авось, к тому времени, как наследничек у царя-батюшки народится, гнев у крылатой да и пройдет.

Бабай Кузьмич неторопливо отошел от окна, наполнил кубок вином и подал Ждану. Его величество поморщился, но бокал принял. Подарком этим, как бы то ни было, он дорожил: королева фея зачаровала его на веки вечные не только от любой отравы. Но и вино в нем всегда, даже в жаркий полдень, оставалось свежим и прохладным. А потому не готов был Ждан I Неотразимый рисковать своим здоровьем и недругам своим смертоубийственный шанс давать.

— А ведь прав ты, старый друг, — успокаиваясь и принимая кубок из рук домового, задумчиво протянул король. — Главное, не забыть позвать ее на крестины. Да может, пару-тройку принцев-королевичей в ее лес поотправлять. Глядишь, влюбится в которого, а там и обо мне совсем забудет.

— Сомнительно мне что-то, государь, но попробовать можно, — покивал головой хранитель, отбирая у Ждана письмо и пряча его в потайном кармашке кафтана. — А я уж в книжечку свою записал памятку. Не забуду, уж будь спокоен, батюшка. И приглашу, и встречу, и размещу по VIP-разряду, когда пора придет. Любой каприз исполню, лишь бы Её Величество довольна осталась, да мысли черные свои отринула и мальцу царскому чего плохого не пожелала.

— На том и порешим, — прихлопнув ладонью по ручке кресла и поднимаясь из его уютных объятий, утвердил бывший муж королевы Вечного леса, а ныне — молодой жених заморской аристократки герцогини Синди де Рэлла, четвероюродной сестры иноземного короля Генриха Вредного.

Народ будущую государыню за кроткий нрав ее и красоту неземную, прозвал Зинаидой, что означало «божественная». И с нетерпением ожидал государевой женитьбы, чтобы и на пиру погулять, и за любимого царя-батюшку не переживать более. А то непорядок: государь уже не юноша, а все холостой ходит, да и наследника нет, беда. Случись что, так и начнутся раздоры среди бояр да господ, а того и глядишь, иноземец какой откопает в родословной родственника завалящего и предъявит права на престол, вот тебе и вся недолга. Потому и радовались все от мала до велика свадьбе царской, и пир готовился на весь мир.

Со всех царств-государств созвали гостей именитых. Прибыл маркиз Карабас, ныне царствующий в своем государстве с принцессой, которую влюбил в себя да к рукам прибрал обманом с помощью хитрована-кота.

В коробчонке своей золоченой прикатила царевна-лягушка со своим царевичем, оставив выводок лягушат дома. Прибыла Варвара Краса Длинная Коса со мужем своим Василием. Хоть и жила она теперь жизнью обычной матроны, отказавшись за-ради любви от венца царицы морской, да кровь королевская не водица, потому всегда рады ей были на пирах-балах, да на королевских свадьбах.

Зван был и Соловей-разбойничек Одихмантьев сын с женой своей красавицей Горыньей Змеевной, с дочерьми незамужними Василисой Красавишной да Еленой Премудрой. До сих пор судили-рядили в тридцать пятом королевстве сто сорок первом царстве семьдесят втором государстве, как принцу Ждану удалось дружбу со свистуном окаянным свести да уговориться, чтобы не трогал людей царских и гостей иноземных на дорогах близ земель своих. Тайну ту берег на сердце своем государь, никому не рассказывал.

Прибыл Змей Горыныч с новой женой своей греческой принцессой Гидрой Лернейской. Ох и страшна была девица: тонкая, как тростинка, высокая, что жердинка. Глазищи в пол-лица, коса черная до пяток вьется, словно змея-гадюка вокруг ног обвивается. И что только добродушный Горыныч нашел в этой иноземке? И по всему видно, дочери Горынье Змеевне не по вкусу мачеха пришлась. Сухо так раскланялись девы друг с дружкой да разошлись по своим ломам в ожидании свадьбы царской.

Прикатил Сивка-Бурка со своей вещей Кауркой. Каурке перво-наперво наказали рот на замке держать да предсказаниями на пиру не заниматься. Поседевший и раздобревший на царских овсах Сивка за женушкой пообещал усердно приглядывать, а слугам-виночерпиям велел за двести метров половину свою обходить. Потому как глоток вина творил с Кауркой черное: вещать начинала без продыху. пока голос не сорвет или с ног не свалиться от усталости. Даже и сквозь кляп предсказаньями умудрялась сыпать. И вот ведь диво какое: если тот, о ком вещает, рядом окажется да услышит предсказанное, то оно и случится с ним. А если мимо пройдет да внимания не обратит, то и жизнь его вещунья никак не зацепит.

Много кого съехалось на царскую свадьбу в королевство. Ту тебе и разведёнка Крошечка Хаврошечка принаряженная пришла. И Дед Мороз с женой своей Настасьей пожаловал. Да по такому праздничному поводу устроил на озере каток ледяной и фигур снежных понаставил на всем пути царского свадебного кортежа.

Мышка Норушка бросила свою нору на четыреста пятом этаже в собственном бизнес-центре и прибыла в карете новейшей модели: на пару да с золотыми колесами и оконцами из чистого хрусталя. Как сбежала она тогда вместе с курочкой Рябой от деда с бабкой, что морили их голодом, так и живут вместе. И партнерство у них деловое, и бизнес в гору идет. Ряба яйца несет, Норушка их в дело вкладывает, под проценты деньги дает народу.

Поговаривают, у нее в должниках государи-цари всех земель ходят и видимых, и невидимых. Мышка на свадьбу одна прикатила. Курочку свою, золото несущую, оберегала серая от чужих взглядов пуще чести девичьей и жизни собственной.

Пожаловал и водяной Пузырь Булькатеевич с русалочьей свитой, на восточный манер девиц своих в паранджу закутав. Не приведи Род, улыбнутся кому, так и прости-прощай: рано или поздно сгинет мужичок в пучине морской, либо в колодец сиганет. В общем, найдет способ утопиться, лишь бы с русалкой своей ненаглядной очутиться. И ни знахари, ни ведуны с колдунами от напасти не спасут. А уж если песнь русалочью услышит, так в тот же миг водяным столбом оборотиться, чтобы ручейком обрушиться на землю и ручным зверьком за хозяйкой век-вечный бегать-прыгать.

Гномы и великаны, Серый Волк и Жар-Птица (вот поди ж ты и такое бывает: выкрал волчара красотку свою из гарема заморского, так обженились и живут до сих пор душа в душу!). Снегурочка с Лелем, царь Берендей с женой, Колобок с женушкой рыжей своей Лисой Патрикеевной. Заманила девица-лисица колобка-молодца в гости, хлебом-солью потчевала, медом угощала да речами сладкими. Задушевными разговорами растопила лисица черствое сердце, любви-добра от людей не знающее, так и обвенчались они. И милуются столько лет в счастье да согласии.

Колобок сеть рестораций по всем городам и весям открыл на любой вкус и кошелек. Уже и на международный рынок вышел. В ближайшем тридцать шестом королевстве блинные запустил. Жители

заморские в восторге от блинков и блинчиков с начинками разными, им доселе неведомым.

Никто не отказался на свадьбу царскую прибыть. Битком набит государев Великий Собор, где все праотцы Ждановы под венец шли. На улицах от любопытного народа не протолкнуться. От самого дворца живым коридором с букетами и плакатами поздравительными стоят, государя своего разлюбезного славят.

Сам знаменитый рок-кот Баюн соизволил на королевском венчании свадебные гимны петь голосом своим бархатным, завораживающим, райские кущи обещающим. Все феи тридцать пятого королевства собрались и шепоточком переливчатым заморских товарок своих с гостями знакомили.

«А раз феечки здесь, — оглаживая бороду, слушая доклад шустрого помощника, размышлял Бабай Кузьмич, — значит, ее величество королева Амбрелла свое позволение дала свадьбу Ждана посетить. А посему слово её по-прежнему крепкое и в ближайшие годы опасаться её не след».

Удовлетворенно вздохнув, хранитель стяхнул последнюю, видимую только ему одному, пылинку с царского рукава, величественно распахнул двери и густым басом громко оповестил:

— Его Королевское Величество Ждан I Беспардонович, государь тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства.

ГЛАВА 4. На границе тучи ходят хмуро...

Амбрелла уютно расположилась в сиреневом зале своего дворца. Цвет сирени последние годы превалировал в ее настроении. И Чомору это жутко злило: «Жёлудь с дуба, ветке легче», — без устали твердила она своей воспитаннице. А тут еще царевна-лягушка муравьев в пенек подкинула. Прикатила в гости в прошлом месяце, да и принесла недобрую весть о скорой свадьбе пустобреха: так про себя звала бывшего принца Ждана старая хранительница леса, а по совместительству — бессменная королевская нянька. Да по секрету поведала Чоморе: сиреневый, мол, признак болезненности души, тайных переживаний и страданий.

«Ишь, ты, чего удумала! Королеву нашу голубушку в мертвячку обратить! А все эта треклятая психья логия, будь она неладна! Ах, ах, сиреневый — это «маленькая смерть!», — передразнивая царевну, противным голосом пропищала Чомора. — Да вовек такому не бывать, чтобы из-за пустопорожнего человечка красавица наша смерть приняла!» — ворчала про себя старая карга, заваривая свежий чай с лесными ягодами и собирая на поднос разносолы-вкусности для своей любимицы.

Нянька упрямо считала, что королева зря простила бывшего мужа и ценой своей магии спасла его от страшного наказания. Заклятье Вечного поиска совершенства грозило неверному возлюбленному феи, но Амбрелла выбрала лишение магии за нарушение обета.

«А теперь что? Сердечко свое разбитое Эллочка в науках тайных по иголочкам-лепесточкам собирает. На других женихов и не глядит вовсе. А ведь за последний год кто только не сватался! — причитала Чомора, накладывая в розетку варенье из еловых шишек. — И эльф златовласый из Зеленых лесов на крылатых конях припархивал, и Кощей Бессмертный на драконе подкатывал, и Иван-царевич на ковресамолете залётывал, да все без толку. Сидит в книжках своих, колдовство человечье изучает. Ох, не к добру это, быть беде!»

Так, продолжая ворчать и ругаться себе под крючковатый нос, Чомора закончила приготовления и ласково тронула крупный

оранжевый цветок, что свисал над кухонным столом с лианы. Раздался нежный перезвон, и в распахнутые двери вбежали еноты. Подхватили подносы с чаем и яствами и под предводительством старой управляющей чинно потопали по коридору в направлении королевских апартаментов.

«Охо-хонюшки-хо-хо, и зачем госпоже человеческое колдовство понадобилось? Своего что ль не хватает?» — вздыхал старый леший Дубовод Семидневич, отпирая дверь в погреба тяжелым латунным ключом. Подумал так-то и тут же себя одернул: до сих пор гаркун вину за собой тащил. Это он тогда замордовал-запутал принца Ждана, да к королеве привел. А ведь говорила Чомора, предупреждала: «С копытца воду не пьют, с лица души не глядят».

«Не послушал, старый дурак, каргу мудрую, вот и снимаем теперь пустоцветы вместо ягодок», — тоскливо вздохнув, лешак поднажал на ключ.

Замок скрипел и сопротивлялся изо всех сил, не желая пускать управляющего в погреба на разорение: «Хоть бы деточка народилась в браке-то, все легче соловушке нашей жилось бы. Так и тут подкачал, шалопут окаянный!»

За столько лет так и не смирился, не привык старый управляющий к тому, что королеву Амбреллу решением Совета Древнейших лишили крыльев, а вместе с ними и природной магии. Те крохи, что остались в руках у феи Вечного леса, лешак и за силу-то не считал.

А подручную волшбу и вовсе баловством дитячьим обзывал: крючочки рассыпь — оградка поднимется тот час из колючек шиповника; гребень урони с руки правой — так и вовсе лес встанет непроходимый в тот же миг. А уж рукавами махать да прудами с лебедями разбрасываться на пирах, так то всякая вертихвостка навроде царевны-лягушки может. Велика хитрость вещицы природными чарами напитать, да фокусы показывать. То ли дело магия леса.

Вспомнив про царевну, леший сердито засопел: не любил Дубовод Семидневич волшебницу молодую да из ранних! Поговаривали феечки, будто бы влюблена лягуха была в принца Ждана, все ждала, когда он руку и сердце ей предложит. А он возьми да и влюбись в подружку лучшую, в фею лесную. Да не в простую, а в самую королеву! Всех девиц-красавиц разом царевич замечать перестал, мучился, пырхался, да и пришел свататься вопреки воле отца.

Так и обженились они тогда по законам Вечного леса, наплевав на советы старших и на предупреждение Чоморы: не признает, мол, никогда, Беспардон Долдонович обряд лесной. А вместе с ним и мир человеческий в праве женой законно называться откажет.

Но влюбленная Амбрелла (Эллочка, как звали ее близкие) по молодости лет и неопытности своей не принимала увещаний, а Ждан так и вовсе такие мелочи глупостью считал. Думали, глупые, царь-батюшка смирится, да и признает невесткой королеву Вечного леса. Не тут-то было. Старый царь рогами уперся, депозиты поотбирал, из замка выставил, и условие поставил: либо государство и трон в наследство, либо любовь-морковь, но без короны царской.

Поначалу-то разъярился Ждан да ушел, в чем был, жить к любимой. А было у него немного немало тридцать три повозки добра разного. Пришлось даже отдельное крыло ко дворцу пристраивать, чтобы пожитки принца разместить.

«И жили ведь, не тужили, — справившись с упрямым замком, спускаясь по ступеням в закрома, размышлял Дубовод Семидневич. — Гостей привечали, сами по гостям катались. Мед-пиво пили. А вот, поди ж ты, как оно вышло...»

«Век живи — ничему не научишься», — эту мысль последние годы мусолил в себе старый управляющий и королевский учитель премудростям жизни. Ученики Дубовода за глаза прозывали Неделька: очень уж любил старый лешак путников-неучей водить вокруг старого дуба кругами по семи дней. А то, что неуч в лес попал, так то и моховому видно. Ногами топают, аки дубыня, шорохов-вздохов боится, тени собственной пугается. А уже как от лешачьего наваждения избавиться, так вовсе не знает. Таких и проучить не грех.

Вот так и привел лешак принца Ждана к королеве своей по глупости, да поддавшись на уговоры гаевки-любимицы: красивый, мол, да пригожий, а глаза что озера глубокие. Подвела под топор деда старого внука окаянная! Потому и чувствовал старый леший вину свою вот уже который десяток лет, за то и любое желание своей королевы старательно исполнял в меру своих сил и возможностей.

Вот и теперь спускался в погреба старый лешак не просто так, а по принуждению: за волшебным говорящим зеркалом, что выменял давным-давно в подводном царстве через старого знакомого корабельщика Садко. Чудеса чудесные показывала вещница, коли знать

волшебные слова. Подарок сей Дубовод Семидневич приволок королеве аккуратно в день ее рождения. Поигралась тогда госпожа с придворными феечками, повеселилась-посмеялась, заморские таинства разглядывая, да и отправила подарок в закрома. В своём доме куда как много интересного, невиданного да неизведанного. А вот теперь понадобилась зачем-то колдовская стекляшка.

«Быть беде, как есть, быть», — покачал головой Дубовод Семидневич и велел полуверице, что богатства королевские охраняла денно и нощно, упаковать зеркало да в сиятельные покои королевы в тот же миг доставить.

Амбрелла сморщила хорошенький носик и дернула плечом, когда раздался стук в дверь: несчастные глаза лешака и возмущенное ворчание Чоморы раздражали. Но что поделать, приходилось терпеть: старые хранители леса служили в ее семье с незапамятных времен и нянчили еще ее родительницу.

А когда, к несчастью, юная наследница лес и вовсе осталась без старших рода, что погибли при странных обстоятельствах, так и вовсе Чомора и Дубовод заменили ей родителей. Любовь и благодарность жили в сердце королевы, а потому снисходительно относилась она и к чудачествам старого лешего, и к опеке Чоморы.

Искреннюю заботу, что тонкими ниточками тянется из глубин души и сердца, а не вырастает шиповником по принуждению или из чувства долга, лесные жители ощущали так же верно, как магию леса. Любовь, как и волшебство, струилась в их жилах, билась в сердцах. И горе тому, кто по незнанию или глупости, а то и по злому умыслу осквернял светлое чувство.

Черным ядовитым плющом покрывалась душа лесного народа, мрачные тени поселялись в зеленых глазах, счастье и радость постепенно отмирали в сердцах. Вместо них в самом средоточии жизни — в солнечном сплетении — зарождалось равнодушие и холод. Виновнику же оставалось уповать лишь на то, что обиженное существо, лишённое света любви, не будет мстить. А мстить духи леса умели изощренно. И не сразу.

Именно холодность чувств и замечала последнее время в своей воспитаннице и королеве старая Чомора. И все сильнее предчувствие беды холодило грудь, да так, что даже листочки из прически стали желтеть и опадать, а цветы потеряли яркость и аромат.

Вечерами за чашкой чая, переделав все хозяйственные дела, вместе с Дубоводом судили-рядили: как быть да что делать. Ни единой мыслишки здоровой не приходило в их мудрые головы. Не ведали хранители-воспитатели, как спасти-уберечь свое чадушко ненаглядное от страшного ледяного морока, что тихой сапой медленно, но верно день за днем превращал сердце Амбреллы в глыбу льда.

Ни Чомора, ни Дубовод ни разу за долгие свои лета с такой напастью не сталкивались. В старых преданиях, сказаниях и книгах о такой беде упоминалось вскользь. Да и не влюблялся никто из фей долгие века в людей до такой степени, чтобы связать себя узами Вечной любви.

В разьединственной легенде, что откопали совы-книжницы в королевской библиотеке, и вовсе рассказывалось про глупого человеческого юношу, что приглянулся Снежной королеве, да и принял добровольно в свое сердце кусок льда на веки-вечные. Кабы не девица его отчаянная, так бы и остался бедолага в мертвых чертогах на краю мира, без ума и без памяти.

А тут дело другое, заковыристое: не смирилась Эллочка с потерей своей, простить, может, и простила окаянного, да вот радость по капельке ушла за годы долгие, что жила и надеялась, любила и верила. Потому морок и вполз незаметно в сердечко нежное, лапками своими ледяными солнышко души опутал, разум заморочил. И что теперь делать, как помочь любимой правительнице Вечного леса, к кому за советом бежать, у кого лекарства выпрашивать, не ведал никто в королевстве фей.

Амбрелла не обернулась, когда в апартаменты просочились юркие еноты и под руководством педантичной Чоморы установили принесенное из погребов волшебное зеркало. Не оглянулась она и тогда, когда старая хранительница, демонстративно ворча что-то неодобрительное себе под крючковатый нос-сучок, расставляла сладости и закуски на столике возле камина, в котором ароматно горел огонь, пожирающий зачарованные ветки сухостоя.

Переставив приборы, смахнув невидимую пыль, разложив салфетки, Чомора уж и не знала, что придумать, чтобы выспросить у Элочки, для чего ей зеркальце чужеземное понадобилось. Уж и про погоду спросила да ответа не дождалась. И про дровосеков поведала, что деревья повадились губить на краю Вечного леса. Про зеленых

жуков неведомых нажалилась, что с заморской стороны ветром заносит на погибель листвы: грызут, паразиты, все что цветет и пахнет, и нет на них никакой управы.

Про погоду королева промолчала. На человечков — губителей леса — дубынь наслала, отправив послание через дубовый листочек. За саранчу словечка не произнесла Чоморе, только тонкий, как паутинка, серый плат из шкатулки стариной вынула, дунула на него трижды, плюнула через левое плечо, да и выкинула в оконце.

И полетела стая злобных сорокопутов, среди лесного народца «палачами» прозываемых, в ту сторонку, где живоглоты зеленые нападение устроили. Не губить более гадам чужеземным лес волшебный, всех изведут хищники крылатые. Всё услышала Амбрелла, лесу Вечному помогла, но так и не обернулась, на Чомору не глянула, слова не молвила.

У дверей хранительница глянула на воспитанницу свою: стоял та у окна, не шелохнувшись, замерев, словно... змея перед броском. Вздрогнула старая от промелькнувшего в голове сравнения, прищурила глазоньки и тихо охнула. Темнеть начали белоснежные волосы Амбреллы, пять черных прядей насчитала Чомора и ужаснулась: тьма недобрая ледяная все сильнее сковывала сердце лесной феи, изменяя под себя не только душу, но и внешность воспитанницы.

Охнула хранительница и торопливо вышла из королевского кабинета. Жестом отправила еотов восвояси на кухню и заторопилась к Дубоводу Семидневичу за советом. По дороге устроила нагоняй шустрым бурундукам, что в коридорах порядок наводили: «Шустрей прибираться надоть!» Под горячую нервную ветку Чоморы попали и белки-летяги: «Пошто плохо из паутины декоративной под потолками высокими пыль повыбили!» Всем осталось на орехи, пока шла старая нянька к лешему с новостями страшными.

Дубовод отыскался на конюшнях: гонял молодых мальчишек-пажей из знатных семей волшебников да фей, что в обучение всем лесным магическим премудростям отдавались в королевский дворец в возрасте тридцати восьми годков от роду. Считалось, что к этим летам отпрыски набирались ума-разума, шалости забывали, остепенялись да в премудростях радость начинали находить, чтобы через два лета без

забот и хлопот обрести гармонию со всей своей внутренней колдовской силою.

В сорок лет и одну ночь выросшие феечки полную власть над своим источником магии получали. А тонкие крылышки, что трепыхали за спиной у лесного народца с рождения (больше для декорации да полетов в малом облике), становились из прозрачных разноцветными. Со сменой окраса пробуждались и чары той стихии, которая преобладала в юных феях. За ночь крылья обретали свою неповторимую форму: увеличивались в размере, в мощи размаха, а потому отпадала необходимость уменьшаться до размера крупной бабочки, чтобы всласть полетать над землей.

Вчерашние дети-несмышлениши становились не просто взрослыми хранителями и магами Вечного леса — от букашки до могучих дубов, — но и живыми источником нескончаемой природной магии. Оттого и не любили феи покидать пределы своего заповедного королевства в королевстве: в чужих царствах-государствах много желающих заполучить такой негаснущий магический резерв. Всего-то и нужно: заманить фея в клеть, когда он в малом облике. Да так завлечь, чтобы и не догадался, что добровольно в темницу вошел, загадками загадочными увлекшись. Очень уж охоч лесной народец до тайн всяких и историй замудренных.

Да и клетка та непростая: из дубовых неломанных да не сорванных веток свить ее надобно, чтоб не росла, но и не засыхала. Из такой темницы ни в жисть не выбраться маленькому человечку, сколь бы силен он не был, когда полный рост обретает. А вырасти в той ловушке невозможно. И спастись можно только через королеву Вечного леса, или похитителя уговорить-обмануть, чтобы тюрьму отпер.

Да только не бывало таких дураков, коим посчастливилось фея малого изловить и запереть, чтобы вдруг пленника отпускали. Прятали далеко и ото всех такую добычу, на сто замков, на сто запоров зачарованных, заговоренных. Ибо государи Вечного леса беспощадны были в своем наказании, коли удавалось лесным сыщикам отыскать несчастного и разузнать, где его прячут-хоронят от света белого. Убивать не убивали, потому как существо живое, хоть и неразумное, слепошарое. Но гласили былины и сказания: лучше смерть принять из рук лесной феи, чем терпеть кару назначенную.

Оттого на такую глупость сподобиться могли только иноземцы. В тридцать пятом королевстве сто сорок первом царстве семьдесят втором государстве, на границе которого раскинулся Вечный лес, татей, рискнувших фею полонить, нее бывало отродясь. Дубрава полумесяцем обнимала земли славного государства, и старики детям-внукам испокон веков заповедовали: ни за какие коврижки лесной народец не обижать, покой фейского заповедства не нарушать. А коли уж приспичит в лес волшебный пойти, то испросить разрешения на границе у трех сосенок.

Коли по кругу деревья после просьбы своей обойдешь и в лесной полумрак окунешься, радуйся: пустила королева в свои владения. А нет, так в трех соснах так заблудишься, что к ночи не выберешься. А ругаться будешь, злиться и всяко-разно обзывать лесовиков, так и неделю в деревцах блукать будешь.

Поджав губы и качая головой, наблюдала Чомора за тем, как молодежь единорогов обихаживала: гривы чесали, хвосты в косы заплетали, венки на витые рога прилаживали. Цветочные украшения не одобрила, нахмурилась, собралась было что-то буркнуть, да тут ее Дубовод заметил и, отдав распоряжения расшалившимся феям, степенно прошествовал через изумрудный луг в старинной приятельнице.

Заметив недовольно нахмуренные моховые брови Чоморы, леший замедлил было шаг, но потом едва заметно улыбнулся в густые усы и продолжил неспешно подходить к насуспенной хранильнице.

— Не ворчи, старая, — не дав и рта раскрыть Чоморе, останавливаясь рядом, миролюбиво произнес лесовик. — Али сама молодой не была? Али не помнишь, как сила перед выходом искрилайграла, спать не давала, на чудачества подбивала?

Скривился нос-сучок, но промолчала старая нянька: «А и правда, чего это я? Молодо-зелено, пушай себе балуют, коли единороги не против, — и вздохнула тоскливо. — Как беда-напасть с Эллочкой приключилась, так я и света белого не вижу, и радость чужая как бельмо на глазу...»

— Ну что ты, что ты, — косясь на молодых, неловко похлопал хранильницу по плечу Дубовод. — Все хорошо будет, и в нашем лесу мандарины зацветут на дубах.

Очень уж уважал заморский фрукт леший: и кисленько, и сладенько, и освежает. Чомора невольно улыбнулась, представив себе чудную картину: вечный дуб, усыпанный белыми мандариновыми цветочками. Вздохнула тяжело, стирая улыбку, оглянулась на дворцовые окна и тихонько произнесла:

— Не верили мы с тобой, старый, да все, как в книге древней писано, одно к одному. И зеркало затребовала, и пять черных прядей у Элочки обнаружила. Неужто все, конец пришел нам? Приберет к рукам тьма беспросветная девочку, погубит сердце золотое и станет мрачной непроходимой чащобой светлый Вечный лес, ручьи болотами, а мы нечистью морочной злобой.

— Как же так, — всполошился лешак. — Что же делать? Может, зеркало-то разбить? Али на поклон к старейшинам за крыльями идти?

— Не отдадут, окаянные, — всхлипнула-скрипнула Чомора. — Им дела нет до нашего горя. Решили, как отрезали! А и наплевать им было, что деточка без отца-матери сколько годков росла, одна-единешенька премудрости жизни познавала. Мне ли было за сердцем золотца приглядывать? Да и куда мне, али я мать ей! И откель занесло его в лес наш, окаянного ирода!

Тут Чомора заскрипела, как дверь несмазанная, крючковатым носом засопела. Дубовод торопливо прикрыл хранильницу спиной своей широкой от любопытных глаз феев, что закончили украшать единорогов и теперь искали, какую еще веселость совершить. И уже поглядывали в сторону своего наставника и королевской домоправительницы, прикидывая шалость безобидную.

— Ну будет тебе, Чома, будет! — не любил женских слез старый леший, не терпел.

Коли девица, заблудившаяся в лесу, подвывать начинала от страха, Дубовод злился, ветками деревьев за подол крикунью хватал, волосы за сучки зацеплял, лишь бы побыстрее слезы выплакала да замолчала. Но ревели обычно нерадивые да неумные. Кто поумнее, да старших слушал, те знали, как от лешачьего наваждения избавиться. Чего уж проще: сняла одежду да наизнанку вывернула, глаза лешаку отвела и вся недолга.

— А все ты, старый дурень! — вскинулась вдруг Чомора, вытирая платочком нос. — Это ты ирода привел окаянного на погибель нам! —

и покатились слезы-росинки из глаз-омутов старой хранительницы по глубоким морщинам.

— Да я что... Да кто знал... — забормотал Дубовод, так никому и не сказавший, что внучку любимую послушал тогда, да и заманил красавчика-принца.

— А ведь Эллочка тогда только в пору взросления входить начала. И пяти весен не прошло как источник заискрился в сердечке ее. Знамо дело, дитя невинное, любви истиной неведавшее да не видевшее, всякий хмырь облапошить мог.

— Ну будет тебе, Чома, выкрутимся, не впервой, — пробасил, успокаивая подругу, лешак. — От Соловья избавились, и на морок ледяной управу найдем.

И охнул, получив ощутимый удар в грудь.

— Избавились... Да лучше б Соловей у Горы сидел... — в сердцах буркнула Чомора, успокаиваясь. — Ладно, слезами роднику не поможешь. Надо бы к Берендеевне наведаться, может она что подскажет. Все ж таки в двух мирах живет: и в живом, в мертвом. Глядишь, и научит, как от морока Эллочку спасти.

— На том и порешим, — протягивая хранительнице сухой платок, покивал Дубовод.

Они еще постояли чуток, обговаривая, где и как вечером встретятся. И разошлись по своим охранительным делам. Дубовод пошел расшалившихся фей угоманивать. Чомора отправилась на кухню разгон устраивать да опосля апартаменты проверить: все ли прибрали, проветрили, цветов ли живых новых в спальню Элочки принесли ли.

Позже сидела в кресле в своей каморке хранительница и почту королевскую разбирала: в одну кучку ненужный хлам со всякими кричалками-зазывалками. «Ишь ты, чего удумали: крем молодильный из слез русалочьих! Вот ведь бездари! Да после такого кремушка и про молодость-красоту не вспомнишь, за русалкой в омут нырнешь без памяти».

«Эх, и ведь на танцы не поедет, сердечная, откажется, — вертя в сучках приглашение от Полоза, золотом писанное, размышляла Чомора. — А ведь складно-то как: змей мудрый, человечьих царьков не позовет к младшенькой своей праправнучке на Первый бал. Все свои будут, тут бы Эллочка и приглядела кого, отвлеклась от мыслей

мрачных, — призадумалась старая нянька да и отложила письмецо в другую сторону, где важные документы лежали. — Ну а что, а вдруг», — мелькнула хитрая мыслишка.

Перебрав почту, сложила обе стопочки в разные шкатулочки и отставила до вечера. Важного-срочного ничего не прислали, потому за ужином Амбрелле можно показать. Ненужные зазывалки выкинула в ведерко: хвостатые потом придут, к себе утащат. Любили лесные мыши запах бумаги и яркие краски на ней. Столько поделок бумажных зимними вечерами создавали в семействах: изящные шкатулки, звенящие занавеси, коробка для одежды, всего и не упомнишь, а по весне людям продавали. Купцы человечьи из соседних царств-государств к празднику Солнца в немалых количествах съезжались, чтобы прикупит да перепродать потом у себя.

Мысли разнообразные хозяйственные и пустотелые крутились в голове Чоморы, загоня страхи поглубже. Впервые хранительница не знала, что делать и от кого помощи ждать. Ни мать ее, ни прабабка не сталкивались с такой напастью. Да и в летописях фейских не встретилось ни строчки про несчастную любовь феи к человечку и про ее разрушительные последствия.

Чомора поднялась и подошла к комоду в самом дальнем углу комнаты. Задумалась на мгновение, кивнула сама себе и открыла верхний ящик. Порылась нетерпеливо, разыскивая потрепанную записную книжицу. Когда нашла, аккуратно разгладила обложку и вернулась за письменный стол. Достала чистых листов лилейника, взяла заостренную палочку и стала писать записку подруге своей старинной Яге Берендеевне Бабкиной.

Вспомнив подружку, Чомора расплылась в довольной улыбке: «Яга она и есть... Баба Яга, — фыркнула про себя, припомнив, какое прозвище придумали ученицы в лесной школе чар и магии Ягуше, чтоб на место зазнайку поставить.

Как же, как же, самого царя Берендея дочка за одной партой с простыми хранителями учиться будет. Потом, конечно, дружба наладилась, да имечко так и осталось. Еще и в мир ушло. Так и звали ее людишки бабой Ягой с давних пор и по сей день.

Записочка написана, ворон вызван и отправлен к Яге. Осталось только дождаться ответа от Берендеевны и в гости отправится с надеждой на помощь. Чомора тяжело поднялась, опираясь на

столешницу обеими руками. И отправилась на кухню с очередной проверкой: все ли к ужину готово да какие сладости Эллочке наготовили. Может, захочет чего, деточка, а то с лица спала страшно, так и до кикиморы дохудеется.

Над Вечным лесом сгущались тучи грозовые темные, со стороны северной заходили, к границе подбираясь. На окраинах уже пахло грозой. Три охранные сосны верхушки склоняли от ветра, а осинки и вовсе от страха тряслись. Где-то далеко грянул гром, полыхнула молния, отражаясь в зеркалах туч. Что-то несли они в себе нехорошее, бездушное. Но никто пока о том не ведал.

ГЛАВА 5. Элла, Эллочка, Амбрелла

Словно сквозь туман пробивались к Амбрелле слова старой няньки, но отвечать не хотелось. Да и отвечать нечего. Отправила на помощь лесу сорокопутов и дубынь, и снова замерла, сидя в кресле возле окна, равнодушно наблюдая, как текут по небу облака белые, перистые. Не понимала королева, что с ней происходит. Вроде и любви к бывшему мужу в сердце более нет. Да вот, поди ж, ты, задела-зацепила её женитьба Ждана до самой сердцевины души.

Что-то мутное, тягучее и обжигающее поднялось из глубин, захотелось, если не отомстить, то сильно напакостить. А еще лучше, болью отравить, чтобы понял, неверный, каково это: любить и мучиться столько лет безответно. Ждать и надеяться, что одумается и вернется. И не понять, что страшнее мучило душеньку: крылья отобранные, или любовь растоптанная.

Разум верх взял над злобой накатившей, и мстить Амбрелла не стала. Но письмо написала и отправила, и решение менять не собиралась. Очень хотелось ей, чтобы возлюбленный ее бывший прочувствовал, каково это — с занозой в сердце жить, когда не вздохнуть, ни выдохнуть не можешь. Когда солнце погасло, и краски яркие выгорели. Пенье птичье чудотворное ржавым карканьем воронов звучит. А в сказках леса и вовсе ужасы мерещатся.

Фея нехотя выбралась из уютных объятий любимого кресла с высокой спинкой, в котором пряталась от назойливой нянюшки. Мелькнула было мысль, что неправильно все это, поговорить бы с Чоморой, успокоить, утешить, сказать, что все пройдет и светло снова будет. Любит ведь нянька ее, неразумную. И Элла души в ней не чает. Но утекла думка, словно вешний снег под солнышком растаяла.

Холодно.

Амбрелла передернула плечами, подошла к резному шкафчику, распахнула створки и достала шаль-паутинку, пауками местными связанную, заговоренную на вечное тепло. Пух ласково прильнул к телу, но не согрел, только вызвал глухое раздражение: не таких прикосновений хотелось, другой ласки сердце ждало.

Холодно.

Не греет шаль душу омертвевшую, глыбами льда заваленную. Лед остужает разум и охлаждает разбитые осколки, но острые грани царапают изнутри солнечное сплетение и не дают забыть, выкинуть из головы, встряхнуться и жить дальше. Столько лет ждать и надеяться, что образумится любимый, вернется к ней и жизнь наладится, боль уйдет, а сердце вновь забьется в гармонии с Вечным лесом и миром. Затрепыхалась было умирающая надежда, когда старый король преставился. Да не судьба видно. Не пришел, не написал, не ступил на порог со словами нежными извинительными.

А потом нелегкая царевну-лягушку принесла. Вот ведь зараза хладнокровная, дождалась-таки своего часа. Прискакала в своей коробченке посочувствовать, поддержать. А сама глаз жадных с лица не сводила, все чувства разглядеть пыталась, эмоции уловить, подпитаться.

Говаривала Чомора, что зеленуха темным колдовством занялась, омолаживающим, эликсир чудодейственный создала, да на нём озолотилась. Сеть косметических салонов по королевству открыла. И сама молодеет с каждым днем и часом.

А мазь та на слезах невинных дев замешана, на страданиях любовных и печалях души. Оно всегда так и бывает: чужое горе другому в радость. В человеческих семьях такое частенько случается. А если приправить лицемерным сочувствием, так и вовсе эффект усиливается: намазалась вся, и тело до того легким становится, словно только на свет народилась и впервые над лугами взлетела на крыльях тоненьких.

Сама Амбрелла крем тот в глаза не видывала, хоть и предлагала ей заклятая подруженька баночку. Да не нужна ей красота и молодость такой ценой. Из души краса вырастает, в ней же и расцветает пышным цветом. Чем солнышко новорожденное в сердцевинке существа живого подпитывать первые годы жизни, такой и жизнь будет. Любовью да заботой, вот и добрым малыш вырастет. А коли злобой да завистью, хорошего не жди.

Потому и не понимала сейчас Амбрелла, что с ней происходит, отчего холод в душе поселяется, а сердце все меньше и меньше на радости реагирует, равнодушно в груди постукивает. Оттого и стала искать в книгах древних, фолиантах заморских ответы на свои вопросы незадаанные. В одной рукописи про зеркало прочитала, мол,

все знает. Поможет, научит, подскажет. Вспомнила, что в закромах стекло волшебное имеется, велела принести. Вот теперь стоит перед ним, и мучается: что спрашивать, о чем загадывать?

Амбрелла взяла со стола яблоко, отошла к окну. Равнодушным взглядом скользнула по чудной парочке: Чомора и Дубовод о чем-то шептались посреди двора. Вот нянька суетливо оглянулась на окна ее кабинета и, не заметив в проеме арочном свою воспитанницу, продолжила что-то горячо шептать лешему, утирая нос платочком, королевскими руками вышитым, на день трехсотлетия подаренный. Молодая у нее нянюшка, шустрая. А все старушкой прикидывается.

Глянула на молоденьких феечек, что развлекались с единорогами, и невольная улыбка тронула бледные уста королевы. Вспомнилось на секундочку, как сама маленькой была, в хвосты ерожиков цветы вплетала. Как силушка в крови бурлила, на волю просясь. Забилося было сердечко в другом ритме, живом и горячем. Да тут же память услужливо картинку подсунула, как на этих самых зверях волшебных по лесу Вечному со Жданом катались, сбегая от заботы ворчливой Чоморы.

И кольнуло внутри, стих стук сердечный, выровнялся. Ледяные пальцы сжали виски, ладони холодные погладили сердцевину солнечную, прогоняя жар душевный, гася угольки робкие, изморозью покрывая мир Амбреллы. Яблоко из рук выпало и покатилося по полу, но королева не заметила, погрузившись в воспоминания.

* * *

Амбрелле исполнилось только-только сорок четыре лета, когда с ее лесом первая трудность приключилась. Поселился под горой Живун на семи дубах злодей злодейский — Соловей-разбойник. Были бы живы батюшка с матушкой, никто бы и не закручинился, враз бы ворога восвояси выпроводили. А Эллочка только-только венец королевский приняла, мудростью не владела, многого знать не знала, ведать не ведала. А сердце молодое да горячее к разуму не прислушивалось, требуя немедля злодея изгнать и наказать.

В одночасье не стало правителей-родителей, исчезли в один день и с концами. Искали их долго, да не нашли. Земля молчала, ветра не слышали, луна и месяц не видывали ни в каких краях дальних короля и королеву. Потому и венчали на царство юную Амбреллу, приставив к ней опытных и мудрых учителей по наукам: по лесным загадкам, по природным явлениям, стихийным бедствиям, придворному королевскому этикету, наколдованным чудесам. Да опростоволосились: академик Тортильо (специалист по государственным связям с человеками, профессор человеческих душ) женился нежданно-негаданно на Гретель и отбыл в страну заморскую Чопорию.

Ни Чоморе, ни Дубоводу, ни даже Совету старейшин и в голову не пришло, что юная королева умудрится полюбить человека. По договору со всеми царствами-государствами в зачарованные леса, коих немало раскинулось по землям, нога человечья ступить могла только с позволения королевского. А уж про рубку дров али разрушения какие, речь и вовсе не шло.

Не терпели феи, когда природу мучали, в дубравах-рощах шумели, мусорили, ветки без причин ломали. И только единожды в месяц волшебные леса принимали гостей человеческих в свои недра, позволяя грибы-ягоды собирать по сезону, траву-муравку лекарскую. Но своеволия не позволяли, могли и навечно в себе оставить за грубость какую или ветку специально сломанную. А потому в основном на сборы ягодные девицы и бабоньки ходили. Одних молодок незамужних не пускали ни при каких обстоятельствах: а ну как фей соблазнит или того хуже, лешак в жены заберет!

В благодарность окрестные жители подарки отставляли чудные: чаши каменные, ткани вручную расписанные, предметы механические, без магии работающие. Лекарям да знахаркам вовсе разрешение королевское выдавалось на постоянной основе: люди они ведающие, глупости в лесах не творят, правила лесные уважают. Темных колдунов да человеков с черной душой Вечный лес и вовсе в себя не пускал. В трёх соснах блукали такие недруги. Пока не падали с ног от усталости. А самые настойчивые да упертые и вовсе сквозь землю проваливались. И где потом объявлялись на свет белый, никто особо не интересовался.

Каким ветром на границу с Вечным лесом принца Ждана в тот несчастный день занесло, до сих пор непонятно. Проскакал бы мимо, да вернулся бы к своим егерям-охотникам, свите придворной. Но увидела его гаевка — внучка Дубовода Семидневича, и бегом деду докладывать: так, мол, и так, справный принц на коне коло леса ошивается, а ну как поможет королеве с Соловьем совладать. Все ж таки одного корня ягоды, кровей человеческих, да и мужеского рода оба. А знамо дело, мужик мужика поймет издалека. На свою беду послушал неразумную старый леший, завел Ждана в лес, королеве показал. И завертелось.

Выслушал тогда принц Амбреллу, и, хоть и сбледнул с лица, да храбро в грудь себя стукнул и поклялся Соловья-разбойника извести.

Собрали его в путь-дорогу, пару вещиц волшебных для удобства дали: салфетку-самобранку походную, стаканчик-наливайку для питья. Ну и по мелочи всяко-разно собрали: плащ-невидимку, свисток-зазывалку (свистнешь в него три раза, слетится птиц видимо-невидимо), одеяло-на-земле-спало (расстелешь на привале, мягче перины станет, в любую стужу согреет, под любой размер и форму подстроится). И отправили королевского сына на битву страшную, на подвиг ратный.

Вернулся принц Ждан в королевский дворец с победой ровно через неделю. С лица опухший и помятый, словно семь дней на булыжниках спал. Руки белые тряслись, ноги не держали. Амбрелла выбежала сама лично встречать героя, слуги верные в палаты героя повели на перины пуховые отдыхать уложили, предварительно попарив в баньке, да окунув в купель с живой водой. Уж больно запах от принца шел неприятный.

А после пир был на весь лесной мир. И с замиранием сердца Амбрелла слушала повесть о ратных подвигах Ждана, что аки лев бился неделю без продыху с окаянным Соловьем-разбойником. И одолел-таки врага в бою жесточайшем. Однако убивать не стал, пожалел, отпустил с миром злыдня, взяв с него слово крепкое, что более тревожить лес и нервировать королеву Амбреллу не будет Охметьев сын.

На что запала в тот день юная фея, ни разу до того любви не ведавшая, кто теперь поймет. То ли героя могучего благородного нарисовало ей воображение, то ли милосердие принца Ждана к

поверженному врагу пришлось по сердцу, да только глаз восторженных не сводила она с прекрасного мужского лица, каждое словечко ловила, затаив дыхание, ручки нежные к груди прижимала. А сердце колотилось в горлышке как сумасшедшее. И расцветали в нем цветы дивные, пели птицы песни сладкие, малиновым цветом разгоралась щемящее чувство в солнце души.

Во время пира королева Амбрелла пригласила царевича погостить в королевстве фей. Ждан, не долго думая, с радостью согласился. Попросил только отправить весточку батюшке, что, мол, жив-здоров, в гостях задержался, скоро будет. А сам так и норовил то ручку королевскую поцеловать, то самый вкусный кусочек в тарелку девичью положить, то в глаза томно так с тайным значением заглянуть. И понеслось.

Пир закончился. Принц остался. Ухаживал Ждан за Амбреллой красиво: серенады под окнами пел, романтические прогулки устраивал, цветы дарил, венки плел. Часами разговаривали друг с другом и наговориться не могли. Каждый день на рассвете вместе гуляли по Вечному лесу и пешим ходом, и на единорогах. Королева привыкла на утренней зорьке сама лично владения свои обходить-объезжать, с каждой проблемой и проблемкой разбираться. Принц Ждан разочек с ней напросился на прогулку, да так и катался потом ежеутренне. Возвращались оба счастливые, умиротворенные, за руки держась. Вместе завтракали, затем Амбрелла королевскими делами занималась, а принц подле нее сидел. Когда с книжкой, когда с пером и бумагой, когда просто так, глаз не сводя с прекрасной феи.

После дел государственных принц Ждан стихи Эллочке читал собственного сочинения, восхваляя красоту ее девичью, разумность ее государственную, мудрость и справедливость королевскую. Про любовь свою разговаривал, целуя пальчики трепетные.

Через месяц пришла пора влюбленному принцу восвояси отправляться: государь-батюшка Беспардон Долдонович затребовал наследника домой. Дела государственные не терпели отлагательств, пора и честь знать. Расстроенный Ждан обещал вернуться. Влюбленная Амбрелла подарила ему хрустальную капельку, чтобы связь поддерживать. Русалки лесные расстарались, приволокли своей королеве в дар. Капнешь на ту каплю слезой али водой, глянешь, и в

тот же миг возлюбленного увидишь. Даже и пообщаться недолго возможность имелась.

Принц Ждан ускакал, но обещал вернуться.

И вернулся три месяца спустя. К тому времени и Чомора, и Дубовод, и все лесные жители осознали печальную истину: королева Амбрелла влюблена без памяти в человеческого принца. Вечный лес замер в ожидании. И радостно отмер в день возвращения возлюбленного Элочки. Королева расцвела, едва услышала зов лесных стражей и велела немедля пропустить Ждана в королевство и доставить ко дворцу.

Увидев Амбреллу, встречающую его на крыльце, принц слетел с коня и подхватил возлюбленную на руки. Позабыв о зрителях — дворовой челяди — целовал глаза ее фиалковые, щечки алые смущенные, губы сахарные маковые. Впервые за то время, что Ждан отсутствовал, подданные Элочки вновь слышали ее звонкий хрустальный смех, похожий на веселую весеннюю капель. Увидели солнечную улыбку, озаряющую глаза светом любви. И осознали истину: любовь истинная с королевой приключилась. А вот к добру или к худу, не ведали того жители Вечного леса. А влюбленные и вовсе на будущее не загадывали.

Еще год Амбрелла и Ждан встречались, миловались, в любви друг дружке клялись. И вот наступил момент, когда принц осознал: нет милее и краше его феи на всем белом свете.

Царевна-лягушка, что в гости ко двору частенько заезживала, королю Долдону снадобья странные для силы мужской и продления жизни привозила, казалось холодной и надменной. Несмотря на платья, которые словно вторая кожа ее тело обтягивали, да декольте глубокие, манящие, медовые сладости обещающие. Да и умна была не по-женски: все свободное время в лабораториях своих колдовских проводила, что-то химичила, опыта ставила, зелья варила.

Не запала в душу и внучка Красной шапочки. Бабуля привозила на каждый бал свою красавицу, фифу заграничную. Много было общего у Ждана и Гримхильды: оба любили наряды и красоту свою холили да лелеяли, оба ни одного зеркала не пропускали, прихорашиваясь ежеминутно, оба про все последние пiski модные первыми узнавали и являлись эталонами стиля и элегантности. Но... терпеть рядом с собой женское отражение самого себя принцу не улыбалось.

Гримхильда, кстати, не сильно и расстроилась, когда наследник дал ей понять, что дружба дружбой, а жениться не станет. Быстренько окрутила какого-то вдовца в возрасте с ребенком, вышла замуж и отправилась покорять красотой своей неземной подданных мужа и падчерицу. Ходили слухи, что короля своего красавица Грима в два счета к рукам прибрала, а затем и вовсе в могилу свела, чтобы единолично царствовать, покуда девчонка-принцесса в возраст наследницы не вступит.

Не ко двору пришлась и Варвара-краса, Длинная коса, дочь владыки морского: больно худая да юркая, что твоя вобла.

На Аленушку было загляделся принц Ждан: и глаза большие, и коса русая до пят, и фигуристая со всех нужных сторон. Да братец у нее... козлом оказался. Так и норовил в казну царскую пролезть, да унести из дворца все, что плохо лежит. Выгнал его государь Беспардон вместе с сестрицей, пока все со двора не пропало.

А потом выяснилось: брата с сестрой по всем городам-весям межгосударственное сыскное бюро разыскивает за мошенничество. Прибывала парочка в город-столицу к люду доброму, преимущественно богатому, желательно царских-боярских-княжских кровей. Под видом графских детей, а когда княжеских отпрысков-сироток, втирались в доверие, все балы-рауты посещали. Аленушка иной раз и в невестах ходила, подарки от женихов получала. А как все подноготную про добро-богатство и ценности прознавали, так братец козленочком оборачивался и на скотный двор попадал через верных людей.

Как ночь наставала, Иванушка добрым молодцем-домушником перекидывался, сестрицу в дом впускал, и шерстили они закрома боярские-княжеские, а на безрыбье в малых городах и купеческими не брезговали. Так что вовремя батюшка-царь спровадил сестрицу Аленушку с братцем Иванушкой, отвел беду от ворот.

Сватал ему государь и Дюймовочку в отчаянье, когда узнал, что наследник в королеву фей влюблен. Да что с той лилипуткой делать? Ни лица, ни тела, так, стебелек с глазками.

Хоть и ветреный да охочий до женского полу был наследник, да фее своей не изменял все то время, что невесту ему сосватать пытались. А как поток принцесс да всяких королевичишн иссяк, тут же и

сбежал к любимой в Вечный лес. Пока царь Долдон опомнился, принц Ждан уже и помолвку справил со своей королевой.

Государь осерчал на сына, велел вернуться под крыло свое родительское. Наследник и прибыл за благословением отцовским с подарками от невесты своей. Да не тут-то было. Ногами топая, слюною брызгая, голос срывая от ярости, высказался Долдон от души за отродье всякое лесное волшебное, что ни богатства, ни власти, ни земель не прибавит семьдесят второму государству тридцать пятого королевства сто сорок первого царства. Повелел сию минуту дурь из головы выкинуть и на дев человеческих прекрасных пристальной глянуть да выбрать, наконец, законную супружницу и внуков ему тот час нарожать.

Принц Ждан характером-то в батюшку пошел, такой же... долдон упертый уродился. Уперся рогом и ни в какую: люблю, говорит, не могу, королеву фей. И приданное за ней богатое, и земли волшебные имеются, что, мол, батюшке еще надобно?

А царю одного хотелось: границы своего государства расширить. А Вечный лес к рукам прибрать даже путем свадьбы-женитьбы с наследником не удастся. В свое время пробовал Беспардон Долдонович обворожить-приворожить предыдущую королеву фей, сгинувшую мать Амбреллы. И даже вполне уверил себя, что влюбился в прекрасную лесную волшебницу.

И встречу случайную подстроил, и красиво ухаживал, и подарками задаривал, и замуж звал. Чуть было не совершила королева Левзея опрометчивый поступок. Уж и замуж собралась по законам человечьим, да душа маялась, грызло что-то изнутри, покоя не давало. А когда выяснил Беспардон, что не бывать ему королем Вечного леса ни при каких условиях и лесные территории ни на словах, ни на карте своими назвать не придется после женитьбы, сильно разозлился.

Тут-то и полезла из него гнилая чернота, и темное нутро верх над разумом взяло. Подаренную возлюбленной феей Левзеей волшебную силу во вред Вечному лесу начал пользоваться тишком по злому умыслу: то на зверей бешенство найдет, то птиц потравит, то паукам яду подкинет, от которого паутина слипается, тонкой ниточкой не идет. Сам же натворит делов, сам же и помогает их разгребать, перед невестой выслуживаясь. А попутно все пути-выходы искал: как бы

полноправным правителем Вечного леса стать, да владения волшебные под себя подмять.

И долго никто понять не мог, отчего королева Левзея не выгонит женишка да не накажет за пакости, пока случайно не выяснилось, что Беспардон с ведьмой темной сделку заключил, чтобы та фею лесную приворожила и приворот тот поддерживала. Поскольку человечья волшба надолго к лесным жителям не прилипала, старая злыдня нашла слабое звено в королевском рационе.

В излюбленное лакомство феи — молоко божьих коровок — тайком ото всех добавлялся истолчённый порошок лепестков фиалки, а самих коровок ни с того ни с сего пасти стали на полянке, заросшей любистоком. И фиалка, и любисток — сильные средства для того, чтобы сердце чужое в сетях заговоренной любви навечно запутать.

Коли человека таким зельем напоить, тот до скончания века своего рабом приворожившего будет. С феями сложнее: без ежедневной подпитки злое колдовство в чистой силе внутренней к рассвету растворяется. Потому поутру обязательно приносил Беспардон возлюбленной своей на подносе чашку молока с приворотом, с ласковой улыбкой подавал яство Левзее и контролировал, чтобы до донышка выпила.

Злодейство раскрылось случайно. Погостить к тогда еще юной Чоморе приехала на каникулы подруга Яга из лесной школы чар и магии. Потомственная лесная ведьма, дочь царя Берендея, юная колдунья сразу заподозрила неладное. На пару с Чоморой девица провела тайные изыскания и вычислила темный заговор.

Царь Беспардон из женихов тут же вылетел, ведьму темную нашли, и королева Вечного леса жестоко ее наказала, лишив сил магических на веки вечные. Из нутра злобного вынула почерневшее солнце души да и запечатала в клубок-колобок, наложив заклятье поиска. А после спрятала в погребах королевских. Время от времени тот клубочек из тайника доставали и добрым людям в помощь презентовали: бросишь его на путь-дорожку да скажешь, что искать, он тебя и приведет к желаемому. Так постепенно светлел колобок, чернота из спрятанного солнышка уходила.

Когда же прознал царь Беспардон Долдонович, что принц наследный в королеву Вечного леса влюбился да браком магическим сочетаться с ней желает, взбесился не на шутку. Знал государь: после

такого брака Ждан окажется непригодным для тайных заговоров, потому как клятва брачная ограждать его от людей-предателей будет. А среди лесного народа сподручников Беспардон и женихом будучи не нашел, и сейчас вряд ли отыщет. Поэтому невыгодными счел такие узы царь-батюшка, жаждавший за счет принца и будущей невесты его землями обогатиться да к рукам побольше прибрать через приданное.

Наследником лесного трона от такого смешанного брака могла стать только девочка. Только женской силе покорялись стихии, и только магия женской души могла усмирять живой источник, что в недрах горы Живун с незапамятных времен находился.

Как ни крути, со всех сторон царю Беспардону Долдоновичу не выгоден был брак единственного наследника с юной королевой Вечного леса. Потому и объявил он свое решение: либо трон и наследие, либо вон из дома и жена из фей. Ко всеобщему удивлению, принц выбрал возлюбленную свою лесную королеву и отбыл из царских хором с чем был.

Советники охали да ахали, за головы хватались. Лишь государь спокойным оставался: хорошо знал своего сына царь-батюшка, уверен был, и года не пройдет, как вернется неразумное дитё в отцовские объятия. Быть на вторых ролях наследник не привык. А первым в королевстве фей ему стать никто не позволит.

ГЛАВА 6. Ах эта свадьба, свадьба, свадьба...

Свадьба царская катилась как по маслу, соблюдая все традиции, приметы и таинства. Дым стоял коромыслом, хвосты и прически торчали трубой, пир — горой. Тут тебе и каравай хлебосольный, и обсыпание хмелем, орехами и монетами золотыми-серебряными на богатство и счастливую жизнь. И длинный свадебный поезд с гиканьем, катанием по столице и запечатлением у памятных мест на чудо-фот.

Аппарат сей вместе с приданным привезла из земель заграничных невеста государева герцогиня Синди де Релла. Агатова коробочка с круглым стеклышком, поле нажатия на кнопку в виде камушка драгоценного, выдавала волшебные картинки с физиономиями людскими, на которые направлена была. И привела сия вещица всех прихвостней во дворце ждановском в изумление.

Когда первая волна сомнений и недоверия прошла, придворные наперебой кинулись к купцам заморским и поверенным своим, кои по заграницам по делам находились, вестников слать с наказами «приобрести, купить, прислать сей же миг» диво-дивное. И теперь по новой зародившейся традиции свадебный кортеж с музыкой и хвалебными здравницами в честь молодых останавливался у любых мало-мальски интересных памятников и скульптур, чтобы сделать чудо-фоты.

Дамы выпячивали губки бантиком, отклячивали крутенько бедра, дабы все могли узреть их плавные изгибы, выставляли кокетливо ножки из-под краешков вычурных платьев. Самые смелые, визжа и прикрываясь веерами, поднимали юбки аж до колен, являя миру кружевные чулки разных цветов. А затем подбегали к мастеру чудо-фота с просьбами сей же миг показать их на карточках, которые спустя минуту являли миру прекрасных дев во всех принятых ими позах. И топали яростно прекрасными ножками, коли выходило не так, как им чудилось, а вовсе даже наоборот.

Кавалеры подбирали животы, распрямляли плечи, оглаживали бороды и бородки, у кого имелись в наличии, и, насупив брови,

пялились в волшебный окуляр. Добры молодцы помладше и вовсе скидывали кафтаны и заморские пиджаки с карманами, дабы покрасоваться перед молодками мускулами, сквозь рубахи тонкие проглядывающими.

Девушки незамужние пищали и робко трогали пальчиками бицепсы-трицепсы. Мамаши снисходительно улыбались, приглядывая женихов дочкам, не допуская чересчур уж вольных вольностей. Замужние дамы завистливо вздыхали, не имея законного повода к кавалерам подойти столь близко, и, блестя глазами поверх раскрытых вееров, пристально разглядывали чужие наряды да кокетливо косились на мужей, силясь разжечь в них пожар былой любви и страсти.

Мужья же, приобняв жен, откровенно пялились на молодоков, время о времени получая по лбу сложенными веерами от своих благоверных, и украдкой вздыхали по молодецкой удали и свободе, канувшей в летах.

Бурными водами прокатившись по улицам белокаменной, влетел кортеж на царский двор. На красном крыльце в новом дорогом алом кафтане встречал молодых с гостями сам Бабай Кузьмич. Оромя него некому было благословить молодого короля, у которого отца-матери не осталось. По такому случаю домовый бороду расчесал, маслами пахучими умаслил, лопаточкой на широкой на груди разложил. От важности собственной и волнения старый хранитель пыхтел, раздув щеки и порывивал на молодых домовят, что вдесятером на рушнике держали перед ним огромную свадебную ковригу с хлебом-солью.

Царь Ждан и молодая царица из кареты степенно вышли да чинно рука об руку пошли к крыльцу. Народ дворовой да люд гостевой начал здравницы кричать-поздравлять, розовыми лепестками и монетками осыпать. Подойдя к Бабаю Кузьмичу, поклонились молодые домовому, как отцу названному Ждана. Склонили головы, речь приветственную выслушали, голубков с боков каравая в руки приняли да, обменявшись ими, накормили другу друга, под свист и хохот гостей щедро окуная в солонку.

Подавал затем им домовый две лучины и поднесли домовята малые уголек из дома царского, дабы зажгли царь да царица огонек в очаге своем на долгие лета счастливые. Отчего-то палочки не хотели разгораться, Ждан уже и злиться начал, косо поглядывать на домового. Но тут огонек вспыхнул, и все вздохнули облегченно: быть союзу

царскому нерушимым. А вот насколько долгим брак царский окажется, то видно будет потом, когда лучинки догорят. Потухнут вместе, до самого кончика догорев, так и молодые доживут до седых висков счастливо. Поговаривали, деревенские даже на долгую жизнь загадывали: чья палочка первой потухнет, тот из супругов первым и за край уйдет.

Встречальные обряды закончились, и молодой царь-батюшка с царицей своей Синдией, в народе Зинаидой прозванной из-за непривычного заморского имечка, взошли на крыльцо, повернулись к гостям, поклонились и на свадебный пир позвали. Ломанулись гостюшки дорогие, чуть с ног друг дружку не сбивая: успеть бы местечки получше занять да поближе к царской чете. Глядишь во время пира под шумок что-то выгадать случиться али выпросить-выспросить.

Да и просто так уши погреть не помешает, мало ли какие тайны услышатся, слова скажутся. Наутро после свадьбы, попивая рассольчик отдыхая на пуховой перинке, все-все с трудом, но вспомнится да запишется в книжицу заветную. А потом, по надобности, можно и кляuzu написать на заклятого друга, а то и поприжать, выторговывая нужные нужности.

Свадьба пела и плясала, веселье становилось все разнузданней и горячее, кубки вином пенились, медом хмельным, столы от разносолов ломились. Гости веселились и танцевали, молодых поздравляли, дары подносили. Кто пошустрей да понаглей успевали в круговерти дела порешать, Бабаю Кузьмичу прошения для царя-батюшки передав.

Хабары золотом али еще чем дорогим домовой не принимал ни от кого, но вот от хорошего табака отказаться сил не доставало. Любил старый домовик, переделав все дела царские, трубочку пеньковую табачком душистым набить да с книжицей доброй посидеть, покачиваясь в кресле-качалке, что царица-матушка покойная подарила в день, когда молодой Бабай заместо отца своего стал домоправителем и хозяином дворца.

Потому и подносили Бабаю Кузьмичу за ласку его и благосклонность сверточки с душистым зельем. Да каждый норовил изысканный необычный аромат подыскать, чтобы домового удивить для большего расположения к просителю. Домовой хоть и уважал более всего самосад душистый, что на поле дальнем для него

выращивали, но от махрушных подношений не отказывался. Под настроение трубку курительную подарочным табаком набивал, дымил, думу думал. Прислуга и домовята твердо знали: коли тянет яблочным дымом из-за двери бабаевской, значит, день хорошо прошел. А если горелыми кофейными зернами с утра несет, всяко ночью что-то стряслось, и тут хавайся не хавайся, всем с горча прилетит-достанется.

Вот и на свадьбе царской карманы кафтана у домоправителя топорщились уже от сверточков. Бабай Кузьмич степенно зал оглядел, на всех гостях и дворовых взор на секундочку задержав, и решив, что может позволить себе недолгое отсутствие, неторопливо отправился в свои комнаты: табачок выложить да прошения бегло глянуть.

Ближе к вечеру свадебный пир разбился на островки по интересам: тут тебе купцы собрались, бородами трясут, пошлины обсуждают. В том углу бояре собрались, глаз со Ждана и молодой царицы не спускают. Около царского стола заморские государи-князья расположились. Как только гости скучать начинали, веселье подутихало, тут же огневушка-поскакушка выскакивала с играми да забавами веселыми. Чего только гостям делать не пришлось: и через веревочки прыгать, и загадки разгадывать, и на платочке малом танцы танцевать.

Мамки-няньки да боярыни придворные около царицы крутились, прислуживали-выслуживались, оттерев от государыни горничную личную, кою герцогиня с собой привезла из дома отчего. Синди морщилась, но терпела, не сводила влюбленных глаз со своего мужа-красавчика.

А муж, Ждан I Беспардонович, под конец пира свадебного и вовсе позабыл про молодую жену, перебрался за столик к Соловью-разбойнику выпить, поговорить, юность вспомнить. Змея Горыновна с усмешкой глянула на все это дело гиблое и отправилась во двор с молодцами силушкой помериться, косточки поразмять от сиденья за столами долгого.

Обнявшись, Ждан и Соловей затынули пьяными голосами: «Я свобо-о-оден, сло-о-вно-о птица над земле-о-й... Я забуду голос тво-о-й, И о той любви земно-о-й, Что нас сжига-а-ла в пра-ах, И я-а сходил с ума-а... В моей душе нет больше места для тебя-а-а!»

Рок-кот Баюн, сморщив усы, тяжело поднялся из-за стола, махнул музыкантам, взобрался на сцену и подхватил ждановские завывания

хорошо поставленным голосом старого рокера. Через минуту гости мужеского полу, задрвав к потолку руки, раскачиваясь в такт музыке громко подпевали, горланя на все лады: «Я свобо-о-о-ден! Я свобо-о-о-ден!»

Царица снисходительно улыбнулась, поднялась из-за стола, подхватила пышные юбки и отправилась в комнату отдыха для дам. За ней потянулись придворные дамы. Девицы на выданье остались в пиршественной зале под приглядом почтенных мамаш, которые без усталости всю свадьбу бдели и наблюдали, высматривая приличных женихов. Где, как не на свадебном пиру мужчина раскрывается во все своей красе. Тут тебе полный набор «психьей логики» поднимает голову и выползает на свет белый: и агрессия, и слезы, и сластолюбие, и жадность, и ревность.

В розовом будуаре, где разместились царица с дамами и барышнями, мужские подвывания были едва слышны. Девицы принялись болтать, прихорашиваться, угощать Синди-Зинаиду сладостями, приготовленными слугами на малых столиках по всей зале. Бывшая герцогиня, а ныне молодая жена государя, впившись жемчужными зубками в сладкий персик, кушала и слушала, наматывая на золотую прядку все секреты и секретки, что трещетки выбалтывали на голубом глазу, не следя за своими языками. А преданная горничная сидела по правое плечо от государыни чуть поодаль и самое интересное записывала в заветный бокнотик.

В бально-пиршественном зале тем временем начались танцы под песни в исполнении кота Баюна, который за каждый заказ требовал то монету золотую, то бокал медовухи, а то и вовсе желание. И понеслась: петухами кукарекали, жеребцами гарцевали, зайцами прыгали. Ждан мутным взглядом обводил разгулявшихся гостей, криво улыбался и плакал Соловью в плечо «за жизнь, за баб-стерв» и снова за жизнь царскую нелегкую.

Вернувшийся в залу Бабай Кузьмич, головой покачал, на царя-батюшку глянул, подошел к Огневушке-поскакуше. Та быстренько к коту поскакала, на ухо пошептала и котяра объявил прощальный танец молодых. Свет приглушили, царицу позвали, свечи в руки взяли и пошли большим и малым кругами в разные стороны вокруг молодоженов, что в сердцевине хороводов не танцевали, а скорей покачивались в такт музыке. «Мы же-ела-ем ща-а-а-сьтья-а-ава-ам!» —

подпевали разухабистыми голосами гости, перекрикивая музыку и заглушая самого рок-кота.

Последний обряд завершили, фату с невесты сняли, Ждан накинул новоявленной жене на голову платок из тончайших кружев и повел ее в опочивальню. Веселье же продолжилось, покатилося дальше до утренней зорьки.

В спальне новобрачным слуги помогли разоблачиться, в ночные одежды обрядиться, каждого в отдельном будуаре к брачной ночи подготавливали. Когда молодая жена, трепеща, переступила порог супружеской комнаты, на брачном ложе, развалившись звездой, уже похрапывал Ждан в белых подштанниках шелковых и рубаше вышитой. Вздохнув, царица с трудом перекатила муженька на правую половину кровати и улеглась почивать, невольно всплакнув перед сном.

Где-то перед рассветом Ждан вдруг распахнул глаза, прижимая к груди руки: сердце колотилось как сумасшедшее, прогоняя остатки тошнотворного сна. Немного пообвыкнув в темноте, царь откинул покрывало и, покосившись на мирно спящую рядом новоявленную жену, осторожно спустил ноги на пол. Нашарив тапочки с загнутыми на восточный манер носами, государь обулся, и, стараясь не шуметь, отправился прочь из опочивальни. Жажда гнала его на поиски живительной воды. Во рту едва ворочался язык от выпитого на пиру, от острой любимой пищи в желудке бушевал пожар.

Выпав в коридор, царь обнаружил спящего под дверью домовенка. Возле него стоял сервированный столик. Схватив запотевший кувшин, Ждан жадно припал к горлышку. От странных хлѐбающих звуков проснулся домовик и перепугано глядел круглыми глазенками на хозяина. Бабай Кузьмич хорошо знал своего царственного воспитанника, потому и оставил на страже юного доможила, строго-настрога велел не спать, а ждать, когда государю помощь понадобится. И теперь, проспавший все на свете, молодой доброхот с ужасом ждал наказания. Напившись, Ждан утерся рукавом, покосился на перепуганного домовенка, и, велел тащить поднос за ним, отправился в свой кабинет.

Прислужник подхватил со стола разнос с кувшином и снедью и посеменил за царем, изо всех сил стараясь не наступать мужчине на пятки. В апартаментах неосторожно громыхнул, составляя на стол

тяжелую ношу, замер, скосив глазенки на гоударя. Но государь и не заметил, стоя возле окна, почесывая эспаньолку, пялясь в предрассветное небо. Домовенок шустро составил все на столешницу, пискнул, интересуясь, не нужно ли чего еще батюшке царю подать, и исчез, оставив Ждана в одиночестве.

Вырвавшись из кабинета, протерев кулачками глазенки, домовик секунду-другую подумал да и помчался на доклад к Бабаю Кузьмичу: виданное ли дело, в первую брачную ночь молодой муж от жены-красавицы сбегает! Рассолу не требует, вина не просит, а стоит истуканом около окна да головой качает, словно сам с собой беседы ведет неслышимые.

Предрассветные сумерки подарили очищение от забот и проблем минувшего дня, что в суматохе и круговерти свадебной не давал ни задуматься, ни выдохнуть, ни в душе порядок навести. Сейчас, когда вокруг царили тишина и покой, а мысли ослабли и провисли порванными струнами, сердце Ждана занял нудливый сверчок, услужливо подбирающий ключи к дверце, за которой надежно хранилось прошлое: и плохое, и хорошее, и ненужное нынче.

Сдавшись на милость победителя, недавний принц подошел к столику воле камина, налил в любимую чашу квасу из кувшина, рухнул в кресло и, уставившись на пляску огня в очаге, отпустил на волю воспоминания.

ГЛАВА 7 Соловей-разбойник и принц Ждан

Перетрусил Ждан знатно: видимое ли дело, принца на бой с каким-то разбойником отправлять. Да без сопровождения. Ладно б, дракон какой заваливающий, али супостат заморский. А тут — мужичонка-посвистун. Не благородно. И... опасно. У таких людей никакого пиетета к царской крови отродясь не водится.

С татями у батюшки-царя завсегда разговор короткий был: на поиски места стойбища мародеров отправлял он тайников (2), да опосля отряд стражей раза в два-три поболя шайки загонял на поимку. Живых на кол сажал, чтоб другим неповадно было. Потому на лесных дорогах да трактах накатанных тихо было, хоть с охраной, хоть без нее ходи-езди при свете дня, а то и вовсе ночью.

А тут на тебе, здрасте, приехали: одному без воинов верных надобно злодея из леса выгнать, к Живун-горе проходы освободить. Повздыхал принц незаметно для королевы фей, морсу в себя опрокинул да и отправился на подвиг ратный, прихватив мешок, который ему слуги лесные собрали в путь-дорогу.

Медленно брел верный конь, неся на спине дремлющего принца. Не очень-то и торопился Ждан навстречу славном подвигу. Проснулся от того, что скакун резко замер, как вкопанный, на краю леса. Протерев глаза, потянувшись и окинув взглядом картину мира, принц нехотя спрыгнул на землю размять ноги. Немного подумав, наследник решил, что битва на голодный желудок не принесет желанной победы, а потому завалился под дубом на волшебное покрывало, что дала в дорогу Амбрелла.

Одеяло-на-земле-спало и впрямь оказалось мягче перины, нежнее женских объятий. И. сладко откушав тем, что послала салфетка-самобранка, пригубив освежающего компота из стаканчика-наливайки, принц с чистой совестью завалился спать: «Ну а что, битва серьезная намечается, а я уставший!» — с этой мыслью Ждан погрузился в глубокий сон.

Проснулся он на закате, потянулся, зевнул от души, раскрыл глаза и замер, как заяц перед удавом. На полянке, где мирно пасса верный

конь и так геройски спал принц, весело потрескивал костерок, над которым висел котелок. В котле что-то булькало и умопомрачительно пахло. Ждан сглотнул слюну и осторожно сел на одеяле, поглядывая на незваного гостя.

Бородатый черноволосый крепкий мужик среднего роста в широких штанах и алой рубахе, подпоясанной красивым вышитым кушаком, помешивал варево и негромко насвистывал. От свиста того тихого на безветренной полянке травинки колыхались и цветы головки свои к земле склоняли, роняя лепестки. Принц поежился, осознав, кто в гости пожаловал.

— Ну, долго будешь молча сидеть? — раздался басовитый голос от костра. — Кто таков? Зачем пожаловал?

— Кхм, — откашлялся Ждан. — Я... — голос дрогнул и сорвался в писк.

Наследник еще раз кашлянул, собрал все свои силы в кулак, поднялся на ноги, стараясь не делать резких движений, косясь на широкий нож, что на поясе у мужичонки висел, и, наконец, сумел подать голос.

— Я — его высочество Ждан I Беспардонович. Позвольте поинтересоваться, а вы кто?

— А я — Соловей Одихмантьев сын, по-простому — Соловей-разбойник. Зачем пожаловал, добрый молодец?

— Я... Э-э-э... Собственно... — замялся принц: ну не признаваться же разбойнику с тесаком за поясом в том, что пожаловал по его душеньку?

— Ясно, — хмыкнул тать. — Фея прислала из леса выгонять!

— Ну... Да, — покаялся принц и от собственной смелости закрыл на секунду глаза.

Меч наследника висел, притороченный к седлу. Седло на коне, а сам жеребец продолжал пощипывать травку на другом краю полянки.

— Эх... Что с нее взять, баба, она как есть баба. Со страху и не такого наворотить могёт.

Соловей прикрыл крышкой котелок, отложил в сторону ложку на длинной палке, которой помешивал варево и развернулся к принцу. Ждан вздрогнул и отступил назад, уперся в ствол дерева и попытался взять себя в руки. Черный цыганские глаза разбойника прожигали до

самого нутра. А в глубине зрачков нет-нет, да и вспыхивали ярко-красочные точки, словно в тлеющие угольки в остывающем очаге.

— Позвольте... Но... — принц наконец собрался с силами, выпрямился и заявил. — Амбрелла — не баба, — сказал, как отрезал. — Она — прекраснейшая из фей, к тому же королева! А вы... ты... мужлан!

Выпалив сию тираду, Ждан, подивившись собственной смелости, твердо глянул в смуглое лицо разбойника. Соловей нахмурил брови, прищурил глаза, пристально разглядывая смельчака, и вдруг расхохотался.

— Эх, ты, молодо-зелено! Ты гляди, защитничек выискался! Ох, ты ж! — злодей аж присел от удовольствия, поглядывая на принца из-под густых бровей и похохатывая.

— Ах ты, медвежья поясница! — вдруг рывкнул тать, да так грозно, что принц дернулся и вновь уперся спиной в дерево.

Ухватив рукой крышку, Соловей откинул ее в сторону. Тут же из котелка в огонь полезло варево. Мужик ухватил ветку с двух сторон от горшка, и торопливо снял на землю всю конструкцию.

— Чтоб тебя бобры загрызли! — выругался разбойник. — Чуть не убежало! — помешивая содержимое котла ложкой, ворчал Соловей.

Аромат от кушанья стоял такой густой и аппетитный, что у Ждана в животе заурчало, а затем и вовсе лягушки с голоду песни запели.

— Что пнем застыл-то? — покосился на него странный повар. — Присаживайся, гостем будешь. Что там феи с тобой прислали?

— Дак... Салфетку-самобранку и стаканчик с компотом, — отмирая и делая шаг в сторону костра, молвил принц.

— Эх, медовухи бы из лесных цветов, — прикрыв глаза, протянул Соловей. — Хороша у них медовуха-то, сладкая да с перчиком! — помечтав, продолжил. — Да ты присаживайся... принц, — и столько издевки послышалось Ждану в тоне разбойника, что он насупился, брови к переносице свел и уже было раскрыл рот, чтобы одернуть простолюдина, да тот опередил.

— Вот стульчик бери у дуба да располагайся, сейчас ужинать будем.

Принц до того растерялся, что дошел до дерева, подхватил складной табуретик и, вернувшись к костру, плюхнулся, во все глаза разглядывая собеседника. Не так он представлял себе встречу с

разбойником. Происходящее выходило не только за рамки, но и вовсе за все грани богатой фантазии Ждана, скудеющей с каждым годом от самолюбования и праздности.

— Доставай скатерть-то, расстилай на стол, — махнув куда-то в сторону, приказал Соловей, пробуя на соль кушанье, и вдруг топнул ногой да гаркнул. — Отомри!

Ждан подпрыгнул на стуле не хуже жабы-охотницы, вытаращился на разбойника, слепо зашарил по поясу в поиска меча своего. Тут же вспомнил что меч на жеребце, а жеребец уже на другом краю поляны. Тать же окаянный, ухватившись за бока, хохотал, согнувшись пополам, похрюкивая от удовольствия.

Аж скулы свело от гнева у принца, не привыкшего к тому, чтобы безродные потешались над ним. Переступив через упавший стульчик, направился было наследник к коню верному, чтобы меч отстегнуть да наказать обидчика. Да не успел и шага шагнуть, как хлопнула его рука тяжелая по плечу и разбойничек, задыхаясь от смеха, примирительно произнес:

— Не сердись, мил человек, одичал я тут совсем на семи дубах. Поговорить-посмеяться не с кем. Одни белки да лисицы вокруг. Накрывай на стол, кулеша моего отведаешь. Ох, и знатный кулеш у меня, от бати рецепт достался! А батя у меня, знаешь, кто?

— Кто? — невольно переспросил Ждан.

— А батя мой — волот, всем волотам князь, — горделиво молвил Соловей, сноровисто раскладывая по мискам кулеш.

— Тогда кто матушка твоя, раз ты звериный язык разумеешь, да как птица свистать умеешь? — оторопев, уточнил Ждан, принимая из рук разбойника плошку с ложкой.

— А мать моя — птица Сирин.

ГЛАВА 8. Ну а дружба начинается с бутылки...

Ужинали Соловей и принц долго и вкусно. У разбойника бутылочка припасена была гномьего напитка. Под разговор неторопливый да кулеш вкусный с разносолами, коими салфетка-самобранка баловала, сидели мужики долго. Как водится, политику обсудили, заморские страны и правителей поругали, а после второй бутылки пришла пора и о женщинах вспомнить.

— Нет, ну вот ты мне скажи, — пьяным голосом, стучая по столу кулаком, вопрошал Соловей-разбойник, в прищур глядя на принца. — Вот что ей еще надобно, а? Терем — полная чаша. Дети справные, взрослые. Ездит, куда душа пожелает. Про встречи богатырские я и не заикаюсь даже! Каждый год катается в школу нашу богатырских прикладных наук. Мы с ней в одном классе учились. За одной партой сживали. Она ж на факультете богатырском одна-разъединственная из всех девиц была. Любой силач супротив моей любушки слабак и рохля. А сила ее знаешь в чем?

— В чем? — разливая напиток по чашам, хриплым голосом поинтересовался Ждан. Голос он сорвал, когда Соловей его свистеть правильно учил.

— А-а-а, — пьяно захохотал разбойник. — Ишь чего удумал! То секрет и тайна великая, хоть пытай меня, все равно не скажу! Выпьем давай! — и поднял чарку, расплескивая жидкость. — Али ты шпион иноземный? — вдруг грозно рявкнул, и кулаком об стол стукнул да так, что салфетка-самобранка жалобно пискнула, а посуда задребезжала.

— Что ты, что ты! — замахал руками принц. — Я — принц! А нам, принцам, шпионить по статусу не положено, у нас на то соглядатаи имеются!

— Ну, за понимание! — кивнул, соглашаясь с доводами собутыльника, Соловей-разбойник.

— За... ик... понимание, — кивнул головой Ждан, соглашаясь и опрокидывая в себя очередную чарку гномьего ерша.

На поляне воцарилась тишина, нарушаемая лишь чавканьем и стуком вилок о края тарелок. Где-то всхрапнул конь, и вздохнула лиса, уставшая наблюдать за принцем и захватчиком. Ей хотелось есть и пить, но покинуть засаду лисица не могла, пока смена не подоспеет, а это без малого еще часа два лежать, не шелохнувшись, да пьяные разговоры слушать.

«У-у-у, — плакалась про себя рыжая шпионка. — И что Чоморе нейдется? Слежку за принцем устроила. Кому это надо?»

— И вот скажи ты мне, я ли ее не любил? На руках не носил? Золотом-мехами-каменьями не одаривал? Да за сотню лет жизни с Горушкой моей ненаглядной, я на другую ни разу не глянул. И в мыслях чужой бабы не держал! — Соловей обхватив принца за шею, притянул к себе близко-близко, заглянул в замутившиеся глаза и выдохнул. — Верись мне?

В ответ Ждан обнял обеими руками за плечи разбойничка, уперся головой в лоб его широкий, и закивал, веру свою подтверждая.

— А давай споем? — вдруг вскинулся Соловей.

— А давай! — поддержал новоявленного друга принц. И оба, не сговариваясь, затянули:

— То-олько-о-о рюмка-а-а во-о-дки-и на сто-о-ле-е ветер пла-а-чет за-а а-акно-ом ти-ихой бо-о-ль-ю-у-у отзыва-а-ют-ся-а во-о-о мне-е это-ой мо-ло-до-ой лу-у-ны-ы кри-ики!

Лиса в ужасе прижала уши, накрыла лапами морду и постаралась вжаться в землю, чтобы поднявшийся ветер не засыпал глаза лесным мусором. Где-то вдаль завывали волки, перепуганные птицы поднялись с гнезд, зайчата поглубже зарылись в материнскую шерстку.

— Слушай, — пение стихло, певцы отдышались накатили еще по чарочке и вернулись к разговорам. — А чего ж ты из дома сбежал-то?

— Да не сбежал я, — досадливо махнул головой разбойник. — Выгнала она меня. Девка сенная с пузом оказалась, моя Горынья выпытывала у нее, кто мол, отец. Эта дуреха молчала, как рыба об лед. А потом доброхот какой-то письмецо моей любушке подкинул: так, мол, и так, знаю я, кто папашка младенчика, которого служанка ваша под сердцем носит. А в конце кляузы имя мое. А я ж ведь ни сном, ни духом! Не мое то дитё! Не моё, слышишь?! — опрокинув стол, вскочил Соловей на ноги, схватил за грудки несчастного принца.

Да так, что ноги у Ждана подкосились и сердце в пятки рухнуло. Тряс его разбойник, в глаза заглядывал и рычал, требуя то ли ответа, то ли подтверждения невинности своей. Голова у принца болталась так, что зубы клацали и несчастный слова вымолвить не мог.

— А-о-у-ы! — вырывались изо ждановского рта несурзные звуки.

Наконец, Соловей немного поутих и отпустил жертву своего гнева. Принц рухнул на стул, схватился за сердце, отдышался, обвел протрезвевшим взглядом стол и, цапнув полную рюмку, опрокинул ее резво в себя. Занюхал черным хлебушком и прикрыл глаза, переживая стресс: «Эк ведь, хорошо как все складывается, — радостно попискивали мыслишки в затуманенном разуме, поджав хвосты, как нашкодившие щенки. — А ну как Соловей взаправду злодеем-то оказался! А силы-то у него немерено! А я один!»

Ждан подрагивающей рукой схватил со стола бутылку с остатками гномьего снадобья, разлил по рюмкам, с трудом поднялся и произнес:

— За мужскую дружбу... Ик...

Соловей глянул на него из-под мохнатых бровей, схватил свою чарку, встал вровень с принцем, кивнул, поддерживая тост, молодцы чокнулись, синхронно выпили и рухнули обратно. Ноженьки молодецкие не держали, землю качало, ковры-самолеты над головами закружили.

— С-спать? — проямлил, заикаясь, Ждан, фокусируя на собутыльнике взгляд.

Соловьёв почему-то стало в два раза больше. Принц опешил, прикрыл один глаз и удовлетворенно хмыкнул: разбойник по-прежнему в единственном экземпляре сидел напротив.

— С-с-пать! — с трудом ворочая языком поддержал новоявленный друг.

Понимались мужики долго и с выражениями: вспомнили всех предков и своих, и чужих. Витиевато выражаясь, пожелали врагам, кои ноги веревками опутали («с-стревецы!»), долгой жизни и благополучия... у Змея Горыныча в желудке. Наконец, справившись с непослушными телами, разбрелись каждый к своему ложу: принц добрел к дубу, под которым лежало одеяло-на-земле-спало. А Соловей — к широкому лежбищу с крышей из ветвей разлапистых елок, что среди семи дубов в паре метров от земли висело.

Полчаса, кряхтя, охая, поминая злыдней окаянных и всю их родню, пытался разбойник влезть в свое гнездо уютное. В конце концов плюнул, свистнул молодецким посвистом, рывкнул сильно пьяным голосом:

— Сивка-бурка, без вещей курки, встань передо мной, как лист перед травой!

В ту же минуту засвистал ветер в кронах, трава волнами пошла, и явился Бурка пред Соловьем-разбойничком.

— Ты того-этого... Закинь меня в гайнище, — велел он возмущенному сивке. — Не бузи, часть долга карточного скошу.

Сивка-бурка тяжело вздохнул, копытом стукнул, губами шлепнул и оказался тать в гнездовище своем.

— Ну, бывай, — махнул рукой подневольному помощничку. — С тебя еще... ик... пятьсот золотых. А будешь возмущаться, проценты верну!

С этими словами голова черная лохматая пропала из поля зрения неудачливого картежника, а спустя мгновение раздался мощный храп. Сивка поджал длинные уши, чтобы не оглохнуть, печально покачал головой, покосился на подсвистывающего спящего принца и исчез с глаз долой.

ГЛАВА 9. Утро добрым не бывает

Ждан плескался в прозрачных до синевы водах лесного ручья. Загребал ладонями живительную влагу и жадно глотал ее. На вкус водица была слаще меда, свежее только что сорванных ягод. Принц хохотал, как ребёнок, устраивая водные фейерверки и наблюдая, как радуга танцует в хрустальных каплях. Но вдруг он поскользнулся на камне и с головой нырнул в ручей. Отфыркиваясь и смеясь, принц начал выбираться на берег, да тело скрутило судорога, и наследник снова пошел на дно.

Неглубокий ручеек оказался глубоководным омутом, и принца начало затягивать все глубже и глубже. Ноги отказывались повиноваться, руки бессмысленно загребали воду, пытаюсь прорваться к солнцу. Воздух в легких заканчивался, и паника все сильнее затмевала разум принца. В какой-то момент Ждан не выдержал и, распахнув рот, выпустил из себя остатки жизни. Тут же наглотался воды, заорал и... проснулся.

Спеленутый одеялом фей, как младенец, принц не мог пошевелиться. От неудобной позы ручки-ножки наследника затекли, да так сильно, что отказывались подчиняться хозяину. Во рту разместилось заморское государство, что раскинулось в горячих песках. А песчаные барханы изничтожили всю влагу, превратив небо принца в крупный наждак.

Застонав, а, точнее, просипев нечто невнятное, похожее на ругательства, Ждан сделал попытку подняться и тут же кулем свалился под корни дерева, у которого ночевал. Одеяло-на-земле-спало держало крепко. С трудом выпутавшись из жарких пуховых объятий, принц, наконец, поднялся на ноги и протер глаза. Собутыльник его, Соловей-разбойник, уже костерок запалил, котелок над ним повесил, сушеный лист смородины в воду забросил. В другом живность какая-то варилась, пряным духом бульон исходил.

Живительный аромат донесся до ноздрей Ждана, и наследник сглотнул и закашлялся, оглядываясь в поиска воды. Соловей оглянулся на принца, крикнул, хмыкнул и бросил ему фляжку расписную. Отвинтив крышечку, принц жадно припал к горлышку и принялся

шумно хлебать воду. Напившись всласть, осушив баклажку до доньшка, подошел к костерку, поблагодарил разбойничка и вернул ему сосуд.

— Бульон готов, доставай миски, — пробасил Соловей, пробуя варево на вкус.

Проглотив слюну, принц нехотя подошел к неприбранному столу, брезгливо отодвинул веточкой последствия вечернего загула и оглянулся в поисках чистой посуды.

— Ну, ты, принцёнок, берега попутал, — хрипло засмеялся разбойник. — Слуги в замке у папаши остались. Вон тропку видишь меж кустов? Бери миски и на ручей шагай, да песочком хорошенько потереть не забудь. Да кружки, кружки прихвати, увалень!

Ждан недовольно поморщился, но спорить не стал: мало ли что, разбойник все ж таки. А ну как разозлится, да прирежет под теми кустами у тропинки? Да и прикопает здесь же, чтоб никто не нашел. Собрал посуду, и, тяжело вздыхая, отправился к ручью. Вернулся принц спустя полчаса мокрый с головы до пят, злой, как анчутка. Смахнул веткой со стола мусор, грохнул тарелками-кружками о столешницу и, сердито сопя, уселся на стул, исподлобья глядя на Соловья.

Разбойник покосился на недовольного Ждана, хмыкнул в густую бороду, ловко снял с рогатины котелок и бухнул его на стол. Рты случайных собутыльников тут же наполнились слюной от умопомрачительного аромата. Не сговариваясь, принц и разбойник схватились за ложки и принялись за «лекарство».

«Бульон с похмелья самое верное средство, — говаривал юному Ждану Бабай Кузьмич после нудных наставлений на предмет разгульного поведения наследного принца. — Али кружечка холодненького молочка».

Принц тяжело вздохнул, и еще быстрее заработал ложкой. Насытившись, сбив смурь, товарищи по несчастью откинулись на спинки стульев. Ждан, аристократично прикрыв рот ладошкой, тихонько икал. Соловей, взяв со стола маленький ножичек, с довольным видом ковырялся в зубах, вытаскивая остатки разваренного мяса.

«А Горынюшка уже по рукам наподдала бы», — печально подумал разбойник и настроение его испортилось.

— А что, прЫнц — издевательски протянул Соловей, из-под насупившихся бровей зыркнув на разомлевшего Ждана. — Попил-поел, пора и честь знать. Али драться затеем? — потянувшись с хрустом, поинтересовался у побледневшего Ждана тать окаянный.

— Да что ты, что ты, — замахал руками наследник. — Какой там драться с добрым-то человеком?

— Ну и то верно, — добродушно кивнул головой Соловей. — Тогда и смерть легкую примешь. Знаю я места нужные на теле человечьем, нажму, куда надобно, да и уснешь ты сном сладким, вечным, безболезненным.

— Это... Как же это? За что же, позволь спросить? — залепетал Ждан, покрываясь испариной. — Я же... Того-этого... Я пойду, пожалуй... Да?

— Да как же ты пойдешь-то, мил человек? А репутация моя? Баюну под хвост?

— Дак я...

— Ну что ты? — лениво поинтересовался Соловей. — Никому не расскажешь? Так лучше всего молчат покойнички.

— Да что, ты, Соловушка! Побойся Рода! Ты ж женатый человек! Не бери грех на душу! Что опосля всего жена твоя скажет, Горынья-то Змеевна? Неужто одобрит злодейство такое? — заверещал Ждан, вжимаясь в спинку стула.

— А вот лебудушку мою ты не вспоминай. И без того на душе мерзопакостно.

— Так, а давай я тебе службу сослужу знатную, с женой помирю? — заискивающе заглядывая в глаза разбойнику, залез безил Ждан.

— Помиришь, говоришь? — Соловей встрепенулся, огладил бороду и тут же сник. — Да как же такое возможно? Молчит девка окаянная, не признается, кто отец ее дитяти. Уж и знахарки травками поили, чтоб язык развязать. И колдуны заморские сон говорящий навевали. Все одно: молчит, чучундра, а в голове только образ мой и более никого. Вот ведь напасть, не спал я с ней! — рывкнул в сердцах Соловей и так шандарахнул кулаком по столу, что посуда и остатки трапезы на траву как горох из банки посыпалась.

— Пожалуй, знаю я верное средство, — немного успокоившись, задумчиво пощипав губу, произнес Ждан. — Побывал я с ответным

визитом в государстве одном заморском. Видел там чудо чудное, диво дивное: тарелочку с наливным яблочком.

— Такого добра и у меня хватает в закромах, — пренебрежительно махнул рукой Соловей, снова достал нож и принялся его точить.

Принц сглотнул, взбледнул еще больше, но продолжил, собравшись с силами.

— То да не то! Государство то на краю света разместилося, там, где солнышко красное восходит каждый родной день. Чудес там видимо-невидимо. Тех-ни-чес-ких и ге-не-ти-чес-ких, — напрягая память, по слогам произнес принц названия заморские-замудренные.

— Блюдечко наше с яблочком мудрецы тамошние переделали. Да так, что теперь через него узнать возможность имеется, кто отец али матушка дитяти невинного. У них после войны с богами местными столько сирот осталось, да всякий на трон норовил самозванцем взойти. Вот и расстарались на благо отечества колдуны да маги, — доверительным голосом закончил свою пылкую речь Ждан и, вопросительно приподняв бровь, уставился на Соловья, ожидая его решения.

— Хм, — склонив голову к плечу, щуря черные глазищи, задумался Соловей-разбойник. — И как это яблочко помочь может? Покатается по тарелке и папашу родного покажет? Так говорю же тебе, бестолочь: именитые маги через сон волшебный правды-истины не добились, как не допытывались. А тут фрукт-ягода. Какой с него толк?

— А такой, — осмелев и придвинувшись к столу, доверительно заговорил Ждан, уловив смену настроения в разбойнике. — А толк такой: волшебной иголочкой пальчик колют да на блюдечко то кровавые капли капают. От батюшки да от ребеночка, — опережая вопрос, уточнил принц. — Опосля лекари яблочко по блюдечку запускают да с такой скоростью невиданной, что уследить не уследишь, как оно несется-катится по доньшку. Долго ли коротко, про то точно не ведаю. Да только как яблоко остановится, так два лика на тарелке и проявляются. Один — ребятёнкин, а другой — взаправдашнего отца-батюшки.

— А вот это дело! — повеселел разбойник. — И что, так всех опознать можно?

— А как же, — подраслабился Ждан и вновь откинулся на спинку стула.

Соловей вскочил на ноги, подергал бороду и заметался по поляне, что-то бормоча себе под нос, споря и ругаясь сам с собой. Довольный принц подтянул к себе котелок с чаем душистым, принюхался, скривился, но кружку налил полную и, прихлебывая остывший напиток, наблюдал с улыбкой за метаниями собутыльника. Наконец, разбойник принял какой-то решение, удовлетворенно мотнул головой, огладил бороду и степенным шагом подошел к столу.

Оглядел все, что осталось, ловким движением разрубил пополам одинокое яблоко, позабыв про салфетку-самобранку. Обиженная вещица пискнула и торопливо отползла подальше от неприятностей, попутно прибирая в никуда остатки пищи.

Принц едва успел подхватить свою кружку с чаем, с открытым ртом наблюдая за передвижениями походной скатёрки. Соловей тем временем подхватил две чарки, потряс кувшином, сиротливо торчавшим посреди стола. Услышав глухое бульканье, разлил остатки гномьего пойла по стакашкам и один придвинул к принцу.

Ждан хотел было отказаться, да не тут-то было. Соловей нахмурился, грозно глянул на наследника, и тому ничего не осталось, как смириться.

«Эх, а дома Бабаюшка рассольчику притащил бы, да кваску холодного! — одним махом опрокидывая в себя рюмку и морщась от вкуса, подумал тоскливо принц. — Эк меня угораздило! И ладно б только к королеве попал в гости. Хороша девка, ничего не скажешь! Так ведь еще и разбойника окаянного принесло в лес! Тоже мне, гроза дорог и перекрестков, с бабой справиться не сумел! Из дома его выгнали, извинений не приняли! Я б такого ни в жизнь супружнице своей не дозволил! Бабенок, их вот где держать надо!» — сжав кулак и захрустев половинкой яблочка наливного, размышлял про себя Ждан.

— Так что, мил человек, снаряжайся в путь-дорогу в государство дальнее, заморское, — молвил наследник, дожевывая фрукт и протягивая руку к кружке с чаем.

— С языка у меня снял, дорогой принц, — улыбнулся Соловей, хлопнув Ждана по плечу. — Собирайся-ка ты в путь-дорожку дальнюю. Добудь-ка ты мне это яблоко тех-ни-чес-ко-е заморское

вместе с блюдечком волшебным. А я за то лес вечный освобожу от своего присутствия.

Побледневший принц чаем поперхнулся, да так, что закашлялся. Соловей ласково стукнул его по спине, желая помочь. От такой помощи пальцы принца разжались и кружка из рук выпала.

— А коли сработает твоя правда в мою пользу и с Горынюшкой меня примирит, так я и вовсе награжу тебя по-царски и навечно должником твоим, а то и другом верным тебе стану!

— Так как же... А сам что? Верное ведь дело: добудешь, да и прямым в разлюбезной своей женушке... — попытался отбрехаться от соловьиной миссии Ждан.

— А нет, так я другого найду, а тебя, так и быть, за совет хороший и компанию веселую, легко усыплю да тело твое батюшке отправлю. Чтоб схоронили тебя по-человечьи, с почестями, — оскалив рот в добродушной улыбке, пообещал разбойник, глядя перетрусившему принцу в глаза.

— Так и быть, поедем вместе. И веселей, и легче дорога, — заискивающе промолвил Ждан.

— Эх, дорогой мой друг, — ласково приобняв наследника за плечи, огорченно произнес Соловей. — И хотел бы, да не могу. В годы молодые славно погулял я по миру, везде побывал, память о себе оставил. Почитай во всех царствах-государствах на меня указы острожные разосланы, да за поимку и голову золото-каменя обещаны по весу моему. А вешу я нынче знатно, — выпуская принца из медвежьих объятий, пробасил разбойник. — Откормила меня любушка, изнежила.

Соловей непритворно вздохнул и уселся на стул, подперев голову рукой и задумчиво разглядывая принца. Ждан съежился, стремясь уменьшиться в размерах, а то и вовсе исчезнуть с поляны с глаз долой, из сердца вон.

— А чтобы обмануть меня не вздумал, да и быстрее с добычей обернулся, дам-ка я тебе помощничка.

Тут Соловей резво всунул два пальца в рот и засвистал-завыл по-звериному. Всколыхнулась трава-мурава, качнулся Ждан вместе со стулом. Деревья зашумели, будто гроза над ними рассыпалась ветром ураганным. Не успел озадаченный принц и глазом моргнуть, как посередь поляны объявился неведомо откуда разъяренный серый волк

в кокетливом кружевном передничке. Клацая зубами, рыча и подвывая, волчара вертел головой в поисках недруга, что из дома родного его выдернул да неведомо куда забросил.

Разбойник свистеть перестал и с улыбкой наблюдал за зверем. Ветер стих, птицы угомонились и волк, наконец, смог разглядеть, куда его занесла нелегкая.

— Ты погляди, что с матерым жена сотворила, в юбки обрядила, пироги печь заставила, — разглядев фартушек, захохотал Соловей.

Принц оглянулся и осторожно улыбнулся краешком губ. Если судьба с этим зверем в путь отправиться, то не след смеяться над тем, кто может помощь оказать, а то и вовсе полдела за тебя сделать. «Не плюй в колодец, пригодится напиться», — говаривала матушка-покойница сыночку-несмышленишу. А батюшка шутил, чтоб царица не слыхала: «Царь творит, холоп исправляет, за государем хвосты замечает».

— И тебе поздорову, Одихмантьев сын, — сквозь зубы прорычал волк, ударяясь оземь и поднимаясь уже добрым молодцом.

Ждан вдругорядь от удивления рот раскрыл, во все глаза глядя на гостя. Высокий широкоплечий в расцвете сил и красоты мужеской заматеревшей, оборотень с длинными пепельными волосами так и стоял, не стесняясь, посреди полянки в женском переднике поверх штанов да рубахи, на груди распахнутой.

Принц завистливо вздохнул: до седьмого пота упражнялся он со стражами ежедневно, до метеликов в глазах гонял его воевода Черномор по морскому дну, где тридцать три богатыря квартировали и тренировались, да все никак ширина в плечах не нарастала, жилы не пузырились, мышцы буграми не вздымались.

А этого сероглазого да пепельноволосого с небрежно стянутыми в хвост розовой лентой волосами хоть сейчас на обложку листка глянцевого модного «Пластелины и Властелины», что Кикимора издавала. Сам Ждан только однажды и засветился на его страницах, целый разворот писака ему посвятила, как только вошел наследник в жениховскую пору.

— Некогда мне с тобой ласы точить, говори, пошто звал? Что хотел? — рявкнул Волк недружелюбно, окидывая недобрым взглядом полянку.

Ждан постарался уменьшиться еще больше, чтобы не попасть под раздачу. К его ужасу, Соловей-разбойник не то, чтобы не испугался, а даже наоборот: расхохотался. Да так обидно, что у оборотня глазищи серебром лунным блеснули и на мгновенье зубы волчьи за губами человечьими мелькнули. И показалось принцу на минуточку, что щелкнул волчара зубами, да так злобно, что у наследника аж поджилки затряслись.

— Серый, не узнаю тебя! — склонив кудлатую голову к плечу, притворно удивился разбойник. — Раньше ты и на подъемок лёгок был, да и фартуков не носил, — и вновь захохотал обидно.

Волк в ответ глаз прищурил, ступил шаг, другой, и вдруг схватил неожиданно Соловья за шкварник, да приподнял над землицей-матушкой так, что ноги в полуметре от травы кулями повисли. Принц от страха со стула брякнулся, да так остался сидеть, обняв ножку стола. А разбойничку все нипочем: ржет как мерин сивый, да глаза от удовольствия закатывает.

Встряхнул хорошенько оборотень Соловья, вздохнул-рыкнул через губу, да и руки разжал воротник, выпустил. Брякнулся тать на землю — вздрогнула землица тяжести. Птицы примолкли, лисы хвосты поджали, в норы забились, гнева разбойничьего испугавшись. Да только тишину лесную вновь хохот нарушил. Кряхтя, хохоча и утирая слезы, поднялся Соловей с травы, отряхнулся, потянулся.

— Ну, здоров бугай, сил немеряно. А так и не скажешь, — хохотнул разбойник и хлопнул оборотня по плечу. — Присаживайся, друг старинный, разговор есть великой важности.

Принц приоткрыл один глаз, оценил обстановку, осторожненько вздохнул: от страха он и вовсе под столом забыл, как дышать. Обнаружив потепление в переговорах, Ждан потихонечку поднялся, смахнул со штанов траву и сор, и вновь уселся на стул. Делая вид, что никуда и вовсе не падал, да и не испугался ни капельки, наследник дрожащей рукой подтянул к себе кружку, и ним махом опрокинул в себя содержимое. Поперхнулся, закашлялся, от злости на собственную неуклюжесть покраснел как рак и застыл на седлушке статуей, постаравшись слиться с местностью. Так сказать, во избежание непредвиденных ситуаций. Или ситуёвин. С Соловьем, как выяснилось по утру, не угадаешь, где найдешь, а где потеряешь.

— Некогда мне с тобой разговоры разговаривать, — вновь раздался волчий рык. — Говори, что за дело. Да разбежимся по хорошему.

— Вот так бы и сразу, — ласково улыбнулся Соловей. — Да ты присаживайся, Серый, в ногах правды-то нет. От слова совсем, — гостеприимно махнул рукой на валяющийся табурет, кивнул разбойник.

Волк, обведя золотым глазом всю полянку, стремительно шагнул вперед, поддел ногой табурет, подкинул его в воздух, перехватил правой рукой, опустил на землю, проверил прочность и уселся. В процессе оборотень успел еще и фартук снять, аккуратно его сложить и заткнуть за пояс штанов.

ГЛАВА 10. Шумел камыш, деревья гнулись

Бабай Кузьмич долго стоял возле двери в кабинет царский. Прислушиваясь к звукам. Да не слышно ничего из-за дуба мореного-зачарованного. Уже и мышей заслать хотел домовый на разведку, да вовремя вспомнил: сам на медни с королем мышиним договор обновлял, чтобы таракан не проскочил, комар носа не просунул в светелку Ждановскую. Особливо на мышей упор-то и делал хранитель дворца.

В прошлый раз забыли их, паразитов, в договоре прописать, так и сгрызла юркость серая документ важный. Теперича тяжба судебная тянется за кусок земель на границе с Бармалеем Карабасовичем. Тому палец в рот не клади, руку оттяпает. Даром что ли у него в прадедах Людоед значит.

И не докажешь ведь без бумажки, что Кот в Сапогах замок людоедовский за собой оставил, а земли жирные черноземные в приданное своему бывшему хозяину отписал, когда за принцессу его сватал. Каким бы героев Беспардон не показался девице красной, из плена спасенной, да не отдал бы простолюду кровиночку свою король Шах III Матовский.

«Охо-хо, пеньки трухлявые, — покачал головой Бабай Кузьмич, ус на палец наматывая. — И не помнит уж никто историю ту старую. А вот ведь, язви его душу, кота полосатого, подложил свинью-таки государю молодому, — мысли домового убежали в годы молодые-развесёлые. — Вот ведь сапог драный кабы не женился на рыжухе лесной, так и обошлось бы всё».

Домовой прижал ухо в дверям, замер, прислушиваясь. Тишина пугала Бабая Кузьмича, оттого мысли все больше в стародавнюю историю погружались. Отлипнул хранитель дворца от створок и махнул рукой, домовенка подзывая. Дал указания подготовить всё к царскому утреннему выходу, а сам всё думу думал да чертыхался про себя, вспоминая порченные документы.

«Не бывало еще, чтобы разбойные опосля амнистии, получив индальгенцию, в приличные люди выбивались, — продолжая

мысленный давний спор со старым другом, бурчал про себя Кузьмич. — Титул бывшие разбойнички, на сторону света перешедшие, получили, да вот замашки бандюковские не сменили. Под камзолами нарядными души черные жадные не спрячешь. А рыжуха в бригаде самой хитрой слыла, пояс атаманши носила за ум, удалость и продуманность. Не даром с бабским батальоном никто справиться не мог. Пока царь-батюшка покойный не придумал разбойниц помилованием остановить».

Топчась туда-сюда под кабинетом ждановским, Бабай Кузьмич остановился возле портрета государя покойного.

«Говорил ведь хитровану блохастому царь-батюшка Беспардон Долдонович: не любит она тебя, на замок зарится да на земли богатые. Не послушал жулик хвостатый друга старинного, обженился на Лисе Патрикеевне. Сжила Котофея Иваныча со свету баба хитрая, и дарственную изничтожила. Теперь земли требует, замка ей мало!»

От дум тяжких да мыслей сумрачных Бабай Кузьмич едва окрик царский не пропустил.

— Иду, батюшка, иду, голубчик наш, — расплылся в тревожной улыбке старый домовый и шагнул в царский кабинет.

Расхристанный бледный Ждан стоял возле распахнутого окна и жадно дышал воздухом свежим, утренним. Хранитель из-под кустистых бровей скоренько комнату оглядел, все приметил и облегченно выдохнул: царь тверёзый, посвежевший, глядишь, и забудет глупости холостяцкие, остепенится. А с королевой фей оно само как-нибудь опылится-рассосется. Не впервой. А нет, так интрига какая придумается. Мало ли охотников до лесных богатств и тайн. Чужими руками все легче жар загребать да дела скабрёзные творить.

— Ты вот что, Кузьмич, — не оборачиваясь к домовому, хрипло выдавил Ждан. — Ты вели мне чаю побольше принести сюда...

Бабай Кузьмич плечи расправил, заулыбался в усы пушистые, бороду огладил да голову на бок склонил, умильно на царя молодого поглядывая, указания слушая.

— Что гости? По домам разъехались? — царёва спина напряглась в ожидании ответа.

— Да как же царь-батюшка, как можно-то. Молодых с опочивальни не встречали, второй день не отмечали, презентов

ответных не получали. Да и не просыпались ишо, — растерянно забормотал домовой.

— Не просыпались, говоришь? — задумчиво протянул Ждан и развернулся-таки к хранителю. — Ты вот что, Кузьмич, — скривив губы в улыбке, молвил царь. — Ты велика домовятам громокруг достать из кладовой, да в залу бальную притащить. Будить пойдем гостей разлюбезных. Царь не спит, и другим спать не велит, — залихватски выкрикнул молодой государь, пустил петуха на последнем слоге, и расхохотался смехом неприятным. — Столы накрыть. К дверям в гостиную скоморохов поставить с подносами да чарками пудовыми. Всем пить-веселиться! Неси наряды да умыться, — Ждан без всякого перехода закончил указания.

И началась суета.

Бабай Кузьмич сапожком топнул, дверца скрипнула, замельтешили домовята. Кто тазик волок, кто кувшин с водой, третий полотенце мягкое духавитое. Которые постарше — одёжу царскую тащили на вытянутых руках. Через время малое Ждан I Неотразимый во всей своей неотразимости отражался в зеркале ростовом. Довольно хмыкнув и пригладив волосы, царь стремительным шагом вынесся из кабинета напрямиком к бально-гостиной зале, посереде которой слуги расторопные уже поставили гонг огромный, в два роста человеческих.

Поплевав на ладони, Ждан выхватил из рук домовёнка колотушку и со всей дури молодой шандарахнул по диску. Попадала на пол прислуга от гула великого, дрогнули стены дворцовые, заметалась по саду Каурка перепуганная, что спозаранку вышла прогуляться в цветники царские. Да вещать начала. Прибежал Сивка, буркой жену спеленал, да только и оттуда неслись предсказания. Стараясь не вслушиваться в вещий лепет, вскинул он своё сокровище на плечо, оземь ударился и исчез со двора государева от греха и от плахи подальше.

Рок-кот Баюн в одних подштанниках из кухни выскочил, морду лапой утираючи, кувшин со сливками к груди прижимаючи и помчал, дороги не разбираючи, в покои гостевые, тихонько подвывая басом, подскакивая под ступенькам: «Хо-ро-шо, все будет хо-ро-шо, будет хорош я э-э-э-это зна-а-аю!»

Гости царские с перин пуховых попадали, спрсонья нич не понимая. А по дворцовым переходам побежали-понеслись слуги

расторопные, призывая срочно-немедленно на пир свадебный вернуться.

И понесла, покатила гулянка раздольная, пирушка веселая. Молодая царица широко раскрыв глаза в ужас глядела на свистопляску свадебную втородневную. Царя с царицей обрядить по обычаю шуточному в жениха и невесту, ролями поменяв, гости дорогие не рискнули. Но вот на дружке с дружкой отыгрались сполна.

Баронессу Баба дель Риху (подружку царевнину) вырядили в мужской кафтан, усы пририсовали, пистоль к поясу прикрепили игрушечный, а в штаны для пущего веселья затребовали кабачок всунуть.

На трубадура сарафан напялили, отловив девку кухонную и раздев её до исподнего, несмотря на визги и сопротивление. От красавчика-гитариста млели многие придворные девицы незамужние. Да мамки-няньки строго блюли нравы: женат был охламон, оттого беречь сокровищницы тяжко было, но возможно. Потому как — бесперспективный жених. Но с тех пор, как полгода назад жена-принцесса от трубадура сбежала, заявив, что ей до чертиков надоело жить в доме на колесах и спать в обнимку с зоопарком, барышни активизировались и ухо приходилось держать востро. А баронессу и не жалко: не своя, не местная, чего её беречь-охранять?

И понеслась свадьба по улицам центральным с бубенцами, скрипачами, медведями и цыганами. С лентами и песнями разухабистыми. В какой-то момент, когда по каретам да повозкам рассаживались с гиканьем и воплями залихватскими пьяными, Ждан потихоньку исчез. Перед этим наказав коту Баюну царицу молодую и её придворных дам вместе с гостюшками дорогими до зорьки вечерней катать-выкатывать по столице, развлекать всячески и места памятные показывать да обо всем интересном рассказывать.

Как только свадебный кортеж скрылся со двора, царь затребовал к кабинет вина пару кувшинов, фруктов заморских, винограду, и строго-настрога приказал не беспокоить его никому. Бабай Кузьмич, головой качая, приказания государя выполнил, домовятам заданий надавал, слуг настрашал и примостился недалече от дверей в покои Ждановские рабочие, чтобы в случае чего царю-батюшке ждать не пришлось исполнения прихотей своих.

Ждан же в кабинете заперся, вина в фейный бокал плеснул, кресло к окну подтянул и вновь мыслями в прошлое окунулся.

* * *

Раскрыв рот наблюдал принц Ждан за беседой Соловья-разбойника и оборотня. Долго серый не соглашался сопровождать «задохлика невмерущего», «жаблика глазастого». Наследник от такого унижения то бледнел, то краснел, но стоически тепел измывательства охальника. В конце концов Волк требовал с татя клятву на крови, чтоб освободиться от долга треклятого. Что и за что должен оборотень злыдню, Ждан так и не выяснил: собеседники ходили вокруг да около, словами мели, глазами сверкали, намеками друг дружку кололи, да так вслух и не высказались.

Кровная магия оказалась вещью тяжелой для чувствительной натуры принца: в момент, когда Соловей и Волк ножом острым по ладоням чиркнули, нервные клетки Ждана не выдержали напряжения последних суток, и наследник благополучно отбыл в объятая тьмы. Последняя была столь благосклонна, что очнулся герой, когда уже все закончилось и Волк с Соловьем чинно-мирно чаёк душистый попивали, за столом сидючи.

В плохом настроении принц присоединился к заклятым друзьям. Насупленный и злой, прихлебывая чай из большой жестяной кружки, Ждан на все лады костерил про себя и разбойника, и оборотня, и главного егеря, и королеву Вечного леса. Но стоически молчал: в чужом замке, советовала матушка, кулаками не маши и хотелки личные не высказывай — не твой дом, не твои порядки. Отец хмыкал в усы, а опосля внушал сыну: кто сильнее, тот и прав. А у подданных в гостях и вовсе все государево, что хош то и требуй, что приглянулось, то и приватизируй.

— Ну что, собирайся в путь-дорожку, мил человек, — Соловей бороду отер и хитро на принца глянул. — Серый тебя проводи, а где понадобится — поможет. Ты его слушайся, да сам не плошай. Не привезешь тарелочку, я тебя из-под земли любой заграничной достану, со свету сживу, — закончил разбойничек и так улыбнулся

Ждану, что у принца сердце в пятки рухнуло, а оттуда и вовсе попыталось сбежать куда глаза глядят.

— Что ты, что ты, — замахал головой несчастный наследник. — И в мыслях не было! Да только ждать долго-то придется! Туда и обратно на коне да с попутчиком за спиной путь не близкий! Может ты, Соловушка, лес-то освободишь пока? Другое местечко подыщешь? А мы уж по-быстрому обернуться постараемся! — просительно заглядывая в глаза татю, заюлил Ждан.

— Аха-ха, нашел дурака! — загоготал Соловей Одихманьев сын. — Да и конь тебе не понадобится. На Сером оно побыстрее будет. Да, друг любезный? — снова заржал разбойничек, хлопая оборотня по плечу.

— Угу, — буркнул волк, зло блеснув янтарными глазами. — Ты. Собирайся. — рыкнул в сторону Ждана. — Быстро.

От неожиданности сердечко принцево, только-только на место вернувшееся, в глотку сигануло да и застряло там. Ждан чаем поперхнулся, закашлялся. А через секунду, красный и злой, валялся под столом и мечтал о мести, в красках представляя, как палач на дыбе обоих растягивает, да топором головы буйные отрубает. Не сговариваясь, Соловей и Серый стукнули его по спине, желая помочь с кашлем справиться. Да и опрокинули бедолагу. Ударили-то легонько, да силищу в руках не рассчитали.

* * *

Задремавший было на банкетке напротив кабинета царского Бабай Кузьмич подпрыгнул от шума-грохота глухого. Торопливо прошуршал к дверям и прислонился ухом. Но в покоях вновь воцарилась тишина. Вздохнув тяжело старой домовою и вернулся на свой пост. Грузным камнем нехорошие предчувствия легли на сердце, мысли тревожные валунами перекатывались в голове.

«Быть беде, ох, беде быть! — вздохнул-простонал Бабай Кузьмич. — Написать, нешто, письмецо другу старинному, Дубоводу Семидневичу, разузнать, что да как в фейном царстве-государстве творится?»

Мысль показалась на диво светлой и верной, и хранитель, оставив заместо себя домовёнка шустрого, наказав тот час на зов государев откликаться да паука, ежели что, с вестью прислать к нему, отправился в свою каморку.

Домовёныш помыкался, у двери покрутился, да и притулился тут же на банкеточке ждатель-ожидатель, когда окликнут. Достал из штанов полотняных глядунок (игрушку заморскую презабавную) и стал на кнопочки нажимать усердно, пытаясь яички в корзиночку словить, чтобы ни одно не упало, не разбилось. Время от времени головёнку приподнимал, из игры выныривал, подбегал к дверям, прикладывался ушками растопыренными и замирал, вслушиваясь в тишину.

А в кабинете Ждан графинчик ведёрный один ополовинил, да полез в тайник. что сам когда-то соорудил под подоконником, здраво рассудив, что в государевых хоробах, где батюшка уединению предавался, от дел царских отдыхая, чужие бродить не будут без пригляда. А шпионов быстро обнаружат, в темницу сволокут.

В конверте толстом, прозрачной кисеёй непромокаемой обмотанном, лежало сокровенное: альбом с карточками волшебными, на коих запечатлен принц Ждан с феей Амбреллой в те времена юные, когда в женихах наследник ходил, счастливый и влюбленный. Пригубив очередной бокал вина красного сладкого, закусив виноградинкой, рухнул Ждан I Неотразимый в кресло любимое, распаковал конверт и вновь погрузился в воспоминания.

А вспомнить было что. Поездочка за тарелочкой с наливным яблочком такими неожиданностями обернулась, что и не чаял принц живым вернуться. Да оборотень не дал сгинуть в чужих царствах-государствах наследнику.

ГЛАВА 11. Поди туда, не знаю, куда, принеси то, сам знаешь кому

До государства островного добрались быстро. Хоть и страшно принцу было до поджилок трясущихся. А ну-ка, нестись по полям-лесам, через моря-окияны, горы и степи верхом на оборотне окаянном, вцепившись в холку пальцами дрожащими. Предложение взнудать его волк отчего-то не оценил. Так рыкнул в ответку, что Ждан едва не поседел.

Долго ли, коротко ли, добрались без приключений до страны солнца восходящего, где умники великие жили — эукариоты. Государство Эукариотия раскинулось на островах, и славилось тем, что маги и колдуны, объединившись с учёными, создали новый вид волшбы — техномагию. Каким образом императору Протисту I Симбиогену, по прозванию Мудрый, удалось примирить премудрых и преумных, история умалчивала. Но зато результат радовал не только эукариотов, но и жителей всех сказочных королевств.

Волшебные вещицы, сдобренные техническими чудесами, служили дольше и умели больше. Да и тратить собственных сил не приходилось. Достаточно поставить штукенцию в приспособление на подзарядку, как накопитель магии пополнялся. Главное, не забывать аккумуляторы вовремя менять.

Оборотень настаивал на том, что тарелочку с яблочком генетическим выкрасть надо ночью темной без шума и пыли. Ждан огрызался: мол, не царское это дело разбоем промышлять, император Протист знакомец его хороший, обещал привечать и помогать наследнику царя Долдона, коли потребует. Серый хмыкнул скептически и отправился на разведку к императорскому дворцу, изучать ходы-выходы.

Принц отправился на приём к Протисту I Симбиогену, прождал весь день в приемной, но так и не попал к государю Эукариотии: неофициальные визитёры, пусть даже и наследники, выдерживались долго и нудно, доводились до белого каления, дабы покладистей и поумеристей были в просьбах своих и требованиях.

Вечером оборотень и наследник встретились в гостинице на краю града столичного и за ужином сытным новостями обменялись. Принц поведал о неудаче своей, Серый не стал упрекать незадачливого наследника фразой ядовитой «я же говорил», развернул бумажку с планом и объяснил Ждану, что от него требуется.

Утром следующего дня отправился наследник, в форму посыльного обряженный, к императорскому дворцу. Постучал с чёрного входа стуком тайным и попал в святая святых обители техномагии. Пыхтя и чертыхаясь про себя затащил Ждан сумку-теплохранку на кухню, выложил коробки лепешек горячих с начинками всяческими, выставил кофей с разными вкусами и в уголке примостился ждать-ожидать, когда люд научно-магический перекусить заглянет в перерыв между завтраком и обедом.

Оборотню в ла-бо-ра-то-ри-ю (принц твердил про себя слово мудрёное весь вечер, чтобы запомнить и за своего сойти) ходу не было. Охрана магическая настроена на всех оборотников чистокровных и полукровок с волчьей кровью, ибо могли они превращаться в кого угодно: и в девицу красную, и в коня буланного, и в птицу певчую — во все живое, что на земле рождалось. Оттого из волчьего рода самые знаменитые воры-законники выходили да иллюзионисты-артисты.

Долго ли коротко ли, вышли из своих кабинетов маги и технари откусать, что заказали в новомодной блинной, что открылась недалеко от дворцовой площади. «Колобок и Ко» пекли блины с блинчиками разных видов и мастей: открытые и закрытые, с начинкой и без, трубочками и конвертиками, розочками и рулетиками. А уж вкуснящие какие! Ждан, перерыва дожидаясь, слюной едва не захлебнулся. Ароматы так и манили вскрыть коробку и отведать лепешек с начинкой и сыро расплавленным.

Научный и магический люд шумно собирался на кухне, расхватывал кофей из подставок самогревок, открывал упаковки и выхватывал куски паром духмяным исходящие. Принц поглубже спрятал нос в воротник, чтобы не попросить кусочек. Оборотень строго настрого наказал не есть ничего и не пить: зелье снотворное во все кушанье волчара подмешал. И оставалось Ждану слюной давиться да ждать-ожидать, когда сон сморит техномагов.

Спустя час разбрелись по своим научным комнатам насытившиеся волшебники и технари. А еще через полчаса достал принц карту из

кармана и, шевеля губами, хмуря брови, принялся вспоминать волчье напутствие: куда идти, где сворачивать, как открывать, где брать. На все ждановские вопросы — откуда оборотень добыл план и указания — Серый отмахивался и знай одно твердил: «Много будешь знать, мозги вырастут, прическу попортят». Принц злился, но поделаться ничего не мог с бугаём наглым. Только и оставалось, что про себя злиться да казни придумывать.

Разобравшись с пуюми-отходами Ждан тихонько двинулся по коридору до первого поворота налево, затем опять налево и так три раза. «Круглая она у них что ли, ла-бо-ра-то-ри-я эта самая, — ворчал про себя незадачливый воришка. — Налево да налево, так и голова закружится может. И ни одной развилки нет, странно все это».

Страшно бы наследнику татем красться по коридору: двери кабинетные прозрачными оказались, не спрятаться, не затаиться. По первой перепугался Ждан до изнеможения полного, а потом сообразил: спят все внутри, подействовало снадобье, не видит его никто. Тогда и шаг прибавил, и бодрость духа вернул. Через три поворота вышел наследный принц к двум дверям одинаковым. Опять карту достал и принялся вспоминать, в какой тарелочка хранится, да как попасть к цели заветной.

Оказалось, забыл воришка в кабинет главного технаря заглянуть да пропуск у него с шеи стянуть. Без этого никак внутрь не попасть. На страже тайн техномагических стоит замок хитрый — только карточкой волшебной открывается: вставишь её в пасть э-лект-рон-ную, запищит чудище механическое мышкой малою, дверь и откроется.

Пришлось возвращаться, надписи на дверях читать, имя сложное вспоминать. Наконец, добрался Ждан до нужного кабинета, тихонько внутрь проник и обнаружил спящего прямо за рабочим столом магистра первой гильдии техномагов Архея до Мен Фагоцитоза. На цыпочках принц подкрался к слегка похрапывающему начальнику гене-ти-чес-ко-го отдела.

«Род и побери, навывдумывали слов замудрённых, а ты тут мозг ломай, вспоминаючи», — пыхтел про себя раскрасневшийся от злости царственный воришка, обшаривая карманы. — Да куда ж ты её дел, злыдень перемагиченный! На шее нет, в карманах не прячется! Тьфу ты, чтоб тебя в бане заперли да забыли!» — в сердцах пожелал магистру Ждан, обнаружив волшебную пластинку свисающей с полки.

Схватив заветную вещицу, кинулся принц из кабинета, едва каблуки на сапогах не теряя по дороге. Долгонько провозился с поисками, скоро и пробудиться должны сони учёные.

Добежав до заветной двери, всунул принц дрожащей рукой карточку в пасть магическую. Запищало чудище, глазищами зелеными замигало, и вдруг исчезла преграда, открылся вход сам по себе. Да не абы как, а в стену спрятался. Внутри вспыхнули огоньки невидимые, озаряя комнату, и увидел Ждан чудо-чудное, диво-дивное. Безо всякой другой охраны-стражи стоял посреди хором белоснежных стол овальный. На столе том по центру поблескивало блюдечко цвета молочного. Рядышком на подставочке бочком красненьким посверкивало яблочко. А с другой стороны сундучок стоял расписной, камнями да золотом украшенный, с замочком мудреным и ключиком хрустальным.

Раскрыв рот, не веря глазам своим и успеху, шагнул Ждан в хранилище, схватил тарелочку да яблочко, и уже было прятать начал за пазуху, да загляделся на ящичек: «Вот ведь дурни пучеглазые, вещицу важную на камнями, ни золотом не изукрасили. А ковчезек для хранения такой богатый да красивый сотворили. А и возьму-ка я его в путь-дорогу дальнюю, чтобы блюдечко не разбить яблочко не потерять!» — решил Ждан, протянул ручку, повернул ключ хрустальный да крышку открыл, чтобы добычу уложить.

В ту же секунду заверещали-завыли чудища, глазу невидимые, проход закрылся, свет погас. И вспомнил Ждан слова волка прощальные: ни к чему в камере охранной, окромя тарелочки и фрукта не прикасаться, не то быть беде.

За шумом-гамом и своими метаниями в поисках выхода не заметил принц, как в комнате тенями черными появилась стража дворцовая. Взяла неудачливого вора в кольцо и повела к императору.

Протист I Симбиоген встретил наследника тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства с укоризною.

— Как же так, любезный, мы с вашим государством в мире-дружбе пребываем, а к нам в палаты не абы кто, а сам принц наследный татем лезет.

Повинился тут Ждан перед императором, поведал ему как на духу печаль-горе своё. Протист выслушал юношу, задумался. Долго принцу

ждать решения императорского пришлось. Извелся весь герой непутёвый, глядя, как советники с двух сторон в уши императору что-то нашептывают. Наконец, государь рукой махнул, прогоняя прочь царедворцев, и подозвал принца поближе.

— Поступок твой, царский сын, двойной тяжестью лег на сердце: то, что татем прокрался за вещицей в лабораторию, нехорошо. За то, что слабые места хитрой выходкой своей показал, за то спасибо. Прошу я тебе, вьюноша неразумный, проступок твой некрасивый да обидный. Пришел бы ко мне, да покался: так мол и так, беда у меня. Разве не помог бы я сыну друга старинного?

Ждан покаянно шмыгнул носом, голову повесил, нагоняя похуже ожидая. А император меж тем после паузы мхатовской продолжил:

— Сослужишь ты мне за то службу, принц. Тогда и прощу, и отпущу по-хорошему, и батюшке сообщать не стану. И даже блюдечко подарю с яблочком.

Наследник востепенулся и вопросительно уставился на Протиста Первого.

— В соседнем государстве у царя Берендея дочка младшая на выданье. Росточка не большого, да и с лица не красавица писанная. А вот талантами боги великим наделили. Знатной колдуньей станет, как в пору войдет, — император помолчал, за ус длинный себя подёргал. — Жениться надумал. Уж и сватов засылал. Да Берендей слышать ничего не хочет, говорит, сосватана с колыбели за царя лесного Тайгуна Дремучего.

— И чем же я помочь могу государю-императору? — недоуменно пожал плечами Ждан.

— Выкради принцессу да ко мне привези. А мы уж тут честным пирком да за свадебку. А с Тайгуном я договарюсь. Он давно технику летательную у меня прикупить хочет, да я всё никак не соглашался. Вот и задобрю его ковром-вертолетом последней модели. Как говорится, чистая шерсть, антимошь с гарантией на год, полный привод и абсолютная непромокаемость.

— Ковром-вертолетом? — глаза у принца загорелись.

— Опосля покажу, — император отмахнулся от горящего ждановского взгляда. — Как вернешься с невестой, даже покатаю. Мимо радуги.

— Так, Ваше Императорское Величество, а ежели...

— А ежели не добудешь мне Крошечку Хаврошечку, в подземелья брошу, — император грозно брови нахмурил. — А то в лабораторию на опыты отдам. У меня давно лекари человека просят голубых кровей для вакцинации, вот ты и сгодишься. Чай наследник, не пустая вода.

Ждан от страха неожиданно икнул и затрясся как осиновый листок. Таких пыток даже батюшка родной нне придумывал. Вакци-на-ци-я — слово-то какое страшное, непонятное.

— Я... ик... попробую, Вашество... — пробормотал принц. — Позвольте удалиться?

— погоди чуток. Вот тебе наручи, на левую руку нацепи да с себя не снимай.

— За подарок благодарствую, — наследник слегка поклонился императору.

— погоди благодарить, — хохотнул Протист Первый и предупредил. — С себя не снимай. В том обруче наручном великая магия: отыщем мы тебя везде и из беды вызволим. А попытаешься стащить али повредить, в ту же минуту яд в кровь твою попадет и упадешь ты замертво.

Принц икать еще сильнее стал, побледнел, покраснел, руку за спину спрятала, надеясь избежать участи страшной. Но стража в черных одеждах с лицами, до глаз тканью плотной закрытыми, так грозно зыркнула, что принц еще больше струхнул и позволил себя окольцевать.

Плотный серебристый браслет пришелся впору, замочек защелкнулся, окружье охватило запястье как вторая кожа.

— Теперь ступай, — милостиво кивнул головой Протист I Симбиоген. — Сроку тебе даю неделю. Не справишься — пеняй на себя.

Ждан, кланяясь и пятясь к выходу, на все лады проклинал про себя оборотня, за авантюру, и стонал в душе о судьбе своей горькой и жизни почти потерянной.

Волк ждал в таверне на окраине. Выслушал молча обвинения принца, хмыкнул и поинтересовался:

— Я тебе говорил, ни к чему, кроме тарелочки с яблочком не прикасаться?

— Говорил, — тяжело вздохнув и придвинув к себе миску с кашей и мясом, вымолвил принц.

— Говорил, коробочку не трогать?

— Говорил, — зачерпывая кушанье и отправляя его в рот, буркнул Ждан.

— Жадность полуверица сгубила, — молвил волк и ладонью стол припечатал, словно точку поставил. — Доедай, да отдыхать иди.

— А как же... — ссутулившись и не поднимая глаз, пробормотал принц.

— Утро вечера светлее. Проснемся, видно будет. А пока — марш наверх, — рыкнул оборотень словно дитё малое перед ним сидело, а вовсе и не принц — наследник королевства тридцать пятого царства сто сорок первого государства семьдесят второго.

Ждан торопливо доел, прихватил с собой кружку пол-литровую с квасом да кувшин и, разомлев от вкусной еды, перестав трястись осиновым листом, зевая, поплелся наверх.

Утро наступило внезапно. Только-только смежил веки незадачливый герой, как уже и солнышко красно встало, в опочивальня лучи свои протянуло, зайчиком по лицу проскакало. Разлепил принц глаза и сперва не сообразил, что за место такое незнакомое и как он в нем очутился. Взгляд сонный наткнулся на спину широкую, рубахой белотканной обтянутую. Оторопел принц от наглости такой: в спальне царевича посторонние! Куда стража смотрит! Тут незнакомец повернулся, и Ждан признал Серого. Протяжный вздох раздался в горнице — вспомнил принц и где он, и почему, и что приключилось накануне, и чем обернулось приключение.

— Собирайся, — коротко приказал оборотень. — Завтра внизу, вещи собраны. Поедим и в путь.

— А... — заикнулся было Ждан.

— Можешь сам за принцессой отправляться, недосуг мне с тобой возиться, — блеснул янтарем в глазах волк.

— А... — вскинулся было наследник.

— А с Соловьем с и сам разберусь, не первый год знаемся, не последний общаемся.

С этими словами Серый подхватил куртку кожаную тонкой выделки и вышел, оставив расхристанного и растерянного Ждана на кровати мысли в кучу собирать.

*«Зеркало, мой свет, проснись,
По лей-линиям промчись,
Отрази свою сестрицу,
Что стоит в лесу в светлице,
Расскажи-ка мне про ту,
Что я со свету свожу».*

Едва смолк женский голос, сочащийся ядом, как зеркало в тяжелой дубовой оправе мигнуло призрачным темно-красным светом и отразило комнату чужую дворцовую, увитую плющом и цветами красоты невиданной. В зеркале показалось другое зеркало, напротив которого кресло стояло с высокой спинкой. Кто в нем восседал, просительница не могла разглядеть. Только руку тонкую бледную с изящными пальчиками, на подлокотнике возлежащую, и можно было наблюдать.

Темноволосая высокая и худая владелица волшебного стекла нетерпеливо придвинулась к изображению, в надежде разглядеть хозяйку светлицы. Долго ждать не пришлось. Поднялась девица с места насиженного и к окну подошла поближе, выглядывая кого-то. Черноволоска тут же прильнула к стеклу, жадно разглядывая королеву Вечного леса. Обнаружив в волосах её пряди черные, удовлетворенно хмыкнула, а затем расхохоталась, от зеркала отпрянула, закружилась-завертелась по опочивальне своей. Приговаривая:

*«Зеркало мое живое,
отраженье дорогое,
за меня ты отомсти,
холод в сердце запусти.
В душу проскользни змеей,
сделай фею не живой.
Жизнь Амбрелле сохрани,
Яду в кровь еёпусти.
Пусть навек её скует
Королевы снежной лёд».*

Ведьма кружилась и кружилась, приговаривая то громче, то тише слова заветные, колдовские. Искорки маленькие снежные вспыхивали в такт словам на поверхности зеркальной и исчезали в глубине

мерцающей. Холодом повеяло в комнате, но танцующая женщина не замечала ничего: яд обиды давным-давно сковал сердце, выел живую кровь, заполнил жилы ледяной крошкой.

* * *

Амбрелла, отпрянув от окна, прошла по светлице своей бездумно. Да и замерла напротив зеркала волшебного, будто позвал кто-то из темной глубины, притянул. Рукой махнула, слова шепнула, и замерла, залюбовавшись чудесами заморскими. А посмотреть было на что: на горы высокие, на моря глубокие, на страны жаркие, на танцы яркие.

Равнодушно взирала королева на чудеса чудные, без эмоций любовалась на дивности сказочные. Только морщилась время времени, да плечиком точеным дергала: чудилось её, будто мураши по шее ползут да за пазуху прячутся. Спустя время кольнуло что-то острое в сердечко ретивое. Заныло оно, засбоило. Королева ладошкой грудь потерла, боль и отступила. Отвернулась Амбрелла от зеркала, вернулась в кресло любимое и принялась вновь бездумно в окно глядеть. И не заметила фея, что волос темных в косах её прибавилось.

* * *

Усталая и довольная ведьма закончила свой танец смерти, погладила зеркало, благодаря за помощь, и покинула комнату тайную.

В холле её встретила помощница — девица вертлявая, но сметливая, доложила обстановку, да встречи перечислила грядущие. Салон магии «Ягиня» огромной популярностью в царстве Берендея пользовался. А то, что владела им одна из царских дочек, славы только прибавляло. От клиентов отбоя не было, очередь на месяца вперед расписывалась.

Принимала колдунья всех: и состоятельных аристократок, и купчих дородных, и простых служек. Поговаривали, что царевна не

только приворот на любовь и богатство, здоровье и удачу творила. Будущее по зеркалам предсказывала, порчу снимала, венец безбрачия да проклятья семейные.

Шептались в кулуарах, что хозяйка и волшбой темной не брезговала. Слухи слухами, а не пойман — не чёрт. Строго карал царь-батюшка Берендей за черную магию, не чинов не разбирая, ни связей родственных. Потому если и случалось что в салоне магическом, то тайно и заказчики потом предпочитали молчать, не думать и даже во сне не вспоминать. Молчание — золото, гробовое молчание — гарантия долгой жизни.

ГЛАВА 12. Серый Волк зубами щёлк

Растерянный Ждан, злясь и ругаясь на волка непокладистого, спустился вниз достаточно быстро для того, кто не привык одеваться самостоятельно. Оглядев зал таверны и не обнаружив Серого, принц растерянно рухнул на скамью, тоскливо огляделся и вяло махнул рукой, подзывая служанку пышнотелую. Девушка подплыла к наследнику, заказ приняла и отчалила. Тут-то Ждан и заметил спину знакомую возле стойки. Обрадовался, подскочил было да обратно плюхнулся: негоже наследному принцу за простолюдом бегать, сам подойдет.

Оборотень долго о чем-то шептался с хозяином таверны, потягивая чай с лимоном из кружки пудовой. Затем руку пожал гному дородному, мельком глянул на Ждана и покинул залу. Растерянный принц остался сидеть на месте, ковыряясь ложкой в каше, по сторонам озираясь, думу думая: куда бежать к кому обращаться за помощью?

В посольский дом идти, чтобы домой вернули принца наследного, — не дело. Царь-батюшка дотошный, выяснять примется, что да как. Позору не оберёшься. «А ведь ищут уже поди меня охотнички. Царский сын пропал не абы кто. Что делать-то? Как домой возвращаться?» — перед очами наследника мелькнула лицо нежное с глазами огромным фиалковыми. Тоскливо вздохнул принц, понимая: не одолеет он Соловья — не завоюет королеву фей. Позору не оберёшься. Лесной народец языкатый да на шуточки больно острый, ославят на весь свет белый.

Принц поёжился от одной мысли о том, как полоскать его персону будут на всех балах и раутах светских. И если в своем государстве на придворные рты платок царь-батюшка накинёт, да бантиком концы завяжет чтобы лишнего не болтали, то гостям заморским полоскать принца на всех языках не запретишь.

Тоскливый и протяжный вздох вырвался из груди Ждана. Юноша совсем поник от горя-печали, отодвинул миску с кашей, придвинул кружку с чаем и блюдечко с лимоном тонко нарезанным. Бросил дольку в жидкость горячую да отхлебнул сразу же. Тут же слезы на глазах выступили: болью обожгло язык — чаёк дюже горячий

оказался. Вытирая глаза, пригляделся Ждан к кружке и понял: непростая чаша перед ним, а магическая. Сохраняет жар долго, оттого и не остыл чай.

— Хватит реветь, допивай чай и собирайся, — раздался над головой знакомый рык. — Марфа, чаю мне. Да сушек сладких, — добавил Серый, опускаясь на скамью напротив Ждана. — Чего реवेशь как девица красная?

Оскорбленный принц вскинулся, кулаки сжали и зло процедил сквозь зубы:

— И не реву я вовсе, обжѣгся я.

— Ну-ну, — принимая заказ из рук служанки, хмыкнул оборотень. — Пей чай. Скоро отчаливаем.

— А... Ты ж сказал, помогать не будешь, — насупившись и усердно дую в кружку пробурчал Ждан. — А-а-а... Клятва на крови, — губы принца растянулись в ехидной улыбке и наследник окончательно пришел в себя.

— Ты зубы-то не скаль, а то не долго и выбить, — оскалился в ответ оборотень. — Клятву не тебе давал, не тебе и условия ставить. Не будешь делать, что говорю, оставлю тебя там, где вляпаешься. Я понятно изъясняюсь? — волк так глянул, что Ждан сушкой подавился и акашлялся.

Приподнявшись чуть со скамье, оборотень похлопал принца по спине, прижимая к столу ладонью сильной.

— Допивай и поехали, — забрасывая в рот ломтик лимона и заливая последний глоток чая, повторил Серый. — Жду на улице.

Волк бросил на стол монету серебряную, сгреб в карман оставшиеся сушки, и неторопливо двинулся к выходу, по дороге кивнул, прощаясь, гному за стойкой и подмигнул пышнотелой Марфе.

Ждан торопливо кружку отодвинул, со скамьи соскочил, оттолкнул служанку, к столу подплывшую прибраться, и помчался вслед за волком, боясь не догнать и одному остаться.

Серый, как и обещал, ждал во дворе. Окинул принца хмурым взглядом и кивнул, приглашая за собой следовать. Со двора вышли, извозчика поймали и помчали за город. Принц, нахохлившись, молчал, ожидая, что волк поведаст план действий. Наглый оборотень равнодушно глядел перед и на сердитые взгляды попутчика не реагировал.

За городом Серый велел извозчику отвезти их к ближайшему лесочку, и спустя полчаса они покинули коляску и нырнули в прохладу чахлой рощи. Торопливо шагая вслед за размашистым шагом оборотня, Ждан скрипел зубами, изо всех стараясь молчать и вслух не ругаться, и едва не уткнулся в спину широкую, когда волк внезапно остановился.

— Слушай внимательно и запоминай. Царевну умыкнем под утро...

— Из дворца? А стража?

— Не перебивай. Девица ночами из хором царских тайно сбегает, а вот куда — никому неизвестно. Вот мы её и перехватим, когда принцесса домой возвращаться будет, в мешок запихнём и к императору помчим.

— А дальше?

— А дальше видно будет. Захочет — замуж пойдет за императора.

— А коли не захочет?

— Сбежать поможем, — волк вздохнул протяжно и мешок принцу в руки всучил. — Держи крепко, не оброни в пути.

— А что там? — любопытничал Ждан.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. На место прибудем — узнаешь, — с этими словами Серый в волка перекинулся и башкой кивнул, приглашая принца на спину к себе залезть, да покрепче за шерсть ухватиться.

Ждан глаза закатил, сумку за спину закинул лямки покрепче затянул и стал на оборотня взбираться. Волк же, паршивец этакий, глазом жёлтым косил и во всю пасть ухмылялся глядя на потуги наследничка. Ростом пёс лесной превышал принца раза два. А принц не много, не мало под два метра вымахал.

Наконец, вдоволь поиздевавшись на принцем, оборотень смилостивился, рухнул на землю всей своей тушей немаленькой, лапу поставил и помог Ждану на спину к себе залезть. Оскорбленный принц крепко ухватился за толстую волчью шкуру, едва сдерживаясь, чтобы гадость не вытворить. Но памятуя, что впереди дорога дальняя, да не по землею, а по верхам, вцепился еще крепче в оборотня наглого и приготовился к прыжкам гигантским по лесам и горам, через море и степь нестись навстречу очередной авантюре.

Долго ли коротко ли добрались Серый со Жданом в царство Берендеево. Выбрали постоянный двор да спать завалились. К вечеру выбрались из номера, вниз спустились поужинать, сплетен-слухов поднабраться и к дворцу прогуляться на разведку. Послушать было что.

У царя Берендея росли-подрастали две дочери-красавицы. Старшая — Ягиня — красоты неземной, умница-разумница, дарами магическими боги наделили её многими. И лечить могла, и зверя-птицу всякую понимала, и мертвых на границе встречала да на другую сторону провожала.

Младшая дочка Феврония (Крошечка Хаврошечка для домашних) от второго брака по красоте немногим уступала сестрице старшей. Да только случилось с ней несчастье в детстве, ножку повредила. Сколько лекарей-знахарей не билось над лечением царевны, никто так и не смог выправить увечье. Осталась девица хромоножкой на всю жизнь. Оттого, говорят, характер у принцессы испортился, женихам да ухажемам проверки жестокие устраивала. Все её мнилось: не за неё сватаются, а за приданное, батюшкой ей назначенное. Кабы царь Берендей не запретил казни смертные, так не одна головушка буйная на колах вокруг терема царского торчала бы.

Обе девицы замуж не торопились, магию изучали, способности свои развивали. И вроде все на виду, и благие дела делают, и люду простому помогают, а стали замечать в народе, что пропадает из дворца по ночам Феврония, да только куда ходит — никому не ведомо.

Уж царь Берендей и соглядатаев к ней приставлял, и обещал замуж отдать за того, кто тайну дочери разгадает. И запирали её в опочивальне, и в башню под замок сажали. А все одно: как ночь, девица шашь за порог, а приставленная к ней охрана да шпионы сном беспробудным спят. Так никто и не сумел выяснить, где царевна ночи проводит.

Люди шептались, что бегают она к нимфу Лимнаду, повелителю озер, болот и прудов, что опоясывают берендеево царство. На балах у него ночами напролет танцует, государя очаровать пытается, чтоб замуж за него вы-огробию е языки утверждали, что царевна к древней книге темных искусств магических подбирается, коей обладал государь. Слухи ходили, что создавали её сами претёмные боги. Магия, дескать, в ней живая, каждое полнолуние хозяину своему силу

тёмную пополняет. Оттого, мол, никто нимфа Лимнада не убить, не свергнуть не может. Всё-то он наперед знает, любое покушение на себя в зародыше подавляет.

Другие считали, к русалкам хороводы водить ходит, силу женскую собирает. Третьи утверждали — к феям в леса уходит, магию природную изучает. Матушка-то у Февронии из фейных была. Да и характер у доченьки с возрастом матери-покойницы прорезываться стал: на расправу скоро, настроение изменчивое, как вода вешняя, веры близким не имеет, всех вокруг в чем-то подозревает. А как найдет на нее, так мила и добра становится, лаской да щедростью всех одаривает.

Наслушался Ждан историй про царевен, да и давай Серому в уши дуть: так моли так, давай к царю Берендею по добро хорошему подкатим, сватами выступим. Глядишь и срастется без похищения.

Отмахнулся оборотень от глупостей наследника, велел собираться да к терему царскому вместе с ним идти обстановку разведать, слуг поспрашивать про царевну и её тайные вылазки ночные. Принц спорить было начал, да волк, не слушая, монету на стол кинул, куртку подхватил со спинки стула и на выход пошел. Ждану ничего не оставалось как вслед за Серым таверну покинуть.

Дворец Берендея возвышался в сердце столицы на пригорочке. Вели к воротам сто девяносто две ступени белокаменные. Старожилы говаривали, что изначально двести ступеней вело вверх, да при обустройстве Царской площади у подножья восемь штук то ли каменщики умыкнули, то ли гости иноземные на сувениры увели. Лестница к цареву дому вела одна. Подъём много времени занимал и сил. Потому ушлые торговцы скооперировались с непризнанными гениями и приторговывали поездками на самоходных колясочках. Благо парапеты двухметровые широкие позволяли дорогу вверх соорудить. Но удовольствие от подъема то еще оказывалось, почище катания на адских горках, что в стране заморской Терпимии придумали.

Ждан, однажды на возочке наверх поднявшийся, наотрез отказался опыт повторять. Позеленел весь при мысли о новом катании и решительно зашагал по ступеням ножками резвыми. Волк пожал плечами и двинул следом. Прилюдно катать на себе принца оборотень наотрез отказался: не волчье это дело на шею царских отпрысков

сажать, чай, не тростинки, не сломаются. Да и привыкнут — не скинешь.

Закат полыхал всполохами золотыми да алыми, когда Ждан с Серым добрались до площадки обзорной перед царским теремом. Вид сверху открывался чудный. Весь город как на ладони в красоте своей открывался. Столица берендеева царства название носила звучное — Анфракс — драгоценный камень. Только с самой высокой башни дворца открывался скрытый смысл имени. Густой лес, который обрамлял сказочный град, заключал поселение в изысканную изумрудную оправу. А цепь озер, болот да прудов россыпью жемчуга окружали лес и город Анфракс.

Из столицы во все стороны вели двенадцать дорог-путей. Сверху казалось, словно лучики солнца разбегаются из одной точки сквозь чащу лесную мимо водных ловушек. Новые кварталы строить разрешали архитекторы царские только по окружному плану. Двенадцать улиц вытекали волной белой на окраины и встречались с лесными тропами. А те уже переплетались на краю чащобы с зелеными луговыми дорожками, по которым торговые караваны да люди попадали на большак.

Недругов, кои на град стольный царства Берендеева напасть решились по глупости, смерть грозила неминуемая. Не зная слова верного, не одарив дарами нимфа Лимнада пройти сквозь водные препоны невозможно. А коли вдруг чудо случится и враг просочится через армию водяных да русалок, так в лесу сгинет без следа и без косточек.

Деревеньки и хуторки по всей чаще раскинулись. Дружною семьёю живут в них люди и птицы-звери. С лесными духами и живностью договоры крепче слова нерушимого заключены. Не потерпят берендеевичи супостата. А там и помощь от царя-батюшки подоспеет — богатыри сильные, кровь с молоком да мед с кашей. Ногой топнут — горы содрогаются. Рукой махнут — звезды цепляют.

Аккурат на вечернюю зорьку выходили из-за стен белокаменных богатыри берендеевичи обходили дозором по кругу терем царский и расходились-разъезжались на ночную стражу к границам лесным. К той поре люд праздный собирался на них поглазеть, в той толпе и затерялись Серый со Жданом.

Принц ворчал и настаивал на поклон к царю Берендею идти, обсудить-обрядить положение. Волк хмыкал и на уговоры не соглашался. В оконцове сошлись в одном: проследить надобно за царевной, выяснить, куда по ночам уходит да что делает. А там видно будет: по добру али по здорову с Февронией разговор вести.

На том порешили и поторопились к лавчонке, что стояла около подъёмников: успеть билетики купить на прогулку со сказочником, толпу иноземных гостей выгуливал по следам богатырским вокруг царева терема, да историю дворца белокаменного сказывал. В этом походе, который иноземщина экс-кур-си-ей обзывала, (Ждан старательно все новые слова запоминал, чтобы блеснуть потом перед Амбреллой э-ру-ди-ци-ей своей и велиречивостью заумной), Серый приметил местечко для засады.

По всему выходило, что есть в стене каменной дверца потайная, через которую царевна ночью ускользала и по утру возвращалась. Ждан засомневался было, да вспомнил — у оборотней и сух, и нюх отменные, а глаза настолько зоркие, что птичий след спустя неделю разглядеть могут. Возвращаться в таверну не стали, тут же на площадке смотровой прикупили пирожков-булочек да воды-квасу. Чуть стемнело двинулись в сторону того места, где решили цареву дочь стеречь. Как только часы на башне дворцовой пробили полночь, в стене белокаменной образовалась дыра черная из которой тенью выскользнула фигура, во все темное закутанное.

Кабы не хромота, не признали бы соглядатаи Февронию. Косы девица спрятала под шапкой, одежду мужскую нацепила, сапожки сафьяновые с каблуками звонкими сняла. А сама кралась в ночи как заправский шпион — тихо и бесшумно. Ждана аж передёрнуло: вспомнил стражей императорских, что в такой же одежде теньями бесшумными из стен лаборатории выскочили по его душеньку.

Серый царевну вперед пропустил, да через полчаса по её следам последовал, велел принцу след в след за ним тихим шагом идти да не топтать. Теперь-то Ждан понял, зачем оборотень велел на обувку тряпки намотать да хорошенько закрепить. В тишине ночной на версту слышны шорохи и шумы всякие.

Шли они за царевной долгонько. Наследник во времени потерялся, но по ощущениям — час шагали, а то и все полтора. Наконец вышли на полянку, посреди которой стоял домик бревенчатый

добротный, частоколом обнесенный. Глянул Ждан на тот забор да чуть не сомлел с перепугу. На каждом острие черепаторчали разномастные. А и пустых глазниц свет призрачный голубой лился, освещая и дом и полянку, и кусты по краям.

«И тишина... Хорошо хоть мертвые с косами не стоят вдоль опушки», — поёжился принц, ближе к оборотню придвигаясь.

Серый лапой махнул, наследник замер на месте, дивясь увиденному: не ведал Ждан, что оборотни могут частично тело свое трансформировать. Не успел царевич моргнуть, как юркнул волк не приметной тенью к избушке. Затаился у частокола, принялся. Не учуяв, видимо, опасности, тихо скользнул внутрь двора и пропал.

Время шло, а волк не возвращался. Ждан уже извелся весь, ожидаючи. Трижды пытался на разведку вслед за Серым пойти, да на месте оставался, помятуя слова напарника: сидеть, с места не трогаться, под лапами не мешаться, а ежели что — «разгребать будешь сам».

Уже и светлеть начало в лесу, темень отступала, а оборотень все не появлялся. Наплевав на наказ сторожайший, рискнул Ждан подобраться к избушке, да заглянуть в нее. Мало ли что, а вдруг помощь волку нужна, лежит там, кровью истекает. Высунулся принц из кустов, огляделся по сторонам и мелкими перебежками рванул к частоколу.

Свет из глазниц из голубого постепенно становился серым. Роса га траву пала. Ждан смелости набрался да в калитку было шмыгнул, как вдруг ворота распахнулись и из них выехал на всадник. Едва не пришибло принца створками, а сердце перепуганной птицей где-то в районе горла задержалось. Замер наследник за дверцей, дыхание затаил и одним глазком в щелку за незнакомцем наблюдал.

Конь белый с гривой длинной, в косы заплетенной, вышагивал неторопливо и величаво. Хвостом следы за собой заметал. Сам наездник, облаченный в белые доспехи, по сторонам не глядел. Доехали до кромки до леса тёмного и исчезли без оглядки.

Выдохнул принц, прислушался — тишина ночная звуками утренними наполняться начинала полегоньку. То птичка чирикнет, то белка орех уронит. Собрался с силами Ждан и крадучись скользнул в ворота раскрытые. Избушка стояла по центру двора. Кроме неё никаких хозяйственных построек не наблюдалось. «Откуда тогда

всадник на коне взялся?» — подумалось Ждану, когда он вдоль заборчика тихонько крался, местность осматривая.

Трижды обошел домик принц, пока не решился на крыльцо подняться да внутрь заглянуть. Только за ручку взялся, как дверь распахнулся, откидывая незадачливого принца на землю, а из неё волк быстрее молнии шмыгнул да за ворота кинулся. В последние момент резко развернулся, зубами подхватил Ждана за шкварник, на спину себе забросила, да вместе с поклажей рванул со двора.

Остановился оборотень недалеко от стен дворцовых. Скинул принца и лапой к земле придавил. На его возмущения тихонько рыкнул и сам к траве прильнул. Долго ли, коротко ли на тропинку скользнула царевна, прихрамывая больше обычного. Добралась до потайного входа и исчезла с глаз долой.

Ждан затрепыхался, из-под лапы тяжелой выворачиваясь, замычал, требуя свободы. Волк уши насторожил, лес послушал и отпустил пленника.

— Ты где был? Я уж искать тебя пошел, а тут всадник, а потом ты...

— Ночью снова пойдем, но пораньше засаду устроим. А сейчас — завтракать и спать. В обед на разведку схожу, по дню хочу на чудо-избушку глянуть.

— А что там, внутри? — жадно поинтересовался Ждан. Мнились ему богатства несметные. На худой конец — вещицы волшебные редкие по сундукам припрятанные.

— А пусто там. Только зеркало странное в два моих роста стоит в раме золоченой. Я вслед за царевной шмыгнул, под оконцем караулил. Заглянул, а в избе и нет никого. Я и зашел в дом чуть погодя. Чисто там, будто в покойницкой перед выносом. И нет никого.

— И... мертвые с косами? — прошептал побледневший Ждан.

— А мертвые откуда? — удивленно воззрился на принца Серый. — Не было там никого. Не живых, не мертвых. И вот вопрос: царевна-то куда из избушки делась?

— Вопрос... — оба невольных авантюриста задумались ненадолго.

— Ну что, двинули отдыхать, дел невпроворот. Чую, нелегко будет с царевной справиться. Темная она лошадка.

— А вот про лошадку ты вовремя вспомнил, — вздрогнул Ждан, выныривая из мыслей своих. — Всадник тут на коне белоснежном перед самой зорькой со двора вынырнул, едва с ног не сбил. Я по двору-то прошелся ни конюшни, ни сарая. Откуда он взялся — не пойму.

— Всадник говоришь? — волк на секунду задумался. — Вот вечером и выясним, что за принцы на конях по лесу разгуливают и куда берендеевна из избушки исчезает на всю ночь. А теперь — есть и спать, — скомандовал оборотень и первым на ноги вскочил, да в сторону постоянного двора отправился.

ГЛАВА 13. Опять метель и мается былое в темноте

— Бабушка Чомора, а что это? — восторженно ловя белые хлопья на ладошку, заверещали на перебой юные феи.

— Ой, холодное!

— Ой, все пропало! Исчезло! — заплакала белокурая малышка десяти вёсен от роду, со слезами на глазах рассматривая капельку на ладошке.

— Ох, ты ж, олени-сохатые, лоси-рогатые! Да что ж это... Да как это! — Чомора застыла замшелым пеньком посреди моховой полянки, растерянно глядя на снежинки, падающие с неба. — Дубовод! Дубовод, лешак старый! Подь сюды! — заголосила домоправительница во весь голос.

Стайка единорожиков, мирно спящих в розовых кустах, подпрыгнули от вопля дикого и спросонья понеслись, не разбирая копыт. За ними помчались мальчишки-подростки, по пути засалив верещавших девчонок, и началась чехарда.

Растерянная Чомора хмуро таращилась на небеса и глазонькам своим не верила. Впервые за всю свою долгую жизнь старая Хранительница снег увидала. Да ни где-нибудь, а в самом Вечном лесу. Даже на границе с человеческим миром такого чуда не приключалась. Сосны-ворота и те знать не знали, ведать не ведали холодов-морозов. Вокруг них всегда трава зеленела, когда луга заснеживало.

— Чегой-то ты шумишь, Чомора? Раскричалась на всю опушку, распугала всех лягушек, — засмеялся леший, стихами заговорив.

— Дошутился, хрыч старый! До беды довел лес Вечный. Ты погляди, погляди сюда, сюда я тебе говорю! Видишь, что делается-то!? — ногами затопола домоправительница, уперев в бока руки.

От возмущения на носу у нее грибы выскочили и тут же пятнами пошли, мухоморами становясь.

— Да что случилось-то? А? — озираясь по сторонам растеряно заворчал Дубовод, перестав улыбаться.

— Снег идет, дурень ты слепешарый! — в сердцах выразилась Чомора и тыкнула под нос лешему ладошку сморщенную со

снежинками тающими. — Снег! Идет! В Лесу! Вечном!

— Как так? Непорядок! Я не давал такого распоряжения! — растерянно забормотал Дубовод Семидневич, щурясь и в ужасе капельки воды разглядывая в чомориной руке.

— Давал, не давал! Ка-таст-ро-фа! — янтарные слезы покатались из глаз Хранительницы, запахло смолой березовой.

От этого еще больше растерялся Дубовод и закружился на одном месте, руками себя по бокам хлопая, голову к небу задирая и приказывая снегу сыпаться перестать.

— Деда Дубовод, а, деда Дубовод, — кто-то настойчиво звал лешего. — А это съедобно? А почему тогда холодное? Это мороженое от людей? Или одуванчики небесные?

Малышня, сбжавшаяся на веселые вопли старших фей, что гонялись с единорожками на перегонки по лужку моховому, окружили Чомору и Дубовода. Раскрыв рты, ловили феи белых мошек на язычки, морщились, пищали, пробовали на вкус. Леший и хранительница стояли, облепленные детворой, и глазами лупали друг на дружку.

— А я говорила: неча тянуть, срочно письмо Яге писать надо было. А теперь все. Поздно, — всхлипнула Чомора.

— Дык я...

— Я! Я! Образуется, перемелется, труха будет! — махнула рукой старая и запричитала пуще прежнего. — Все, беда пришла, отворяй ворота.

— Зачем? Что ты мелешь, старая? Какая беда? А-но-ма-ли-я! Вот! — леший поднял вверх палец. — Вспомнил. А-но-ма-ли-я это обзывается. Я вчера в энциклопедии заморской вычитал, про погоду!

— Сам ты... и ано, и малия! — расвирепела Чомора еще больше. — Зима пришла в Вечный лес. Зи-ма! — повторила по слогам и ткнула пребольно в деревянный лоб лешего пальцем своим крючковатым.

— Какая такая зима? Не заказывал я, пропуск не выписывал. Да и сквозь сосны никто не проходил, зову не было, — потирая ушиб, вновь забормотал леший.

— А и заказывать не надо... Само пришло... вместе с зеркалом окаянным, да магией треклятой... — Чомора тяжело и протяжно вздохнула, хотела еще что-то сказать да не успела.

— Что за шум вы тут устроили? — раздался голос ледяной такой силы, что все невольно вздрогнули и замерли, на звук оборачиваясь.

На пороге замка лесного показалась Амбрелла, худая, что сосна мачтовая, с лицом белым, как снег. Даже губы феи, бутонами роз алевшие на днях, и те побледнели до невозможности.

— Волосы... Ты на волосы её глянь! — простонала Чомора и покачнулась.

Дубовод только и успел, что плечо подставить да придержать, а то так и рухнула бы хранительница.

Длинные локоны Амбреллы рассыпались по плечам вороновым крылом. В одночасье почернели кудри белокурые. Были прядки, да все вышли. Глаза фиолетовые, ни разу не темневшие, выцвели до голубизны льда зеркального. Холодно и равнодушно взирала на друзей и подданных своих королева Вечного леса.

— Тишина должна быть в лесу, — едва разлепляя уста белоснежные, молвила Амбрелла.

Кто-то ойкнул в толпе фей, а затем что-то упало.

— Тихо, я сказала. Или я сказала тихо? — тихий голос королевы фей пронесся по поляне леденящим вихрем снежным, запорошив всех иголкам колючими.

Дрожа и клацая зубами феи, существа магические и звери лесные во все глаза глядели на свою добрую и справедливую Амбреллу и не верили тому, что видели.

— Чомора, разгони всех и вели мне книги принести из архивов королевских, что в запасниках лежат, в секции потайной, — отдав приказ королева развернулась и исчезла в дверном проеме.

— Тш-ш... Не реветь, всем по домикам спрятаться, — зашептала Хранительница, едва в себя пришла. — Сидите тихо, авось, беда минует. Не шуметь, не реветь, не пищать. Ягу на помощь позовем, вернем нашу Эллочку, — раздав тихим голосом указания, велел старшим утащить младших, зверям попрятаться по норам и запасаться теплыми лежанками, одеялами и пропитанием про запас, домоправительница ткнула в бок застывшего Дубовода.

— Ась? — отмер старый леший и торопливо закивал головой, слушая указания Чоморы: за зверьем лесным проследить да помочь подготовиться к холодам.

А сама почапала в покои королевские, слезы жгучие утирая и про себя причитая: «Ох беда-беда, зима лютая! Что же делать. Делать-то что?! Вестника к Яге слать надо срочного!» — осенила мысль хранительницу, быстро слезы она отёрла, спину выпрямила и, чеканя шаг как зайцы на весеннем параде, пошла к королеве своей. Назвать Эллочкой ту, что сейчас приказы приказывала да тишины требовала, язык не поворачивался.

— Не поможет вам Яга, обещаю, — ведьма рукой взмахнула и отражение пропало. — Письмо они писать собрались. Ха. Поздно молоко пить, когда оно скисло, — колдунья от зеркала отошла, в окошко выглянула, рукой махнула, лису подзывая.

Рыжая скользнула к двери и уселась, хвостом пушистым обернувшись, хозяйку поджидать. Спустя время колдунья вышла на крыльцо, нацепила кулончик янтарный на лисью шею, указания шепнула на ушко и отправила охотницу в путь-дорогу.

Лиса белым пушистым кончиком взмахнула, следы заметая, и была такова. А ведьма в дом вернулась да сумки собирать начала.

— Пора к крестнице наведаться, давно, пора, — выбирая наряды, пританцовывала колдунья. — Столько лет не виделась, поди скучала за мной, — ехидничала интриганка, укладывая скляночки-баночки со снадобьями магическими.

Уложив и упаковав вещи, в дорогу отобранные, черноволосая и черноглазая девица с губами вишневыми крупными, с чертами лица тонкими аристократическими остановилась напротив зеркала магического, улыбнулась и нежно пропела:

*«Свет мой, зеркальце, скажи,
Да всю правду доложи,
Я ли на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»*

Золото стекло бликами заиграло, просыпаясь. Вспыхнуло огнем солнечным, озаряя просительницу, и ответило:

*«Ты прекрасна, спору нет.
Обойди весь белый свет —
Краше ведьмы не найдешь,
Не живет сейчас нигде
Ни одна под стать тебе.
Но как только снег сойдет,*

Красота твоя уйдет».

— Заткнись! — завизжала колдунья и ногами затопала. —
Сколько раз тебе повторять — не сойдет снег, не сойдет!

*«Но как только снег сойдет,
Красота твоя уйдет,
До весны не доживешь,
Если власть не обретишь,
Навья магия сильна,
Заберет с собой тебя».*

— За-аг-кнись! — разъяренная ведьма схватила тяжелый кубок, и чуть было не швырнула его в магическое зеркало, да опомнилась вовремя, в стену кинула. Брызнули осколки, а стекло продолжило равнодушно:

*«Зеркало кто разобьет,
В мир зеркальный попадет,
Оживет в нем вещим духом,
Знать не знаю, но по слухам
Семь столетий, семь годков
В зазеркалье проживет.
Лишь найдя себе замену
Выберется он из плена».*

Колдунья взвыла и выскочила из светлицы на улицу, отдышаться. Черные молнии полыхнули над лесом непроходимым. Звери-птицы попрятались от хозяйки земель заповедных по норам и гнездам. Страшна в гневе ведьма. Ярость ум её затопляет, оттого всякие разные неприятности в окрестностях происходят: то река из берегов выйдет, то водяной ополоумит и давай всех на дно тащить без разбору. То болотные духи народ пугать начинают, запутывают да в топь заводят. А уж если умертвий лесных поднимет хранительница леса в бешенстве, то ни живым, не мертвым покоя не будет.

Оттого уже годков десять, с тех пор, как магичка поселилась с лесу, опустели деревеньки близлежащие, сбежали жители кто куда: кто в город столичный подался, кто и вовсе в края иноземные сбежал.

Застонал вековой лес, ветки тяжелые от бури роняя. Заскрипели стволы вековые, пытаясь напор выдержать. Русалки лесные под корни попрятались. Водяные глубже в тину зарылись. Леший да духи лесные малые в пеньки позабывались.

— Матушка-а-а-а! Помоги! Дай сил выдержать, месть завершить! За тебя отомстить! — простонала в голос ведьма, воя от ярости, шаровыми молниями раскидываясь.

Вспыхнули огоньки голубые, побежали по частоколу, круг замыкая, избу и двор освещая. Скрипнули ворота, показался в них черный всадник на черном коне. Ведьма злобно зыркнула в его сторону, рукой махнула, волосы оправила, в себя приходя, и в дом пошла. Наездник, с жеребца не слезая, за избу заехал и сгинул с глаз долой.

Успокоилась колдунья, и лес в себя пришел. Звери-птицы из нор выбрались, на ночь звездную полюбоваться. Магичка вещи собрала, на зеркало покрывал накинула, вышла из светлицы, за угол зашла и вслед за всадником исчезла из виду, словно не было ее тут никогда.

Затихло подворье. Лишь мыши в подполе зашуршали, в делах домашним приступая. Да огни голубые в черепах на частоколе ярче загорелись, освещая поляну перед избушкой и кромку леса заповедного.

* * *

С шумом и гамом, медведями и скоморохами вернулась со столичных улиц свадьба разгульная царская. Государь Ждан I Неотразимый гостей не встречал, из кабинета своего не вышел. Через домовенка передал Бабаю Кузьмичу, чтоб гостей поили-кормили со двора не выпускали.

И покатила свадьба разгульная хмельным веселье дальше. Царица молодая сбежала в свои покои, в порядок сея привести, отдохнуть малость от подхалимов пьяных, доброхотов разных. Кто только не старался перед государыней хвостом мести: и боярыни, и графини. Герцогини заморские и те не брезговали сплетнями старыми Зинаиду порадовать.

Царица на ус мотала, улыбалась и слушала. Приметила, однако, что рок-кот Баюн, Соловей с женой своей красавицей в ближнее окружение не рвутся, слухами да сказками делиться не спешат. А имя-то соловьиное раз за разом в истории с женитьбой государя на

королеве леса Вечного всплывало. Смутные сомнения терзали сердце молодое, девичье. Уж и подзывала царица Горынью Змеевну, словами ласковыми разговоры вела. Да на тропку нужную так и не вывела.

Красавица Горынья улыбалась нежно в ответ, головой кивала, отвечать — отвечала. Да только толку с ответов тех как с козла молока. Вот уж верно в народе говорят: порода змеиная, что не слово — то десяток в ответ, да все такие простые, что крупницу истины и не выищешь. Ни тебе да, ни тебе нет. После беседы такой голову три дня ломать будешь: где правда в том разговоре, а где истина. Да и есть ли она там?

Соловья так и не дождалась в колеснице своей свадебной молодая царица на беседу. Сам бывший разбойничек за милостью государевой не шел, а дозваться через слуг верных и льстивых не смогла Зинаида балагура и весельчака. Со скоморохами да шутами впереди поезда царского свадебного вместе с котом Баюном отжигал Одихмантьев сын так, что гостюшки дорогие животы надорвали, на чудачеста этих двух клоунов гляючи.

И это намотала царица на ус, а чтоб не забыть, велела служанке верной в блокнотик занести, чтобы на досуге оценить-прикинуть, да подумать обо всем, что на свадьбе собственной заприметила.

Вечереть стало, когда свадебная орда к дворцу повернула. Гости некоторые успели и напиться, и проспаться по два раза за время пргулки незапланированной. Ко двору добрались, вздохнула Зинаида было с облегчением, да не тут-то было. Царев приказ: петъ-пить-плясать до утра вплоть до особого распоряжения. И понеслось празднество с новой силой по столам пиршественным заново.

Молодая жена праздник покинула, в опочивальню отдохнуть, мужа повидать отправилась. Дойти до порога не успела, как нашептали её бабки-няньки придворные, мол, государь из кабинета с зорьки утренней не выходил. Только и видно, что ему закуски туда заморские таскают, да вино молодое красное. Царица с улыбкой выслушала наушниц, кивнула благосклонно да к себе пошла. Сплетницы растерялись, зашушукались и понеслись по дворцу сплетню новую разносить: обиделась, мол, кровно царица наша Зинаидушка на мужа-государя своего, теперь развода требовать будет. Ой, люди добрые, беда-огорчение, полцарства оттяпает как пить дать!

И понеслась буря словесная по коридорам-комнатам. Пока до пьяных гостей долетела, подробностями такими обросла, что половина приглашенных за кинжалы-шпаги-мечи хвататься начала, порываясь бежать царя-батюшку спасать. (Благо, по законам праздничным оружие в оружейную сдавалось на хранение). Другая часть с кулаками в драку полезла, честь царицы отстаивая.

Ах, и какой же сказочный герой не любит драки славной свадебной! Визжали дамы, по углам прятались. В воздух взлетали парики и чепчики, шляпы и шляпки. Во дворе стена на стену холопы пошли, честь господскую защищая. Буйный нрав от хмеля беспробудного — он никого не щадит: ни аристократов, ни слуг. Все по утрам шампанского требуют, да не всем оно заходит.

Ни царь, ни царица о битве великой свадебной ни сном, ни духом не ведали. Ждан по-прежнему в кабинете своем прошлым наслаждался, на настоящее наплевала. Зинаида в опочивальне наряды богатые праздничные снимала, душистую ванну принимать готовилась. А перепуганные домовята сломя голову на доклад к Бабаю Кузьмичу понеслись. Окромя него некому с морем человеческого безумия совладать.

Домовой в трапезную чинно вошел, глазом сердитым пьяную драку окинул да как гаркнул слово заветное, так душа в пятки у всех разом и опустилась. Замерли гостыюшки пьяные, кто в каких позах оказался: не пошевелиться, не разогнуться, только глазами выпученными ворочать и могли. Домовята да прислужники понеслись по зале, осколки-бутылки собирать, объедки выметать. Разгром знатный драчуны учудили. Бабай Кузьмич вазы-фужеры разбитые оглядел, паучков-доглядчиков выслушал, рукой махнул, отмереть всем позволяя, да и вернулся походкой степенною счета расписывать да рассылать за посуду побитую, мебель поломанную, занавески разодранные. Заодно, глядишь, часть казны, на свадьбу потраченную, восвояси вернется.

Гости знатные, домоправителем из плена недвижимого выпущенные, разгибались, кряхтя и охая, да по комнатам гостевым распоззались до утра отсыпаться-отлежаться. Мало ли что царь-государь на другой день задумает.

К тому времени, как царица молодая накупалась-напарилась, в одежды соблазнительные переделалась да к молодому муж отправилась,

тишина в царском дворце наступила.

Ждан жену молодую в покои свои впустил, за царицей поухаживал. Выпили супруги в молчании, а потом и прилюдия началась да тут же на диванчике в кабинете и продолжилась. Дивилась Зинаида происходящему, на порывы мужа страстью отвечала. А как все свершилось, так и заплакала. Чужое имя с уст мужниных сорвалось. Эллой назвал новобрачный молодую супружницу, срываясь в последние аккорды страсти. И не вспомнил опосля всего, как обидел царицу свою.

Галантно вина предложил, фрукт заморский ярко-оранжевый очистил, в губы легко поцеловал и стремительно покинул кабинет, оставив царицу кутаться в меховую накидку и плакать тишком от тоски.

По дороге во двор кликнул царь Бабая Кузьмича да велел коня оседлать. Не слушая никакие уговоры, вскочил на жеребца резвого и помчался в сторону леса Вечного. Только и успел домовой вслед за государем двоих верных людей отправить приглядеть, кабы чего не случилось.

Ждан быстрее ветра домчался до кромки лесной, где владения королевы фей начинались. Кинулся к трем соснам, да так и замер возле них, не входя. Вечнозеленая поляна снегом усыпана оказалась. Ветки сосновые до земли гнулись, едва выдерживая тяжесть снежную. Сунулся было царь внутрь, позвал лешего приветливо да с поклоном. Но не ответил ему хранитель Вечного леса.

Трижды три раза обошел полянку Ждан, звал и кричал, умоляя Амбреллу выйти к нему или к себе впустить. Но так и не попал в изумрудный сумрак и не докричался до духов лесных. Даже заблудиться в трех соснах не смог. Вечный лес спал, снов не видел, зова не слышал, в снежное покрывало только сильнее кутался.

Вернулся во дворец Ждан несолоно хлебавши, злой, уставший и промокший насквозь. Гостей разогнал, в кабинете вновь заперся, велел еды-напитков принести. Поначалу все в бусинку хрустальную пялился, пытаясь до бывшей возлюбленной докричаться: то водой намочит, то слезой пьяной. Да только молчит капля, не отзывается, блеск потеряла, изморозью покрылась.

В сердцах расколотил её Ждан, ногами в пыль растоптал. После долго плакал над ледяной крошкой, осколками резался, соединяя в

единое целое. Но не срослось.

Велел тогда Ждан рок-кота Баюна позвать, закусок-выпивки принести. И началось буйство недельное. Царица пыталась мужа своего уговорить — слушать ничего не захотел, все выпить да танцевать предлагал. Еле вырвалась Зинаида из мужниных объятий пьяных да сбежала на свою половину.

Бабай Кузьмич образумить несколько раз заходил. Царь хохотал, домового за бороду дергал, в любви признавался, другом старинным называл, да только наотрез отказывался к домохранителю прислушаться и кутеж прекратить.

— Не пустила, — кричал Ждан, дыша перегаром в лицо домовику. — Не пус-ти-ла! А ведь я люблю её! Понимаешь ты? Люблю! — падая головой на плечо Кузьмича, рыдал царь.

— А там — снег! И не пускают меня — МЕНЯ! — в лес. И леший не отвечает. И капля молчит. А я люблю, — бормотания стихали, но едва в Бабае Кузьмиче надежда просыпалась, что царь засыпает, сломленный пьяной истерикой, как всхрапывал Ждан, что конь твой норовистый, и хрипло командовал Баюну: «За-пе-вай!»

И кот пел:

«Возьми мое сердце-э-э,
Возьми мою-у ду-у-шу-у,
Я так одинок в этот ча-а-ас,
Что хочу умере-э-э-ть!
Мне некуда деться-а-а,
Свой мир я разру-у-шил,
По мне плачет только свеча-а-а
На холодной заре-е-э-э-э!»

А Ждан подхватывал, срываясь в финал песни:

«Я слышу утренний ко-ло-кол —
Он бесов дра-аз-нит,
И звоном небо рас-ко-ло-то.

На земле я любил лишь тебя-а-а-а...»

И заканчивал, опрокидывая в себя очередной бокал ёршика:

«Возьми моё-о-о серд-це-э-э-...»

(гр. «Ария «Возьми моё сердце»)

Царский запой закончился так же, как и начался — неожиданно. Рок-кота Баюна однажды по утру слуги царские по приказу государя в

гостевые комнаты вынесли. Сам Ждан, осунувшийся, похудевший и побледневший, первым делом перед царицей извинился за поведение свое буйное. С удивлением принял новость о том, что в гостях у жены молодой крёстная гостит. Познакомился с ней, пообещал за ужином всенепременно быть, и отбыл делами государственными заниматься.

Перво-наперво велел разузнать, что с Вечным лесом происходит, и не привиделась ли ему опушка трехсосновая вся в снегу, вместе с засыпанным до макушек королевством фей.

Тут-то ему Бабай Кузьмич и преподнёс историю, которую Дубовод Семидневич в письмеце поведал.

ГЛАВА 14. Избушка, избушка...

Отвернись и не подглядывай!

Засаду Ждан с оборотнем устроили до вечерней зорьки. Засели на широких ветвях дерева, аккурат напротив избушки растущего, и стали ждать. Чтоб скучно не было, тишком в картишки резались. Да только принцу быстро забава надоела: волк все время выигрывал. Хорошо хоть на интерес играли, а то остался бы наследник без портков и без царства. Вскоре сумерки спускаться стали на лес. Небо над верхушкам заалело, а потом и вовсе вылиняло до сиренево-серого. Полыхнуло алыми искрами солнышко красное да и закатилось за деревья.

Спустя время Ждан толкнул Серого в бок: на поляну перед частоколом выехал всадник весь в черном на коне черном же.

— Ну, что я говорил? Веришь теперь? — зашептал принц оборотню.

Напарник тихонько спрыгнул на землю, волком оборотился да за всадником следом тенью невидимой скользнул. Во дворе ни коня, ни наездника не казалось. Трижды оборотень вокруг избушки обошел, никаких следов не нашел. Принял Серый человеком и снова в обход. Тут-то и унюхал проход за углом избы. Едва заметное марево как от костра дрожало в воздухе на границе рядом с частоколом. Сунулся было в него оборотень, да не пустила его сила неведомая.

— А царевна-то непростая видать, — вернувшись, задумчиво поделился с принцем своей находкой. — Ходить она на ту сторону мира, в другое измерение. По всему видать — баба Яга она.

— Как... как это баба Яга? Это что же она, человечинкой питается? — Ждан аж посерел, представив себе, что было бы, как бы девица их с волком застала во дворе или в избе.

— Тьфу ты... — сплюнул оборотень. — да кто ж вам такие сказки в детстве рассказывает? Хотя... — окидывая Ждана взглядом насмешливым, протянул Серый. — Вам может только страшилки и вещают, чтобы не лезли, куда не след. Не мешали мировому пространству своей жадностью царской да глупостью.

— Ты говори да не заговаривайся, — вскинулся наследник.

— А то что? — хмыкнул волк, устраиваясь на ветке.

— А то... А не то... — принц пенился и никак не могу успокоиться, но придумать угрозу-наказание для напарника так и не сумел. Ему чем не пригрози. все в насмешку сведет.оборотень, что с него взять.

— Что с царевной делать-то будем? По добру, по здорову к царю Берендею пойдем сватать? Или выкрадем, как надумали? — принц перевел разговор на тему более волнующую, чем невежливость оборотня.

— Сдаётся мне. Поговорить надо с царевной. Глядишь добровольно пойдет...

— С...бабой-то Ягой? — Ждан вытаращил глаза. — А ну как заколдует? Что тогда?

— Ежели да когда, — передразнил оборотень принца. — Вот тогда и узнаем.

Только вымолвил, как на поляне показалась царевна. Спрыгнул Серый, в прыжке волком оборачиваясь. И стрелой скользнул наперерез тени темной, едва заметно хромающей.

— А ведь не баба Яга ты красавица, — человеком вырастая перед царевной, удивленно выдохнул оборотень. — Ты..

— Молчи добрый молодец, коли жить хочешь, — царевна откинула с голову капюшон и сверкнула глазами черными.

Задохнулся волк от чувств доселе неведомых: будто бездна в него глянула да в душу поцеловала. А поцелуй тот непростой: чует волк, тянет силы из него дочь берендеева, а поделаться ничего не может. Стоит истуканом, в глаза её ненасытные пялиться. Дёрнулся было в зверя перекинуться, да взвыл волк внутри, по лапам связанный.

Напрягся оборотень, пытаясь глаза отвести. Рубаха на плечах затрещала от натуги. А глаза царевны все ближе, все шире. Так и манят нырнуть в воды прохладные, с русалками искупаться-понежиться. «Тятя, тятя, а ты мне гостинца привезешь?» — вспыхнуло медью красной под сердцем волчьим».

«Привезу, зайчонок, что хошь привезу», — целую дочь в макушку, улыбнулся волк.

«А привези мне, тятенька, цветочек аленький», — защebetала егоза, забираясь к отцу на руки.

«Это где ж ты такое вычитала?» — удивился оборотень.

«В книжке старой из маминого сундука», — бесхитростно улыбнулась девочка и близко-близко заглянула глазами темными в душу волчью.

Тут-то и огрело волка по затылку: глаза-то у дочери зелёные, что озера лесные колдовские. Вздвогнул матёрый, попытался вырваться из плена, да не тут-то было. Цепко держали взглядом глаза антрацитовые колдовские, в глубину заманивали. И вдруг раз и схлынуло наваждение.

Проморгался волк, головой потряс, прогоняя остатки хмеля чародейского, глянул, а царевна на траве лежит, не шевелится. А над ней смущенный Ждан стоит, палку в руках держит. Видать, приложил колдунью нежно, оборотня из омота спасая.

— Б-х-хэ... Благодарю, — прохрипел Серый, откашлявшись, и протянул наследнику ладонь крепкую.

— П... пожалуйста, — принц палку из рук выпустил и пожал протянутую руку.

— Как ты догадался? — склонившись над царевной, проверяя пульс и дыхание, поинтересовался волк.

— Я... не догадался... Я... испугался за тебя. Ты стоял, будто мешком пыльным ударенный. А царевна напротив, не моргая, не двигаясь. А потом ты улыбаться начал и колдунью именем чужим называть, на корточки присел, руки протянул. Она к тебе на руки-то и взгромоздилась. Отвечала что-то голосом нежным, в глаза смотрела. Вот гляделки ваши мне и не понравились. Я и подумал: странное творится. Не может царева дочь вот так запросто на руки к кому не попадая... Да и ты... Чтоб обнимал всякую да ворковал с первой встречной... С трудом верится...

— А дальше? — оборотень, убедившись, что девушка в обмороке, с уважительным интересом глянул на Ждана.

— Ну... я палку-то полегче выбрал, девица все ж таки... Сзади подкрался и легонько по темечку и стукнул. Учил меня дядька Полкан как сзади бить, чтобы к пращурам не отправить. Вот наука-то и пригодилась.

— А ты не так безнадежен, как я погляжу, — вдруг по-доброму улыбнулся оборотень. — Толк из тебя выйдет, знатным товарищем в походах сумеешь стать.

Ждан от похвалы такой растерялся, засмутился, затем в глаза Серому глянул: нет, не шутит, правду говорит, и улыбнулся в ответ впервые от души.

— Ну что, берем царевну и к царю Симбиогену тащим? — подхватывая девицу на руки, через плечо перекладывая, поинтересовался оборотень. — Только... связать придется да глаза завязать. Или договориться попробуем?

— Давай... попробуем? — набравшись смелости. Выдохнул принц. — Жалко её... Хоть и ведьма.

— Да не ведьма она... — скривился волк. — Хуже...

— Хуже ведьмы? — удивился Ждан, подхватывая палку на всякий случай от таких слов. — Колдунья темная никак? Или... баба Ягатаки?

— Далась тебе баба Яга! Ягиня — она ведьма полезная. Просто так гадости не учиняет. Только нерадивых, злых да убогих душевно наказывает. Меньше сказки нянькины слушай, летописи лучше почитай. Пошли в избу, там разберемся, — кивнул Серый, поудобней царевну на плече устраивая.

— Так... А что ж ею тогда детей малых пугают? — хмыкнул принц, шагнув вслед оборотню да в спину носом его едва не ткнулся.

— Ты вот что... — оборотень оглянулся. — Ты с места нашего вещички-то собери, следы замети да в избу приходи. А я пока девицу отнесу да печь затоплю.

— Хорошо, — кивнул Ждан и отправился к гнезovью засадному.

На дерево принц взобрался быстро и сноровисто. Вещички в мешки покидал, спустился сноровисто и чуть не бегом к избе устремился. Ночь темная окутала лес, и заговорил он голосами страшными, таинственными. То скрипнет звуком неведомым, то стукнет стуком страшным, а то захохочет-заголосит кто-то в ночи голосом жутким.

В избу Ждан ворвался, запыхавшись, дверь захлопнул, на засов запер и спиной к ней прижался, дух переводя и оглядываясь. В большой комнате возле печи возился оборотень. Огонь озарял его лицо, причудливыми тенями разукрашивая. Царевна без памяти боком на скамье лежала, глаза смежив. Волк её в куртку свою завернул, да рукавами связал. Девица хоть и росточка среднего была, да худая, узел как раз на спине получился.

Ждан вещи на другую скамью скинул, за стол уселся. Подумал и принялся запасы из мешка доставать, на стол накрывать. Серый тем временем самовар раскочегаривал, на царевну поглядывал, чтоб момент не упустить, когда очнется. В четыре руки напарники быстро справились и уселись ужинать.

— Так кто ж тогда царевна, раз не ведьма, не колдунья и не баба Яга? — проглотив первый кусок, вернулся к разговору Ждан и уставился на оборотня вопросительно. — Кто хуже? На кикимору не похожу. Не русалка и не навка вроде...

— Хых... — хмыкнул Серый, кружку литровую к губам поднося, чай пробуя на сладость. — То нечисть известная, при хорошем подходе безобидная, — Серый зажмурился, делая глоток. — Хороший чаёк, не обманул трактирщик, свежих травок дал.

— Кто ж тогда? — заерзал Ждан, баранку подхватывая, в кружку окуная.

— Двоедушница она, думаю... По всему видать — полукровка...

Принц поперхнулся чаем, на спящую царевну покосился и тихо уточнил:

— Двоедушница? Это которые могут тело свое покидать и в любое существо перекидываться, путешествуя по мирам? А... после смерти в упырей обращаются? — Ждан сглотнул, побледнел и перекосялся весь, представив на секундочку, что может со скамьи подняться, ежели девица окочуриться.

— Хм... И чему вас только учат в ваших царских школах... Одни сказки сказывают, как погляжу, — оборотень хмыкнул и тоже на девушку глянул.

Принцесса по-прежнему лежала на боку, спелёнутая волчьей курткой, и не шевелилась. Может, спала, а может — прислушивалась. В избушке ненадолго тишина наступила. Оба мужчины, разом умолкнув, прислушались, пытаясь дыхание девичье услышать.

— Вроде спит, — прошептал Ждан, первым не выдержав молчания.

— Спит... А если и не спит то ничего нового о себе не узнает. Да, красавица? — неожиданно громко позвал Серый царевну.

Царевна нежно губы в улыбке растянула, и глаза свои бездонные распахнула. Принц торопливо зажмурился и отвернулся, молитву Роду зашептал, с трудом слова вспоминая слова заветные от колдовства

сглаза лихого да подчинения колдовского. Оборотень усмехнулся, взгляд на губы алые перевел, стараясь из виду девицу не выпускать, но и зачарованной силе не поддаваться.

— Опустит ресницы-то, чай, не по твою душеньку пришли, по добро договориться хотели, — спокойный и уверенный голос напарника привел наследника в чувство.

Но страх лапой мохнатой сердце сжавший, не отпускал ни на секундочку. Перед глазами так и стояла сцена на опушке: Серый, замерший на коленях посреди поляны с царевной на руках. Ножом пырнуть волка в тот момент, как два пальца отрубить в один присест мечом-саморубом. Не спасти, не отвести удар смертельный.

Ждан осторожно развернулся, из-под ресниц по лицу Берендеевны взглядом пробежался. Царевна улыбалась, но бездну в зенках своих приглушила. Чернобровая, румяная, бледноватая на вкус наследника. То ли дело фея его разлюбезная! И стройна, Ю и высока, и... глаза большие фиалковые! А тут и глянуть не на что! Принц губы поджал, исподтишка девицу разглядывая, вспомнить пытаюсь, кого она ему напоминает.

«Точно! Гидра Лернейская! Вот уж жердь худая да черная! — как наяву увидел принц красотку заморскую с косами темными тонкими, до пят змеящимися. — Уж не родственница ли?»

— Как звать-величать вас, добры молодцы? Пошто в избу к Яге пожаловали? — еще нежнее в улыбке губы растянув, молвила царевна голосом бархатным, завораживающим.

— Ты, красавица, шутки кончай шутить, — в голосе оборотня нотки стальные зазвучали. — Не то железо нацеплю, не погляжу, что царёва дочь. Да и не Яга ты вовсе, — хмыкнул Серый и смело в глаза колдунье глянул.

— Ай и умен ты, зверь, не по летам да не по меркам здешним, — расхохоталась царевна, зубки жемчужные обнажив.

Ждан вздрогнул и во все глаза на принцессу уставился, глупо улыбаясь, фею в одночасье позабыв. Краше красного солнышка показалась ему Берендеевна со второго раза. Сердечко в груди наследника так и запело-затрепетало, мысли хмурые таки оседлали ум за разум зашедший: «Это как же такую красоту да в жены чужеземцу отдавать? Не бывает этому!»

— Угомонись, я сказал! — негромко рыкнул Серый и все наваждение как рукой сняло.

— Развяжи, руки затекли, — улыбнувшись улыбкой человеческой попросила царевна. — Да не буду больше, Навью клянусь.

— Знаю я ваши клятвы навьи. Три раза перепроверь, прежде чем поверь, — фыркнул волк и поднялся со скамьи, чтобы девицу из куртки своей выпутать. — Чаю будешь? — махнул рукой к столу приглашая.

— Благодарствую за угощение, — кивнула Берендеевна, довка одежду с чужого плеча с себя скидывая, плащ свой снимая, платье оправляя. — Там у меня малинки на полке стоит, доставай с полки, угощаю, — кивнула на закуток возле печи, занавесочкой белой вышитой прикрытый.

— Достать — достану, а пробовать сама будешь, — молвил оборотень, шагнув к полкам. — Не с того встречу начали, чтобы с рук твоих угощенье принимать.

Ждан сглотнул, побледнел в очередной раз: мысленно он уже вареньице на лепешку намазал да с чаем откушал в удовольствие.

— Ну, как знаете, гости дорогие как знаете, — развела рукам царевна, наливая в кружку распиную глубокую чай ароматный. — С чем пожаловали? Дело пытаете, али от дела лытаете?

— Сватать тебя пришли, царевна, — брякнул Ждан, не подумав, да так и замер, затаив дыхание и ругая себя на все лады.

— Сватать? Неожиданный подход к сватовству! Это где ж вас так девице руку и сердце предлагать учили? — расхохоталась царевна и закашлялась, чаем поперхнувшись.

Оборотень, не долга думая, постучал по спине девичьей, желая помочь.

— Ух и лапищи у тебя, — замахав руками на помощничка, прохрипела Берендеевна. — Чуть не прибил окаянный.

— Ну извини, — буркнул Серый, долил себе чаю и самоустранился, никак на призывы Ждан не реагируя: сам заварил разговор, сам и хлебая ложкой чайной, явственно на физиономии обортня поступило.

И Ждана как прорвало: выложил царевне все как на духу, а только когда закончил испугался собственной правдивости: не царское это

дело — не дипломатично и не практично карты открывать да откровенничать, с просьбой обращаясь.

Принц не заметил, а вот оборотень приметил: блеснули-таки глазки царевны бездной адовой, сверкнула улыбка предвкушения на губах коралловых. Жадно слушала царская дочь историю влюбленного царевича, что-то про себя прикидывая.

— А, пожалуй, соглашусь я, добры молодцы, на предложение ваше заманчивое, — помолчав, молвила Феврония. — Да только с батюшкой говорить нам не след, не отпустит он меня замуж в страну Эукариотию. Не люб ему государь Протист Первый Симбиогенович.

— Что ж так? — поинтересовался Серый, в упор царевну разглядывая, мысли потаенные вылавливая с лица.

— Дык увел батюшка мой во времена давние невесту у императора — матушку мою сманил, — зыркнула на оборотня царевна, потянувшись за баранкой. — Вот с тех пор и враждуют они. Война у них холодная. И на уступки друг другу не в жизнь не пойдут.

— А тебе какой резон замуж за Протиста выходить? — чутье волчье рычало: не верь царевне, подвох в согласии.

— А мне империя уж больно нравится. Любопытно мне: как человеки магию с техникой скрестили.

— Так на экскурсию скатайся и все дела. Тебя замуж зовут. Муж н рукавица, с белой ручки не стряхнешь, да за пояс не заткнешь, — упрямо выпытывал волк подноготную царевниного желания.

— А и стряхивать не буду, — свекрнула глазами бездонными Феврония. — Али сам не испытал?

Оборотень вздрогнул, но взгляд не отвел.

— Испытал. А коли не сработает?

— А вот тогда и посмотрим, — хмыкнула царевна, косу через плечо перебрасывая, ленту черную выплетая.

— Зачем тебе замуж за Протиста надобно? — плюнул Серый на дипломатию.

Царевна, косу заново заплетая, помолчала малость, но ответила:

— Знаний новых хочу. Душит меня воля батюшкина, не позволяет в силу полную войти, себя испытать да магию свою показать.

— Дык может неспроста душит-то? Сила-то по материнской линии просыпается?

— Умен ты, Серый, не по годам, как я погляжу, — вновь молнии черные в глазах царевны промелькнули. — А хоть бы и так? Что я могу? Матушкиной силы не обрету, полукровка я. А вот... — спохватилась дочка царская, торопливо бант завязала на кончике, глазками в сторону принца стрельнула, улыбкой медовой растеклась и молвила. — Вы вот что, вы тут оставайтесь, а я завтра к вечеру вернусь в изубу за вами. Вещички кой-какие девичьи соберу, приданное свое прихвачу, и отправимся к женишку.

— Да что ты пристал-то, — опомнился Ждан, отмерев и заулыбавшись в ответ. — Царевна согласна, а ты все отговорить пытаешься! Будто и не хочешь вовсе домой вернуться, да блюдечко треклятое Соловью привезти, — недовольно фыркнул в сторону напарника.

— Ну так, значит так, — прихлопнул оборотень ладонью по столу, точку в разговоре обозначая. — Подскажи хозяйюшка, где тут у тебя спать-переночевать примоститься можно? Провожать тебя, поди, не нужно, сама дойдешь?

— Вон в том шкафчике подушки-покрывала найдете, скамейки широкие. А хотите, полезайте на печь вдвоем, — съязвила царевна, из-за стола поднимаясь. — За хлеб-соль благодарствую, добры молодцы. Домой сама доберусь. Как всадник черный во двор заявится, так и меня поджидайте с кладью дорожной.

— А позволь спросить тебя, дочка царская, — тут де встрепенулся Ждан. — Что за всадник такой? И куда девается? Не нашли мы и следа наездника с жеребцом вороным во дворе твоём.

— Да то помощнички Ягини, сестры моей. Изба-то её, не моя, — хмыкнула Феврония, плащ на плечи накидывая.

— А что делает, какую роль играет, куда пропадает? — забросал принц царевну вопросами.

— Черный всадник да на черном коне — это ночь темная.

— А белый — утро ясное?

— Белый — это день. Сегодня и третьего заприметите: в одеждах алых на коне красном наездник в мир выйдет и обратно зайдет к вечеру.

— Солнце красное? — догадался Ждан, вопросительно на царевну глядя.

— Угадал, — улыбнулась Феврония, капюшон накидывая. — И все они — помощники бабы Яги.

— А хозяйка избы где? — сверля тяжелым взглядом Берендеевну, поинтересовался оборотень.

— Так по мирам гуляет, травки-муравки ищет, книжки премудрые, — стрельнув недовольным взглядом в сторону оборотня, ответила девица. — Пора мне, добры молодцы. Уже и белый день за ворота вышел. Хватятся меня скоро.

— Домчать? — поднимаясь со скамьи, предложил Серый и уточнил в спину. — Хозяйка гуляет, а тебя, значит, избу охранять приставила да за помощничками приглядывать?

— А домчи, — стремительно разворачиваясь лицом к волку и гася пламя адское в глазах черных, согласилась царевна.

Кабы не волчье зрение да звериная интуиция, не заметил бы, не учуял оборотень ни молний злых в глазах не раздражение от вопросов его.

— Сестра она мне, — царевна быстро себя в руки взяла и великим терпением пояснила. — Когда уходит Ягиня в странствия, я ночами тут обретаю, от дворца и батюшкиных слуг отдыхаю. Книжки читаю, волшебку новую пробую. Силу свою призываю, чтоб не задеть кого во дворце. А слугам ягининым пригляд не нужен. Другие они. Свои у них задачи да стратегии. Я им не мешаю, они меня не трогают. Все, допрос окончен? Светает уже, домой мне пора, — резко закончила речь свою Берендеевна и вылетела, не оглядываясь, за порог.

Серый шагнул вслед за девицей, на ходу велел Ждлану никуда не отлучаться, его ждать. А еще лучше со стола снедь прибрать да спать укладываться.

ГЛАВА 15. Мирись, мирись и больше не дерись

Как только с Берендеевной за побег-сватовство договорились, закружилось-завертелось время и дела с великой скоростью, Ждан и опомниться не успел, как снова в Вечном лесу оказался вместе с волком и блюдечком ге-не-ти-чес-ким. И вроде все хорошо: и дело сделали, и Соловья с женой помирили, кабы не Серый со своими сомнениями, и вовсе наследник из головы приключения выбросил бы.

Быстро волк домчал царевну до стен белокаменных. По дороге всё пытался выяснить, надолго ли сестрица её отлучилась, когда вернется. Феврония все хохотала да отнекивалась. Мол, знать не знаю, ведать не ведаю, Ягини уже год как дома нет. Только письма от нее путями неизвестными во дворце оказываются. В записочках о житье-бытье сестрица коротенько рассказывает, да велит в дубле дуба садового, на котором белка живет, ответные записочки оставлять.

Уж рыжую и переселял батюшка Берендей, чтоб дупло то обсмотреть да выяснить, как письма к дочери старшей доставляются. да только все бес толку. В гнезде беличьим запасы ядрышек изумрудных и скорлупок золотых только и нашли. Маги-волшебники ничего больше не обнаружили: ни лей-линий, ни переходов, ни порталов в какой другой мир.

Письма продолжали загадочным образом появляться у батюшки на столе раз в неделю, и так же таинственно исчезали из дупла ответы царя. Присутствие белки и соглядатаев, коих государь приставил ля слезки за животинкой и весточками, раскрытию тайны не способствовало. Белка злилась на суету вокруг дерева, но орехи исправно грызла, песенки для глазающих за монету звонкую пела. А когда не видел никто, скорлупками в головы шпионов пуляла, норovia непременно в лоб али в глаз попасть. И ведь попадала точнехонько, рыжая душа! Так и ходила батюшкина гвардия кто с фингалом лиловым, кто с шишкой сиреневой.

Оборотень слушал цареву да на ус наматывал байки девичьи. А самого тревожная мысль за старшую царевну не отпускала: не бывало такого, чтоб Ягиня добровольно так надолго владения свои покинула,

избу невесть на кого оставила. Но как не выпытывал по дороге во дворец царский у Февронии слухи да рассказы, так ничего путнего и не выпытал.

Царевна горе-напарников не обманула, в тот же день к вечеру. Только всадник черный покинул ягинин двор, показалась Берендеевна на краю поляны. Ждан с Серым быстрехонько собрались, пожитки свои скудные в мешки заплечные покидали, девицу подхватили на волчью спину и отбыли по лесам, по горам, через реки-моря в сторону государства Эукариотии.

А там их уже ждали. Браслеты следящие не только беглецов отслеживали, но и четырежды задень как подслушка срабатывали. Так что когда путешественники покинули избушку бабы Яги и к императору направились, Простит Первый Симбиоген невесту всем императорским двором встречал, да пир свадебный пышный готовил.

На торжества пришлось задержаться: Феврония с будущим мужем настоятельно уговаривали. Домой отправились через сутки. Ждан все дорогу крепко-накрепко прижимая к груди драгоценную коробочку с блюдечком и инст-рук-ци-я-ми по применению о-бо-ру-до-ва-ни-я технического. Хмельной и счастливый, шептал губами обветренными названия научные, чтобы из головы не выветрились по пути и было чем перед Соловьем-разбойничком да королевой Вечного леса, возлюбленной феей Амбреллой щегольнуть.

Добрались быстро. Оборотень с Соловушкой что-то втихую обсудили-обрядили, руки тожественно друг другу пожали, и Серый отбыл восвояси так же стремительно как и появился на зов разбойника. Принц показал Одихмантьевичу как тарелочка работает и, не долго думая, Сол закинул за спину коня вороного могучего Ждана и домой полетел к любушке-голубушке.

В тереме служанку притащили, каплю крови у дитя и разбойничка взяли, по блюдечку запустили и всем семейным табором замерли, ожидая чуда технического. Пока ждали — вино на нервах пробовали из малины да клубники. Так напробовались, что еще час пытались инструкцию прочесть, чтобы результаты распознать. Когда, наконец, выяснили, что Соловей Одихмантьев сын Горынье Змеевне своей не изменял да дитя на стороне не приживал, девку лживую в подвал холодный заперли. Сами вскочили на коней резвых и помчались всей гурьбой на заимку, где Горыньюшка жила-проживала.

Еще сутки потратили, убеждая Змеевну к Соловью вернуться, невиновность его отстаивая. А как убедили, тем же табором в терем вернулись, девице допрос с пристрастием устроили. Да все одно так и не узнали, кто велел оклеветать Соловья да с женой рассорить. На радостях великих супруги служанку освободили из темницы, велели собираться и со двора куда глаза глядят убираться по добро-поздорову в три дня. И покатился пир на весь мир! С большим трудом Ждан от гостеприимных хозяев вырвался да в Вечный лес отправился о победе великой над разбойничком королеве Амбрелле в красках рассказывать.

* * *

Государь Ждан I Неотразимый допивал кофеёк, закусывая сдобной плюшкой. Память рисовала картины прошлого, подсовывая сомнительные моменты, приятности и непонятности. Это нынче, спустя время, бывший принц видел дыры и нестыковки в рассказе царевны Февронии, давно уже с императором Проститом I Симбиотом разведенной.

Ходили слухи, став женой, императрица быстро во дворце власть к рукам прибрала и чуть владыку на тот свет не спровадила. Да вовремя остановилась. По законам Эукариотии жена после ухода мужа в мир Благоденствия и Неги не только на престол права не имела, но и регентом при малолетнем наследнике не становилась. Даже замужество повторное не приветствовалось.

Рассказывали, что в стародавние времена императрицу и вовсе вслед за императором покойным на тот свет с почестями отправляли, заживо в склепе династическом замуравывая. «Врут поди. Разве ж можно над живым-то человеком так издеваться, да еще и над женщиной», — мелькнула ленивая мыслишка у Ждана. Царь налил себе вторую чашечку кофею и продолжил размышления над историей, что ему Бабай Кузьмич поведал. Да мысли все равно соскакивали в прошлое, особенно в свете последних новостей.

Править страной Эукариотией только наследники мужского пола право имели. Потому, видать, царевна угомонилась, в техническую науку окунулась, благотворительностью занялась и двоих сыновей

государю-императору родила. Позже и вовсе академию техно-магии имени себя открыла, да сама же её и окончила в первых рядах.

«К чему девице знания глубокие? Есть магия в крови, развивай бытовую, для семьи-дома пригодную. Ни тебе суеты, ни печали с заботами, — проползла домостроевская мыслишка, но Ждан её быстро прогнал. — Не те времена нынче, не те... Барышни все больше с образованием, да толку от него, как от бороды лешего. Вот матушка образованием в глаза батюшке не тыкала, а ведь плясал папенька под дудку её, чего уж тут. И бояре в пляс пускались, и дипломаты заморские. Да только никто и не ведал про то...» — Ждан улыбнулся мечтательно, вспоминая деньки беззаботные детские и время веселое юношеское. И вновь мыслями к царице Февронии вернулся.

Зудело в голове воспоминание, только наружу никак выползти не желало. Что именно в рассказе Бабая Кузьмича напомнило о приключениях с Серым волком, Ждан никак понять не могу. А вот поди ж ты, встала черноволосая царица перед глазами и улыбается ехидно так, с прищуром.

Царь задумчиво отщупнул булочку, закинул в рот кусочек, отхлебнул напитка сладкого. Где нынче обреталась бывшая императрица — царица двоедушница Феврония — Ждан не ведал. Да, честно говоря, и знать не особо желал. Спустя лет двадцать благополучной жизни расстались супруги императорские тихо-мирно и зажили каждый своей жизнью. Что уж у них там потом приключилось, никто не ведал. Но и про бывшую государыню страны восходящего солнца с тех пор не слуху, не духу никто не передавал. И вот, поди ты, вспомнилась черноглазая ведьма, не к ночи будет помянутая.

И тут Ждана как обухом по голове огрело. Видел, видел намеренно лицо Февронии, с первого взгляда может и неприглядное, не запомнишь, да глазюки уж больно заметные. Так и обжигают огнем черным безудержным. Никакими средствами и способами бездну адову с молниями не скрыть, не спрятать. Блеском прорывается, в улыбке отражается.

Царь поднялся, к окну подошел и замер, лоб нахмутив, пытаюсь вспомнить что, где да когда. Но память только лицо прелестной Элочки выдавала. Как встречала тогда героя своего, как улыбалась и восхищалась подвигами ждановскими.

«Эх-хэ-хэ, — протяжно вздохнул Ждан и покосился на запотевший графин с наливочкой смородиновой, но воздержался: жена молодая к ужину ждала, да и гостья во дворце.

Царь на часы взглянул и протяжно вздохнул: ужинать идти не хотелось. Разговоры разговаривать, улыбаться и делать вид, что счастлив безмерно — тоже. Еще один тоскливый вздох вырвался из мужской груди и застыл удивленным «о» на царских губах. Бледное лицо, обрамленное черными кудрями с яркими зелеными глазами яркой картинкой вспыхнуло перед Жданом и ехидно ухмыльнулось.

— Не может быть! — растерянно выдохнул царь, кофейную чашку на столик швырнул, едва не разбив тонкий фарфор, и торопливо поднялся. Минуты две метался Ждан по кабинету, затем схватил бумагу и перо, присел за рабочий стол и стал записку торопливо чёркать. Хмурился, губы кусал, зачеркивал что-то, наконец, дописал, схватил колокольчик слугу вызвать, но передумал. Позвал голосом равнодушным домовёнка, под дверью дежурившего, велел Бабая Кузьмича отыскать и к себе доставить.

Через пару минут стоял старый хранитель перед царем-батюшкой и задумчиво бороду оглаживал, размышляя, как сподручней государев наказ выполнить: записочку быстро и тайно ото всех Серому Волку передать, чтоб ни одна душа не догадалась и не прознала.

Озадачив домового Ждан с легким сердцем покинул кабинет и отправился на ужин с молодой женой и её крёстной матерью. Улыбаться и делать вид, что не признал в женщине с зелеными глазами и модной стрижкой под пажа старую знакомую царевну двоедушницу-полукровку. И что ему, Ждану, в свете последних событий в Вечном лесу делать, как быть. У входа в трапезную царь встряхнулся, улыбку на лицо нацепил, в глаза радости напустил и махнул служкам, разрешая двери высокие стрельчатые перед ним распахнуть.

Дамы в вечерних нарядах — одна в нежно-синем, другая в глубоком зеленом — у окошка стояли с бокалами в руках, мило щебетали и улыбались друг другу нежно. Первой государя увидела жёнина крестная, бокал в руки Зинаиде сунула и двинулась плавно в сторону Ждана, руки в объятьях распахнув, голосом медовым воркуя:

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Ждан Беспардонович! — и обниматься кинулась, не дав царю опомниться.

— Погодите, сударыня, обниматься, дайте для начала с женой поздороваться! — аккуратно выворачиваясь из объятий, улыбнулся Ждан, хватая Зинаиду в охапку и прикрываясь ею как щитом.

Поцеловав благоверную, царь подхватил ее под руку и двинулся к столу роскошному, яствами уставленному. Гостье ничего не оставалось, как за царской четой, подхватив юбки, следом скользнуть.

Разместившись и дождавшись, когда слуги вина золотистого в бокалы высокие нальют и исчезнут, повинувшись царскому жесту, молодые и крёстная царицы звонко хрусталом чокнулись, пожелали друг другу здоровья и по глотку отпили. Ждан успел заметить, как жена расстроено губы поджала, когда велел он себе, как и дамам, напитка игристого налить вместо настойки смородиновой любимой. Заметочку сделал, чтобы не забыть домовому после задачку поставить: на яды-привороты наливочку проверить.

— А позвольте поинтересоваться, сударыня, каким ветром добрым в наши края вас принесло? — разламывая пополам куропатку, поинтересовался Ждан.

Гостья заливисто расхохоталась, бокал пустой на стол поставила, глазами зелеными сверкнула и молвила, не сводя с царя взора:

— А ведь признал, признал ты меня, Ждан Беспардонович, — и улыбнулась так нежно, что у Ждана все внутри в пружину тугую сжалось, а сердце в спине прилипло, сбежать пытаться.

— Да кто ж красоту такую не признает, — вернул улыбку Ждан, оглядывая стол в поисках чего-нибудь эдакого и стараясь не смотреть в глаза бывшей царице. — Одно не пойму: кто под твоей личиной на свадьбе пировал-танцевал? Почему не подошла, не поздравила, али сама молодилась? — царь определился с выбором и поднялся, чтобы поближе к себе блюдо с пирожками перенести.

— Сиди, — велел царице, едва та засуетилась, желая за мужем поухаживать. — Сам я в состоянии пирожков добыть. — И почему я только сейчас вспомнил, что Крошечка Хаврошечка в гостях на свадьбе царской веселилась? — Ждан резко в упор глянул на Февронию и так же резво взгляд отвел, чтобы в сети колдовские не попасть.

— Крёстная, ты на свадьбе нашей была? А как же я тебя не заметила? — растеряно глядя по очереди на мужа и родственницу, подала голос Зинаида.

— Вот и мне интересно, как? — откусывая пирожок и усаживаясь за стол, хмыкнул Ждан.

— Как, как... Глаза отвела, делов-то, — пригубив вина, глаз с царя не сводя, ответствовала гостя. — И не спрашивай — зачем. Женский каприз. Захотелось молодость вспомнить, покрасоваться.

— Было бы чем, — не подумав, брякнул государь и не заметил как полыхнули глаза зеленые, комплимент сомнительный принимая. — В юности — девица и девица, а сейчас — писанная красавица, — спохватился Ждан и резко тему сменил. — И все-таки, зачем пожаловала? Сколько лет ни слуху от тебя, не духу. Никто знать не знал, ведать не ведал, даже муж бывший и дети императорские, куда пропала. А тут вдруг здравствуйте, я ваша тётя прошу любить и жаловать.

— Крестницу проведать, посмотреть на житье-бытье Зинаидино, не обижает ли кто, не печалит, — обласкав царицу взглядом, молвила Феврония. — Говорят, государь чудил со свадьбы, не просыхая, молодую жену не замечал. — Вот убедиться решила, что дочери моей крещеной хорошо живется, сладко пьется, мягко спится.

— Крестная, ну зачем ты... — дернулась Зинаида на защиту мужа. — Сами мы во всем разберемся, характерами притремся.

— Убедилась? — скрипнул зубами Ждан. — Лошадей запрягать в обратную дорогу? Али на метле полетишь? — разозлился царь не нашутку и на жену-жалобщицу, и на Февронию, что лезла не в свое дело.

— Да погощу пока, — откинувшись на спинку стула, пропела Феврония. — Ох, Жданушка, не с того мы начали. Хватит собачиться, давай-ка за встречу винца выпьем, обнимемся-поцелуемся, юность нашу вольную разудалую вспомним! — бывшая царица из-за стола поднялась, бокал подхватила, к Ждану подплыла. — Ну что ты, царь-государь, аль не чокнешься со мной? С крестной матерью жены твоей красавицы? Я с добром к вам прибыла, на счастье ваше полюбоваться, за крестницу порадоваться. Ну же, хватит хмуриться, давай обнимемся, — с этими словами Феврония легонько к бокалу ждановскому прикоснулась, приглашая выпить вместе с ней.

Молодая царица торопливо поднялась, бокальчик свой прихватила и с другой стороны к мужу с улыбкой подошла, в глаза просительно

заглядывая. Ждан подозрительно на Февронию глянул, жене улыбнулся и поднялся из-за стола.

— Счастья вам, дети мои, наследников побольше, печали поменьше, — соловьем запела Феврония и первой бокал протянула к Ждану.

Чокнулись втроем да так стоя и пригубили вина. Но ни Ждан, ни Зинаида не заметили, как со звоном хрустальным попала капля из фужера Февронии в бокал государев. Выпили, по местам своим расселись и трапезу продолжили. Вскоре почувял Ждан, как веки его слипаются, сон с ног валит. С трудом с дамами попрощался, благосклонно руку помощи от жены принял, пошатываясь и всем телом на Зинаиду наваливаясь, в опочивальню отправился.

Молодая жена привела мужа в спальню холостяцкую, где Ждан ночевал, когда чудил да куролесил. Сняла с царя камзол да сапоги стянула, на кровать уложила, атласным покрывалом укрыла, в лоб легко поцеловала и тихо комнату покинула, велев домовятам никого к государю не пускать, даже Бабая Кузьмича, а по всем срочным вопросам к ней отправлять, кто бы не пришел.

Сама же государыня в трапезную к крестной вернулась, и обе ужинать продолжили как ни в чем не бывало.

— Спит? — подливая себе вина, уточнила Феврония.

— Спит, — кивнула Зинаида, мясо разрезая.

— Хочешь и вовсе не проснется, — закинула крючок крестная.

— Не время, — покачала головой царица молодая. — Вот наследник во мне обозначится, тогда и решим, что и как, — накладывая себе салата, уточнила Зинаида. — Да и законы не мешает изучить глубже. А ну как у тебя получится? С горяча да с наскоку без короны и без царства останусь. Опять-таки, слуг к рукам прибрать надобно. Один домовой старший чего стоит. Взятки не берет, Ждану предан аки пёс верный, а то и хуже. Боюсь, не сдюжу я его, не переманю на свою сторону, устранять придется...

— Понадобится так и устраним, велика печаль, — хмыкнула Феврония, подливая себе вина. — Ты вот что... Завтра с утра к мужу не ходи, пусть кто другой завтрак принесет да разбудит.

— А что так? — вскинулась царица молодая. — Что будет-то?

— Ты смори, затрепыхалась вся, затревожилась, — расхохоталась крестная. — Ничего не будет. Не добудятся сразу. А как разбудят,

буянить начнет, отмахиваться. Со сна ему что только не померещится вместо слуг добрых. Вот первые слухи и поползут по дворцу царскому. Царь-де допился до ёжиков, людей не признает, нечисть мерещится.

— А что с того? Царь ведь, — пожала плечами Зинаида, придвигая к себе десерт воздушный с ягодами.

— А то, глупая! Придет время и к тебе же, царице, бояре на поклон пойдут с заботами и чаяниями, а не к государю сумасшедшему, — пояснила Феврония и поднялась. — К тому моменту и пузо твое видать будет, и ниточки властные в своих руках соберешь. А с Кузьмичем, ежели не договоримся, разберемся по своему. Капли не забывай мужу в еду-питье добавлять, чтоб все время сонный был, умом-разумом не блистал. Сама же покладистой ласковой с супружником, а в глазах печаль держи, чтоб сочувствовали. Все, прикажи тут прибраться, да к себе иди, попечалься перед придворными барышнями, пусть утешают да сочувствуют.

— А ты куда? — позвонив в колокольчик, слуг призывая, поинтересовалась Зинаида.

— Прогуляюсь к лесу Вечному, погляжу, как подарок мой сработал, — губы Февронии растянулись в ядовитой улыбке и царица молодая вздрогнула: ох, не приведи Род врагом для крестной стать, костей не найдут, а если найдут, не опознают.

ГЛАВА 16. Сею, вею, посеваю, зиму в души нагоню

Черная птица бесшумно вылетела из дворцового окна и направилась к Вечному лесу. Живности вход в царство фей всегда открыт, а магической тем более. Галка пересекла границу лета и оказалась в зимней сказке. Вековые деревья спали, укрытые тяжелыми снежными шапками. Цветочные поляны зябко кутались в белые пуховые платки. Звонящая тишина крупными снежинками оседала на кусты и окружающий мир. Не слышно было пенья птиц, не смеялись феи, не играли в салки с единорогами.

Птица улыбалась, подлетая к королевскому дворцу. Усевшись на ветку, Феврония огляделась удовлетворенно и прислушалась: ни хруста, ни шороха, ни голоса — будто вымерло все живое от холода. Обернувшись мышью неприметной полукровка скользнула в дом и помчалась в комнату к Амбрелле. По пути довольно попискивая, убранство покоев оглядывая.

Вместо зелени и цветов дивных выросли узоры морозные. Сосульки с потолков посверкивали, иголки ледяные из стен сверкали вместо гнилушек-посветушек. Дверь в покои Амбреллы мерцала куском льда монолитного. Паучком Феврония обернулась и просочилась в щёлку малую, затаилась в углу темном и осмотрелась.

Зеркало золотое волшебное, что тогда едва-едва уберечь от Серого Волка с принцем смогла, сверкало темнотой глубокой, антрацитовый. Отвела глаза тогда сватам косой своей, запутала, ум-разум задурила. Осадочек у гостей незваных остался, будто упустили что-то из памяти, но так до сих пор ни оборотень, ни Ждан и не вспомнили, что в избушке видели.

Уже потом, став женой императора, перетащила она в тайную комнату стекло волшебное, к мести готовясь. А тут и повод подвернулся зеркало подсунуть королеве фей. Искал леший подарочек заморский любимице своей на день рождения. Вот Феврония и подсуетилась через Садко. Влюбленного мужчину заморочить, что косу через плечо перекинуть. Через пяты руки, но добралось зеркало к Амбрелле. А потом и вовсе случай счастливый свел Ждана с ней,

Февронией. Тогда-то окончательно убедилась царица, что праведна месть её за матушку родимую, со свету мужем своим сжитую по наводке королевы Левзеи, пропавшей невесты куда. А за грехи отцов дети всегда в ответе.

Паутина долго плелась, петли спадали и перевязывались. И вот, наконец, все мухи в нее угодили. Осталось совсем немного, а потом и батюшка своё получить полной ложкой. За то, что в жены себе самовилу добыл, у другого отбил, крылья отобрал, а защитить не сумел. А ведь мог, мог защитить-спасти, уберечь от наказания любимую свою, фею темную. Так нет же, дался ему тот приворот на королеву фей. ну вышла бы замуж за царя Беспардона, жила бы долго и счастливо, зная не зная, ведать не ведая в тумане магическом ни о чем, кроме любви своей к мужу и детям. Кому от этого плохо?

А все она, сестра старшая, Ягиня! Чтоб её юстрица крылом железным задела да холерой заразила. Колдунья великая, целительница! Вечно лезла куда не надобно то советом своим, то помощью. Ну ничего, спит теперь беспробудным сном в царстве Навьем на дубу высоком во гробу хрустальном. Не достать её, не спасти.

Паучиха сердито заелозила в углу своем темном, выползая из воспоминаний своих нерадостных и в слух вся обратилась, слушая беседу зеркала с Амбреллой. Последний шажок остался, чтобы в пропасть фею столкнуть. Законами старыми писано: в мире жить всем существам магическим с людьми. Пакостить по мелочам, сделки в свою пользу заключать, головы морочить да чудить — то старейшинами не запрещено. Баланс мировой на то и баланс, чтобы каждый натуру свою и судьбу поживал-показывал, потом перед Родом по делам и заслугам награду получая. Но войну начинать — себе погибель накликают.

После великой битвы между сущностями трех миров, пробудился Род ото сна могучего и устроил выволочку всем подряд, ужаснувшись деяниям детей своих неразумных. Тогда многая нечисть (и светлая, и темная) в сражениях полегла полчищами несметными, а людишки и вовсе едва не вымерли от зимы лютой. Морена хорошо с мужем своим Морозом прогулялась по миру, земли от края до края снегами-торосами накрыла.

После взбучки перемирие устроили, совет собрали под Родовым приглядом. Длился он сорок дней и сорок ночей, пока ледники таяли, весну-красну из темниц выпустив. И порешили: на людей войной не ходить во веки веков, потом как без них миры силу потеряют и сгинут в бездны пустотные существа волшебные.

А кто зимой на человеков пойдет, тому наказания великого не миновать. Лишиться виновник не только магии своей, но ответят за него и потомки его и окружение: станут нечистью бездушной, без сердца и разума. И веки вечные служить будут в каменоломнях адových, добывая огонь для колесницы солнца ясного. Сам виновник станет истязателем детей и существ мира своего.

Но перед тем печать молчания и муки разума совет на него наложит до скончания веков. Нарушитель мира, пытая любимых своих, осознавать будет деяния жестокие, со слезами на глазах пытки чинить, но изменить порядок вещей не сумеет. Подданные его кроме ненависти и ярости знать ничего не будут, и каждую ночь, как только ярило на покой уйдет, плоть властителя своего бывшего станут на части рвать и трапезничать ею.

Паучиха вновь нетерпеливо задергалась, слушая беседу Амбреллы с зеркалом. Магическое стекло медленно, но верно подводило королеву к мысли о том, что во всех бедах её виноваты людишки. Кабы не они, так и крылья целыми остались, и тоска-печаль в сердце не поселилась, и горя бы Элла не ведала.

Морок ледяной прочно в сердце феи засел, щупальцами-иголками в душе крепко зацепился. Магия льда коснулась всего живого. Жители Вечного леса постепенно превращались в холодных и бездушных существ, равнодушно взирающих на то, что происходит с их царством. Природа потихоньку умирала, теряя краски. Изморозь проникала под кожу всему живому, обращая в лёд.

Изящными ледяными скульптурами застывали диковинные цветы, листья, росинки. Бледнели феи, перерождаясь в снежных слуг под стать своей ледяной королеве. Становились зимерзлами и морозками, вьюжками, завирухами и снеговьями. Менялась магия, обретая смертоносные возможности.

Дубовод Смидневич медленно, но верно превращался в Снежича. Борода его удлинилась, сосульками покрылась, в бровях снежинки прятались в усах изморозь сверкала. Уж и забыть леший стал, кем еще

вчера был. Тенью белой ходил по дворцу и рукавами длинными тряс. От того в лесу снег все время тихо сыпал, не переставая.

Чомора пока держалась на чаях и отварах своих травяных и все выглядывала вестника от подруги Яги, да бестолку. Молчала Ягинюшка, слово в ответ на письмо не прислала, белку рыжую не пригнала. Ждала хранительница и от Ждана ответ: старый леший о беде, что с Вечным лесом приключилась, другу старинному поведал — Бабаю Кузьмичу, домовому царскому. Но и тот молчал: ни синички ни мышки, ни паучка с ответным словом не отправил.

Не знала Чомора, что делать и к кому за помощью бежать. Память подводить стала старую. Все чаще в зеркале видела не пенек замшелый, а изваяние мраморное. В глазах некогда зеленых стынть стылую замечать стала. В космах моховых льдинки появились. Вместо крючковатого носа — сосулька выросла. Кожа дубовая морозным узором все больше покрывалась. Страшно было Чоморе одной в мертвом царстве, а плакать — еще страшней: вместо слёз иголки колючие и глаз выходили. Чуюла старая — недолго её осталось, скоро скует морок ледяной последние искры разума и превратится она в Зимерзлу. Станет по лесу бродить, холодом дышать на мир и морозами.

— Бабушка, бабушка, — поскребся кто-то в двери. — Бабушка, открой-отзовись!

Чомора вздрогнула и с трудом голову повернула на голос тихий, жалобный. Поднялась со скрипом из кресла любимого и пошаркала к двери. Отворила створку, посторонилась, когда внутрь скользнула перепуганная лесавка и забила в уголок поближе к огню в камине.

Хранительница двери притворила, обернулась и долго глядела на лесного духа, будто припоминая, откуда она её знает. Затем в глазах у Чоморы посветлело, блеснула зелень, потрескавшиеся губы растянулись в улыбке, и хозяйка побрела к чайнику. Кинула свежих травок в него и над пламенем повесила.

— Согрелась? — ласково проскрипела, глядя на лесавку, что к камням каминным жалась. — Чайку попьем, в себя придешь и поговорим. Да, поговорим. — покачав головой, повторила хранительница и застыла снова без движения.

Лесавка испуганно посвёркивала глазенками и не отходила от камина. Чайник тоненько запел, требуя, чтобы его сняли с огня.

Чомора отмерла, поднялась со своего места и пошлепала к камину.

— Бабушка-а-а, — всхлипнула лесунка, слезы с глаз утирая, в ужасе полу-обледеневшую хранительницу разглядывая. — Та-а-ам... та-а-а-ам... во-о-о-олк... — причитала неразборчиво.

— Волк? Какой волк? Нет у нас боле защитников, тварями стали зимними, поземкой по лесу Вечному стелятся, сугробы наметают, зиму призывают. Пей чаёк деточка, грейся. Скоро огонь-то потухнет, ледяным пламенем обернется... Не попьём тогда чаю вкусного с медом цветочным... Не попьём... — Чомора застыла посреди комнаты, чайник в руках-ветках сжимая.

— Ба-а-бу-у-у-шка-а-а-а, — всхлипнула лесавка, глазами испуганными на статую ледяную глядя. — Ча-а-ю-у-у-то налей мне, пожа-а-алуйста-а-а, — насмелившись, гостыя дернула Чомору за подол платья. — И се-е-е-бе-е-е налей, а то замерзла совсем. Стра-а-а-ашно смотреть!

— А? — отмерла хозяйка. — Чаю? Да, чаю. Надо чаю попить, согреться, — Чома зябко печами повела, к столу вновь почапала. — Где-то у меня тут фиалки были засахаренные. Ты иди, иди сюда, деточка, не бойся. Вот тебе кружечка, наливай да грейся, ишь, посинела вся, дрожишь, — хранительница протянула лесавке платок пуховой, пауками местными сплетенный из пуха соловьиного. — Укутайся... Скоро и вовсе не понадобится, — тоскливый стон вырвался из души домоправительницы и морозным облачком неторопливо поплыл к потолку.

Готовили жители Вечного леса поделки-дары к зиме человеческой, на обмен. Да не срослось... Самим пригодилось. Не привыкли к морозам-вьюгам феи лесные, теплолюбивые. А скоро и вовсе забудут, что такое тепло, оледенеют, привыкнут, не вспомнят солнышко красное, песни веселые, танцы хороводные.

Лесавка обеими руками чашку большую обхватила, перед этим к платок закутавшись по самый нос. Забралась в кресло с ногами, скукожилась, согреться пытаясь. Чаек хорошо грел девушку, вскоре румянец бледный на щеки вернулся, нутро согрелось, и лесунка вновь про волка заговорила, уже уверенней.

— Бабушка, там волк к нам пришел. Не из местных. Чуем силу в нем светлую, нездешнюю. Дубовода Семидневича спрашивал. Сунулась я к нему поначалу, а он сидит в коморке статуей ледяной и не

шевелится. Только глазами синими блымает да бородой трясет. Страшно-о-о, — лесавка вздрогнула и едва чай на себя не пролила.

— Да звала ли ты его по имени? — встрепенулась Чомора.

— Уж звала как не звать! — мелко-мелко закивала головой лесавка. — Даже насмелилась близко подойти, рукой тронуть.

— А он? — Чомора окончательно отмерла и вопросительно на гостью уставилась.

— А он... Он глазищи свои синие на меня вылупил, бородой еще пуще затряс и руками замахал. А как замахал-то, так из рукавов снег и посыпался. Я и сбежала от него. Вот к тебе пришла. Что волку-то передать? — закончила свой рассказ лесунка, и вновь на чай накинулась.

— Ты вот что, — Чомора ненадолго задумалась. — Ты чаек допивай и домой собирайся. Скажи волку... — хранительница нахмурилась, размышляя. — Волку скажи, я к вам ночью в гости приду, когда Эллочка спать уляжется.

— Хорошо, — кивнула лесунка, нехотя кружку на стол ставя.

— Да ты попей еще, а сладкое с тебе с собой заверну, побалуешься дома, — Чомора с места поднялась, фиалки засахаренные в пакетик лопуховый сыпала, ленточкой завязала. — А что еще волк спрашивал?

— Удивился зиме нашей лютой, интересовался, откуда напасть такая. Мы ему и поведали про беду нашу-у-у-у, — лесунка щуями по краю кружки клацнула и запакала.

— Ну будет, будет тебе! Допивай и в дрогу собирайся, пока тебя никто не приметил, — хранительница к двери подошла и прислушалась. — Вроде тихо. Слуги у Элочки новые появились, странные... Откуда взялись — не пойму. Скользят призраками снежными всюду, носы свои везде суют, кого живого встречают паутину призрачную вмиг накидывают, замораживают. После паутины никто ничего не помнят, глазами пустыми глядят, душу теряют.

Ты иди, иди, девочка. Волку накажи, чтобы дождался меня. Некому нам помочь. И Яга не отвечает. Может, серый от нее пришел...

Лесавка узелок прихватила, а пазуху спрятала, посильнее в платок укуталась, концы под грудь крепче завязала и скользнула тенью не приметной восвояси. Чомора двери притворила, послушала, вздохнула облегченно, чаю себе налила и села время о ночи коротать. Не звала ее

больше Эллочка в покои свои, совета не спрашивала, улыбками не одаривала, сладостей не просила. Только с зеркалом треклятым и разговаривала, его одно и слушала.

Едва лесавка дворец покинуть успела, как колыхнулась паутина под паучихой. Заволновалась двоедушница: кто там ходит-бродит, по норам-покоям не сидит? Но выпустить из виду Амбреллу не решилась. А понаблюдать было за чем.

Стоя напротив зеркала, королева изучала магию ледяную: волшебное стекло в знаниях ей не отказывало, все показывало и рассказывало. Незаметно к мысли подводило: хорошо бы зиму лютую на людишек напустить. Во времена стародавние человеки разменной монетой служили, в рабах-слугах у магических существ ходили. Правьи не вмешивались, у светлых богов свои игры и трагедии случались. Навьи захаживали в Явь, а то и жили-поживали под личиной, некоторые и государствами правили.

Кабы не глупость высших, не столкновение великое, так бы людишки и знать не ведали, что они самый вкусный ресурс во всех мирах и вселенных. Хорошо с ними в кошки-мышки играть, разум путать, душу отыгрывать. Нынче народ ученый стал, на живца не так много ловятся, только самые жадные да глупые. Хватает конечно, душ неразумных, но Навь большая, ю кушать всем хочется.

В зеркале менялись картинки, показывая дела дней минувших. Амбрелла равнодушно рассматривала прошлое, попутно магию новую отлаживая. По всей комнате ледяные изваяния стояли звериные: мыши и белки, зайцы и птицы малые. Все как один замороженные в испуге. Зеркало намекало, что пора уже и на более крупную личь выходить охотиться, на единорогов, к примеру.

Паучиха тихо радовалась, лапки мохнатые потирая. Перво-наперво стекло магическое, бережно сохраненное наследство материнское из навьих сокровищниц принесенное, научило Амбреллу душу горячую из тела существа волшебного вытягивать, в ледяную бусину скатывать, чтобы живёхонькой хранилась.

Радовалась Феврония, глядя, как наполняется шкатулка драгоценная. Души магические — хороший резерв для колдовства. Свои силы берегутся, чужие расходуются. Взяла бусинку, меж пальцев сжала, слово заветное шепнула, силу чужую поглотила, насытилась. Резерв полон, а колдовство нужное сотворила.

Понаблюдав какое-то время и убедившись, что все идет по ее плану, Феврония спустилась на паутинки вниз, добежала до короба с бусинами белыми, прихватила несколько штук, спрятала в кармашек подбрюшный магический и покинула покои королевские. Тенью серой мышиною пробежалась шустро по всему дворцу, проверяя, что да как. Примечая, кто еще себя помнит, а скольких морок сморил, в снежных слуг бездушных и безвольных обратил. Порадовалась, как скоро навья магия власть взяла над душами светлыми. А все оттого, что тоской своей да печалью разрушила Амбрелла нити защитные, из которых любящая мать дитятку своему после рождения кокон магический невидимый плетет, чарами любви и струнами сердца надежно скрепляет.

Добралась Феврония и до Чоморы, скривилась недовольно: сидит, лешица старая, чай пьет, от изморози душевной спасается, не берет её тьма. Сила в ней природная, древняя. Мышь шумно воздух носом втянула, смакуя аромат магии недоступной, язычком розовым облизнулась и дальше помчалась. Придет время и не выдержат запоры, просочиться морок под броню хранильницы леса, оплетет узорами морозными сердцевину пенька древнего, заморозит силушку, превратит в льдинку. И станет домоправительница покорной слугой полукровки.

Договор с крестницей простой скрепили: ей власть над мужем, Февронии — над Вечным лесом. Глупышка не ведала, что фея-крестная таким богатством делиться не собиралась. В планах у бывшей императрицы не только месть, но и господство если не мировое, то близлежащее. Но сначала — месть всем, кто матушку со свету сжил. Главное, в тени оставаться, наблюдать и направлять людишек неразумных в нужные ей, государыне, русла.

Ждану Неотразимому недолго осталась. Напиток навий, коим его за ужином опоили, среди нечисти соком Спящей царевны назывался. Хуже не придумаешь: уснешь и не проснешься, пока поцелуем любви кто-нибудь не разбудит. А кто царя-то будить пойдет? Жена Зинаида авантюру и затеяла, осознав: не любит её супруг молодой, и полюбить вряд ли сможет.

Черная птица сорвалась с ветки, обрушив шапку снега к корням дерева, и раскаркалась довольно. Карканье в воздухе хрустальном морозном жутким эхом отразилось и понеслось от дерева к дереву.

Лесавки да ауки, заслышав хохот злобный, в пеньки-норы глубже попрятались, затаились. Серые волк, что гостил в доме старшей лисунки, голову на звук повернул, уши насторожил и замер, прислушиваясь. Но птица быстро замолкла. И оборотень вновь к хозяйке дома со всем вниманием оборотился, слушая рассказ её печальный.

А Феврония летела во дворец ждановский и вспоминала, как напоследок отомстила принцу Ждану за отца его, что матушку её любимую в авантюру темную втравил, сам сухим из воды вышел, а фея виноватой оказалась в глазах всего мира и мужа дорогого. Тогда-то и подарила двоедушница принцу на прощанье гребень золотой камням изукрашенный, словом верным заговоренный на отворот вечный. И наказала ни в коем случае не терять его, только им волосы всегда причесывать.

Оттого, мол, силами тело будет полниться, мужская красота и сноровка с годами прибавляться, любые хвори стороной обойдут. Пауки-шпионы докладывали: исправно наследника, а с недавних пор царь расческой пользовался. Благодаря вещице заговоренной лишился Ждан пары своей истиной, разрушил любовь, лишил род свой предназначения. Сын феи и принца объединил бы под своим крылом человеков и существ магических, в мире открыто и по законам желающих жить. Процветало бы государство пуще прежнего, век благоденствия и мира на долгие века наступил на земле.

«Не судьба! — хмыкнула Феврония, влетая в окно дворцовое, об пол ударяясь, человеческий облик принимая. — Я — ваша судьба и рок! На веки вечные!»

Взметнув юбками длинными, расхохоталась двоедушница и стремительно покинула трапезную пустую, отправившись на поиски крестницы. По пути пальцами щелкнула, паучка на ладонь приняла, доклад выслушала и свернула в сторону апартаментов домового. Доложил её слуга верный: успел-таки проныра старый письмецо с криком о помощи отправить, а перехватить не удалось, обманул Бабай Кузьмич соглядатаев. Семь писем в разные стороны полетели, а восьмое, нужное, только тогда по адресу пустил, когда доглядчики след взяли. Кому оно улетело, неведомом.

«Пора кончать с домовым, много власти во дворце взял. Слишком умный. Слишком шустрый, слишком догадливый», — губы Февронии

искривила улыбка злобная, колдунья шаг ускорила, торопясь к Кузьмичу, на ходу план придумывая, как от слуги верного избавиться.
И придумала.

ГЛАВА 17. А волк нечаянно нагрянет, когда его совсем не ждешь...

В зимнее время темнеет быстро, но Чомора дождалась ночи глубокой и только тогда тихой тенью вышла ходом тайным из дворца. Умела старая хранительница леса, когда нужно ей, становиться незаметной. В любое другое время и шумной была, и видной. Кто поглупее, велись на её уловки, и очень после удивлялись уму и сообразительности, хитрости и вездесущности королевской домоправительницы. Умные улыбались и даже не пытались что-то скрыть от духа лесного.

Закутавшись по самый нос в шубейку моховую, Чомора, петляя путь и заматывая следы на снегу хвостом лисьим, неслышно ступала в вотчину лесавок. Родственницы лешего, девицы росточку невеликого, веселые и смешливые, обитали возле лесного ручья. Многочисленное семейство в пору безбедную за порядком в Вечном лесу следили. Травки-веточки подсохшие или заболевшие лечили, за деревьями молодыми ухаживали. В царстве фей лесавки в истинном своем облике хаживали: девами красивыми, но малорослыми. К людям на обмен в облике старушек выходили.

Нынче девчущечки всех возрастов по домам сидели, на улицу старались не высовываться — холодно, страшно. По лесу чужие тени шастают, норвят отловить, в клетку посадить, утащить во дворец. А оттуда еще ни одна живая душа не вернулась из тех, кого в первые дни страшной напасти поймали.

Голос печальный лился и лился ручьем лесным: старшая лесавка, наливая чаю гостю, негромко рассказывала историю незамысловатую. И все сокрушалась: не увидели, не почуяли беды, не уберегли Эллочку. Не помогли. Ругала старейшин: кабы крылья не отобрали, брак с принцем человеческим расторгая, ничего б и не вышло у врага неведанного. Крылья феи — и оберег, и защита, и магия. Самое страшное наказание остаться без них. Вот и не справилась королева молодая, не заметила как морок душу оплел, сердце спеленал, глаза застил иллюзиями да мыслями мрачными.

Волк слушал, похрустывая сушками маковыми, на хвост мотал да размышлял над бедой-горем Вечного леса. Понять пытался, кто и зачем выпустил на свет белый проклятье зимы, страшные ледяной морок. Плечам передергивал, время от времени проверяя на месте ли крылья собственные, не так давно старейшинами рода ему возвращенные. Отбыл наказание давнее, вернул силы свои могучие, да все не привыкнет никак, что снова свободен. Летать-то они без крыл умел, да все не то, не так. То и летом-то не назовешь, так, скачки волчьи семимильные над лесами да над морями. А вот выше — в чертоги небесные, в мир родной не поднимешься.

Лесавка плакалась, огонь в печке едва слышно гудел, семейство сидело вокруг стола, слушало, горестно вздыхало поочередно. Серый кивал машинально отмечая детали, а мыслями все в прошлое свое возвращался.

Соловья разбойничка он давнѐхонько простил за подставу лихую. Да и что винить соратника старого, когда оба начудили. Влюбился молодой волк в богиню — Зарю Утреннюю, захаживать в гости стал, стариков не слушая, от уговоров отмахиваясь: замужем-де красавица, любит супруга, отступись, мол, Серый. Да нашла коса на камень, любовь на упрямство, глупость да молодость. Страсть глаза застила — здравый смысл пересилила.

И свел его Соловушка с феей темной. Она волку приворот дала любовный. Улучил Серый случай, принес красавице напиток любимого ягодного из земляники лесной, опоил, от мужа увел. Пошла Заря за ним, как овца на веревочке, в глаза заглядывая. Влюбленный волк от стаи небесной отказался, в человеческий мир ушел и любимую с собой увел. Заговором темная фея помогла, спрятала от тех, кто искать вздумал бы. Подарила булавку волшебную, велела носить, не снимая: стая мимо пройдет, кровь родную не учует.

Серый волк не родня симуранам. Не течет в их жилах руда огнебога Симургала — хранителя небесного лесов, посевов, корней древесных. Волки — они кровей человеческих. Не всегда у оборотней дети с душой живой рождались. Бывало и так что сущность звериная верх брала над младенцем. Вот такие-то волчатами и становились. На луну выть выли, а в оборот полный не входили, да и разговаривать не могли. Хоть и умны, и хитры были.

Так и жил симуран, Серым назвавшись, в чаще лесной глухой с возлюбленной своей, двоих деток народили. Отец им силу рода передал, пуще жизни берег. Вновь ходил на поклон к колдунье темной, выторговал вещицы для защиты. Да и жену не забывал каждое утро причесывать гребнем каменным, приворот поддерживая. Но маялась душа волчья, видел, чуял: не полюбила его Зорюшка любовью истинной, на привороте все счастье только и держится.

Однажды, не выдержав тоски из-за содеянного, снял крылатый волк булавку зачарованную, перестал гребем косы женины чесать и стал дожидаться гостей незваных. И гости не заставили себя долго ждать.

А потом суд был. В наказание крылья отобрали. Корша — муж Зари Утренней требовал жизни супостата лишить, детей, совместно нажитых, уничтожить. Тут волк едва не сорвался во все тяжкие, забыв, что прощенья просить хотел и покаяться перед Зарей. Сама Зареница в судилище участия не принимала: после долгого приворота мысли её путались, в других мирах витали. Сами старейшины задумчиво снадобье, в котором гребень искупан был, на составляющие долго разбирали, понять пытаясь, что и как да из чего. Но так секрет и не добыли. Может, оно и к лучшему.

Волчата, пока судили-рядили, что с Волком делать, как наказывать, жили в семье Соловья разбойника. Горынья Змеевна берегла их, утешала, мужа каждый день пытала, что да как старейшины нарешали. Когда страшное желание солнечный Корша озвучил, Одихмантьев сын за разум волчий опасаться стал. Силы в Сером немеряно, магию крови, может, и ограничи, да сущность волчью не отнять. А за детей любой хищник голыми руками горло разорвет. Едва успокоили Серого.

Как пришел симуран в себя, попросил встречи с Соловьем разбойником, другом своим старинным. Обещал должником стать, если тот сумеет в беде с детками помочь. Матушка Сола — птица Сириин — вхожа в хоромы божества солнечного, одного роду-племени по женской линии с ним. Ипостась Корши — птица Алконост — суть материнская. Сириин и Алконост — сестрица родные.

Соловей помочь согласился и на поклон к матери отправился. Едва-едва успел к концу судилища с новостями подоспеть. Сириин жестокому желанию племянника воспротивилась, Коршу вредить

малышам запретила. Сама же к огнебогу в гости отправилась, о внуках-правнуках поведала. Симаргл выслушал, разгневался, повелел Волка небесного крыльев на век лишить, в Явьи леса жить отправить. Волчат к нему привести, будет-де сам воспитывать полукровок, уму-разуму детей божественных учить да приглядывать. Такой союз от начала времен впервые в мирах приключился. Учесть, как кровь смешанная себя поведет, невозможно. Ни видящие, ни судьбу плетущие будущего волчьего отсмотреть не смогли. Потому — опасались неизведанного.

На том и порешили. Утренняя Заря к мужу вернулась. Народились у них детки со временем. О волчатах мать и не вспоминала, отворот будто любовь материнскую с корнями из сердца богини выкорчевал: не признала, когда в себя пришла. Так и проявилась темная суть зелья — страшным откатом любовный приворот обернулся.

Симурана крыльев по велению огнебога лишили, на землю сослали. Сама Купальница — жена Семаргла — за щенятами присматривала. Доля у бога Огня и Луны незавидная: стоит он на страже, охраняя миры от зла, с мечом пламенным на мосту радужном. Раз в год Родом позволено ему пост свой покидать. В этот день Серому Волку птица Сирий детей приносила, а Купальница с Семарглом любились-тешились.

Слухи ходили, что женился Серый. Да слухами вечно миры полнятся. А с человека что взять? Для них все одно: что волк небесный, что оборотень. Вот и путали с Серым оборотнем, на Красной Шапочке женатом.

Сирий (Серый) после ошибки своей лютой на девиц не смотрел, стороной обходил. Со временем волк осознал: не любовь то была, страсть разум помутила. Когда любишь истинно — добра любимому желаешь. С кровью и болью отпускаешь от себя, лишь бы счастливо жил. А с тобой или без тебя тому, кто сердцем любит — неважно. Больно — да. Трудно — да. Да только правильно так, не иначе. Любовью владеть нельзя, она в неволе умирает. Хуже того — плесневевает, в яд превращается, душу калечит, на безумства толкает. Вовремя Сирий опомнился, остановился. Иначе была беда пострашней.

Когда Соловей должок потребовал, аккурт день тот единственный в году и приключился. Злился Сирий неимоверно. Да слово свое

сдержал. С принцем за добычей отправился. Блюдечко добыли, Феврония сосватала, подружиться в аванюре сумели. С долгом Волк рассчитался, да продолжил жить, наказание отбывая, в шкуре оборотня простого. Правда, иной раз приключение вспоминая, терзался Серый мыслями смутными: не доглядел, не учуял. Что-то не то в словах царевны слышалось, в доме Ягини не увиделось.

Уже после, домой вернувшись, принялся изучать историю государств человеческих. Про хранительниц и королевства навьи, кои с людскими в миру жили. Ни в одной книжке старой ответов на вопросы свои волк не нашел. Только пуще задумался: как такое возможно — Яга не только дом свой надолго покинула, да еще и слово заветное другому поведала? Отродясь не бывало, что бы кому-то, кроме дочери родной, ведунья доступ в избушку свою доверяла. Тайны всадников раскрывала, портал в миры потусторонние показывала.

Так размышлял Сириус, ожидая Чомору, слушая причитания лесавок. Хмурил брови задумчиво: судьба или злой рок к порогу его письмо от хранителей Вечного леса занесли? Едва живую лисицу, странными хищниками израненную, нашел он поутру на крыльце. Рвали ее целенаправленно, к карману потаенному добираясь. Да защита на ней стояла надежная, сумела вырваться и на последнем издыхании уйти переходом на дальнейшее расстояние. Но разум путался, и вместо лесных угодий царя Берендея попала рыжая к нему в Зачарованный лес.

Лису он спас и послание обнаружил. Девица не долго думала, о помощи попросила, вкратце поведала о делах странных, что в Вечном лесу творились с недавних пор. Сириус удивился: не думал, не гадал, что Ждан от любимой оказаться сумеет. С тех самых пор, как блюдечко добывали, троица и не виделась. Оставив лисицу в избушке своей лесной раны залечивать, Сириус, не долго думая, собрался и в королевство фей отбыл за новостями. Чуйка волчья выла: не к добру, ох, не к добру и зеркало, и свадьба ждановская, и охота за письмом, что леший с Чоморой Ягине написали.

И вот теперь, в доме у лесавок сидя, хранительницу поджидая, голову ломал волк, куда бежать, кого спасать и что делать?

Дверь тихонько скрипнула и в комнату вошел снеговик. Девчушки зашептались, в ужасе переглядываясь, Серый кружку отставил и с места поднялся, на чудище глядя. Раздался щелчок и вздох облегчений

вырвался у присутствующих: Чомора, остатками лесной магии убрала с себя шапку снега и предстала перед гостем и хозяйками во всей красе. На себя домоправительница уже мало походила. Одни глаза и остались, все остальное ледяными узорами покрылось. Листочки-цветочки в космах снежинками застыли. Пальцы-крючки ледяные иглы напоминали. Ничего от пенька не осталось в хранильнице, в кусок льда почти обратилась.

— Ну, здравствуй, волчок, серый бочок. Кто таков, откуда пожаловал? Пошто Дубоводушку звал? — колючим взглядом гостя оглядев, проскрипела Чомора.

Сириус голову в приветствие склонил, дождался, когда старушка в кресло усядется, и сам напротив расположился. Лесавки Чоморе чаю налили, в руки кружку сунули, та и не заметила: ледяные ладони горячего не ощущали. Чай горячий от морока не спасал больше. Чуюла старая нутром, скоро и её время придет — станет ледышкой похуже Семидневича.

— Я, бабушка, из родов-племен далеких. На помощь пришел. Лисицу вашу, посланницу, встретил, вот она о беде вашей и поведала, — внимательно разглядывая сине-белое существо, медленно ответствовал волк.

— Как лиска в твоих краях оказалась, крылатый? — недоверчиво поведя носом-сосулькой, принюхиваясь к запаху волчьему, уточнила Чомора. — Летать она отродясь не умела. А племя твое в лесах не живет.

— Крылья мне недавно вернули. А жить к родне я не вернусь. Нечего мне там делать, — Сириус плечами пожал. — Напали на посланницу вашу, поранили сильно, едва живая ко мне добралась волей случая.

Лесавки запричитали-заохали, ЧОмора на них прикрикнула, ладошкой ледяной по столу стукнула, тишины требуя.

— Поди и письмецо показала? — зыркнув взором, еще зеленым, уточнила у гостя.

— Показала, — кивнул волк. — И вот что я спросить хочу, бабушка: а давно ли ты подругу свою старинную видала? Давно ли разговаривала?

— Дык... давненько, волчок. Забот невпроворот что у нее, что у меня. Записочками обмениваемся, а видеться — со времен учебы не

встречались. Поди и не признает она меня нынче, — горестно хмыкнула Чомора. — Наш-то век красоты короток, лес свое берет. Обернуться в девицу и то уже не смогу, больше старушкой человекам показываюсь. Кому доброй, а кому и не очень. А теперь и вовсе не ведаю, в кого превращаюсь, — развела руками хранительница. — Это Ягиня — красавица писанная — в личины рядилась, пригожесть свою прятала. Все ей хотелось любви настоящей, не за кровь её царскую, не за лицо приглядное, — Чомора губы синие в улыбке ласковой с трудом растянула, мыслями в прошлое нырнув.

— А лично, говоришь, давно не общались? — задумчиво протянул волк. — И вот что я думаюЮ бабушка... Обманули вас с лешим. И обманывают очень давно. Не писала тебе подружка писем ответных. Кто-то другой за нее отвечал. И я, кажется, догадываюсь, ю кто мог каверзу такую учинить, — закончил Сириус мысль свою, не сводя глаз с Чоморы.

— Кто ж так шутит? — покачала головой хранительница. — Да и кому оно могло понадобиться, шутовство такое? Письма подменные сочинять. Никакими тайнами-секретами чай не обменивались. За житье-бытье подружке делилась. Она мне за сове рассказывала.

— А не припомнишь, в гости она тебя хоть разочк звала? На твои приглашения что отвечала? — поинтересовался Серый.

— В гости, врать нее буду, не звала давненько. Да и немудрено: она все по мирам скакала, книжки редкие волшебные искала, не сиделось на месте ей. Вернется на три дня, избушку проверить, охранки обновит, лес свой облетит, тяжбы разберет и опять мчится куда-то. Какие тут гости?

— То-то и оно, бабушка. Никто Ягиню долгие лета не видал лично. Все больше письма да записочки от нее в разные стороны разлетаются. А в избе её сестрица хозяйничала одно время. Сдается мне — сгубил кто-то Ягу, да глаза всем отводит, головы морочит бумажками.

— Не может такого быть! — Чомора от возмущения аж с места привстала. — Дочерей у подруженьки не было, не замужняя она. А кроме крови родной по женской линии никому доступа в межмирье нет. Даже и сестрице пусть хоть трижды родственной по матери да по отцу.

— А вот поди ж ты, такая оказия приключилась, что сам я в той избе вместе с принцем Жданом ночевал однажды. И хозяйкой там сестра ее по матери была — Феврония.

— Быть того не может! — охнула Чомора и замолчала ненадолго. — Ты вот что, волчок... Слыхала я от прабабки своей, если Ягиню опоить травой-беленой да в неопалимой купине спрятать, вещи её волшебные хозяйку чуют будут. Жить продолжают, словно она вот-вот в дом зайдет. Еще сказывают, если супостат в личине ягиной явится да нужные слова скажет, изба обмана не различит, примет, накормит-напоит.

— Не сходится, — перебил Сириус. — Мы с принцем без слов зашли, избушка пустила.

— Пустить — пустила. Ежели рану ничем не прикрыть да не обработать, в не всякое налипнет без спросу. Изба без Ягини — рана открытая, даром что не кровоточит. Но то нам не видать. А сила без защиты владелицы потихоньку иссыхает. Ежели сестрица ейная туда-сюда шастала меж мирами через избу, так она каждую ночь рану-то и бередила. Брешь зарости-то и не успевала. Заходи всякий, кто хошь. Вот так и вы без спросу попали, в двери открытые.

— Кабы так просто было, набрел бы кто да вынес все пожитки, — засомневался волк. — В избе все на местах стояло, сундуки не вскрыты, травы-коренья по полочкам-баночкам разложены. Скатерка на столе чистая. И зеркало большое... Точно! Было зеркало! — Сириус встрепенулся, перед глазами ярко картинка вспыхнула: огромное в пол золотом расплавленным мерцает, и стекло такое странное, тягучее.

— Зеркало говоришь? — теперь уже Чомора вздрогнула, стекло волшебное, на погибель Эллочке подаренное, вспомнив. — Морозными узорами да снежинкам украшенное?

— Нет. Из чистого золота. А что? — удивился волк описанию.

— Не наше, поди... Наше-то попервой в оправе дубовой стоядо, все листочки да ягодки по веточкам плелись... А как беда пришла, так зеркало в лед превратилось, всякое-разное поползло-повышло из него. Да что я, и сам ы видел несчастья наши, — нос-сосулька задрожал, скатилась по нему одинокая льдинка из глаз помутневших.

— Не плачь, бабушка! — защебетали притихшие лесавки. — Не плачь!

— Да тихо вы, разгалделись, — заворчала хранительницы по-доброму, слезу утирая руками прозрачными. — Не плачу я...

— Ты, бабушка, и вправду, сырость не разводи, — грубовато утешил Сириус. — Лучше дальше про избушку сказывай. На местах все лежало, а ты говоришь — любой заходи, коли хозяйка в беде, — вернулся Серый к разговору.

— На местах... Так вот... Да! — вспомнила старая, на чем остановилась, и дальше сказывать начала. — Попали вы в избу, как та грязь в рану. Артефакты да заколдушки изба вынести не позволит, а жить-поживать, скатеркой-самобранкой пользоваться — это запросто. Не чует она чужого присутствия. Видать, личину на воротах ведьма привесила для облегчения. Чтоб каждый раз не колдовать, пространство не смущать да внимание не привлекать. А так зацепила ниткой паучьей, в ворота прошла личина на лицо упала.

— Это что ж за магия такая? — удивился Сириус. — Не слышал о таком колдовстве.

— Не слышал и не надобно, — отрезала Чомора и закончила. — Вот когда от белен-отравы Ягиня память теряет, себя забывает. Так и вещи ейные словно в спячку впадают, себя не помнят. Избушка-то — она часть ее магии, силы природной. Душа она наследства колдовского. Потому вместе с хозяйкой все предметы разумные, к ведунье привязанные, разум тоже теряют.

— А что с избой приключится. Если Яга погибнет? — протянул задумчиво волк и вдруг замер настороженно.

— Ох-хо-хонюшки, о таком лучше и не думать! Ежели без наследницы уйдет Ягиня — захиреет изба. А под конец и вовсе с ума сойдет. Слышал, наверное, про места страшные, в коих люди-человеки пропадают? То-то и оно... — Чомора замолчала на середине слова, заметив, что Сириус и не слушает вовсе.

Засопела старая сердито, да тут же и неладное почуяла: будто муравей крупный по спине пробежал, под шкуру забрался и укусил. Да и волк странно вести себя начал.

— Тихо! — шикнула Чомора на лесавок, тревожным ульем загудевших, и прислушалась.

Серый плавно скользнул со стула к двери и застыл, воздух втягивая, ноздри раздувая. Уши его удлиннились, шерстью белой

покрылись, кончики мохнатые задергались. Минут пять гость зверем настороженным возле входа простоял, потом отмер, на место вернулся.

— Кто? — выдохнула Чомора, задрав палец кверху, не давая лесавкам рты раскрыть.

— Не пойму... Что-то н то снаружи, а что неясно. Звуки невнятные, запахов нет. Но чую носом- расходится пора.

— Ты вот что... Ягине наследие передать-то некому было... — заторопилась Чомора, со стула сползая. — Изба, говоришь, не чудила, с миром приняла?

— Так то когда было... Ждан ваш уже и царем стал, что там сейчас — неведомо, — волчьи уши вновь дернулись и застыли, прислушиваясь. — Уходить тебе надобно, бабушка... Да и мне пора. Неведомый кто-то сюда движется, — волк поднялся с места и вновь у дверей замер. — Собирайтесь. Быстро. — отрывисто скомандовал через минуту. — Другой выход имеется?

Лесавки заголосили было, да Чомора резко на них прикрикнула, велела вещицы нужные собрать и к медведям бежать к малиннику дальнему, там схорониться всем вместе и не высовываться, пока от нее посланец не придет.

— Бабушка, а ты как же? А гостюшка? Неужто одних оставим? — пискнула старшая лисунка.

— За нас не беспокойтесь, выберемся, — волк рукой махнул, девиц выпроваживая. — Уходите быстро, молчком. По дороге тоже не разговаривайте, следы заматайте. Времени мало.

Лесавки одна за другой двинулись к выходу, в шкафчике спрятанном, в молчании дом родной покидая. На ресницах девичьих слезы блестели а делать нечего: старшие сказали, послушаться не могли. Последняя девчушка оглянулась, тихоньку носом шмыгнула и исчезла в проеме. Дверца скрипнула и захлопнулась. Тишина сразу камнем пудовым на комнату обрушилась. У волка, невзгодами закаленного, аж пальцы на ногах судорогой свело от жути.

— Ты вот что, волчок... Сдается мне — жива Ягиня... Заколдовали её, в кокон упрятали. Кабы померла, про лес тот берендеевский слава дурная вмиг по землям прокатилась. А я и не слышала ничего. Берегут её не живой, не мертвой. Без нее избушку не сберечь. Спасать надо Ягу. Без нее нам Эллочку не спасти, зиму лютую не отвести. Пропадем все, — Чомора носом-ледышкой хлюпнула.

— Кабы знать, где искать... — вдохнул волк вопросительно.

— Дык рядом с избой, не иначе. Далече прятать — связь истлеет. В избе — найдут скоро. Ты вот что... Ты лети туда, крылатый, да пруд али родничок какой поищи недалече. Вода — она лучше землицы прячет. Сквозь воду толково не разглядишь, даже в прозрачном ручье. Все вкривь да вкось видится. На-ко вот тебе, клубочек в помощники.

С этими словами хранительницы вытащила из кармана клубок-колобок и Сириусу передала.

— К избе доведет быстро, никакой леший дорогу не запутает. А там уж постарайся, спаси Ягушеньку! Чую! — вдруг захрипела Чомора — Уходи! Задержу ворогов проклятущих! Помни — огня не бойся! Бойся себя! В купину неопалимую войдешь, Ягиню найдешь, хватай и беги — не оборачивайся! Уходи, говорю! — зарычало-затрещало чудище лесное.

На глазах Сириуса вместо старушки милой, наполовину заледеневшей, бесчувственной, в один миг вырос пенек огромный разлапистый. В глазах зеленый огонь полыхал. На руках-ветках, как на реке по весеннему ледоколу, лёд трещать начал. Куски отваливались, выпуская наружу поросль зеленую могучую. На голове у Чоморы сквозь снежную изморозь плющ пробивался, в косы тугие толстые сплетаясь.

— У-хо-ди! — проскрипело чудовище. — По мо-ю ду-шу и-дут... Не возь-мут... Раз-дав-лю... — толстый корень до шкафа добрался дверцу распахнул, другой Сириуса, столбом застывшего, за тулово обхватил и в провал черный закинул.

Плющ молодой тотчас мебель оплел и застыл ковром зеленым. Хранительница еще больше в плечах раздалась, ввысь поднялась, потолок головой проломила, стены грудиной разворотила и тяжелой пступью навстречу стражам ледяным шагнула.

— Вр-р-рё-о-ошь! Не возмё-о-ошь! — заревело существо и тяжелой веткой обрушилась на врагов.

Брызнули осколки льда в разные стороны, полезли супостаты в обход, да кори начеку: одного схватили, к земле пригвоздили, другого вверх подбросили. И понеслась драка. Ни рук ни ног, ни веток не разобрать. Летят глыбы снежные да куски ледяные, в сугробы падают, тут же поднимаются, в снеговиков обращаются и вновь наступают. Неравны бой, силы неравные. Тварям морочным снег-мороз помогает,

а Чоморе сил взять неоткуда ни травинки живой ни росинки, земля-матушка и та под покровом зимним мертвым сном спит.

Мчался волк над лесом, сердце в кулак сжав. Вернутся надобно, а нельзя: Чоморе поможет — Ягу не спасет. Ведунью из плена не вытащит — морок дальше полезет. Взвыл Сириус от несправедливости такой, стиснул зубы и дальше помчался. Вздогнула тут земля внизу, рухнули снежные шапки с деревьев, пырхнули птицы в небеса в диким криком. Остановился Серый, назад оглянулся и завыл-заскулил от отчаянья.

Огромный столб изумрудного цвета полыхал в той стороне, где Чомора один на один с врагом-супостатом билась. Сгубили хранительницу слуги снежные, заморозили до сердцевинки, спалили в огне ледяном. Никого не осталось у леса в защитниках. Всех заморозили, душ лишили, в ледышек безмолвных превратили.

Схлынул огонь зеленый, птицы вновь по гнездам попрятались. Остановился волк, клубок-колобок достал, слова заветные пошептал, в серединку ниток колечко ткнул и на снег кинул. И помчался помощник путевой к жителям лесным с наказом: собраться на краю Вечного леса, следы замечая, врагам на глаза не попадая, еды-питья на первое время прихватив.

А уж после кольцо оземь бросить да произнести:

«Ты катись, катись, колечко,
Да до волчьего крылечка,
Дверь в межмирье отвори,
Добры души пропусти,
Проводи-ка до порога,
Охрани от бед в дороге,
За собой закрой пути,
Чтоб чужой не смог найти».

«Лисица поймет, встретит, накормит, разместит, — размышлял волк, на лесах, над морями проносясь. — Поживут у меня покуда. А, там, глядишь, Яга отыщется да в беде поможет». Мысли о Ждане Сириус старательно отгонял надеясь на смекалку бывшего принца да на слуг верных, кои в беде государя не бросят. Сейчас главное — ведунью отыскать в чувство привести, а там уже и за Февронию приниматься. Чувал Серый — в ней, в царевне-полукровке дело. Она кашу заварила, с нее и спрос будет по всей строгости.

ГЛАВА 18. Адская крестная

С наскака охмурить магией Бабая Кузьмича не удалось, больно ловко уходил старый домовый от ловушек магических словесных, отбивал их, что комаров хлопал. Феврония разозлилась, юбками взметнула, указания надавала и унеслась. Домоправитель в усы похмыкал и отправился по своим делам, без внимания оставив гостьюшкины закидоны. А тёмная фея в комнату свою нырнула, изнутри заперлась и колдовством занялась.

Достала из ларца иголку тонкую, золоченую, чашу серебряную, флакон из стекла толстого темно-синего, фолиант тяжелый. Разложила на столике чайном, перчатки из кожи ежиной надела, нитку в ушко игольное втянула и колдовать начала.

«Ты игла моя золотая,
Нитка черная витая,
Порчу на себя прими,
Домового уколи.
Разум ниточкой зашей,
Мышью оберни скорей.
В мышеловку приведи,
Кошке на обед скорми.
Прицепись за воротник,
Чтобы домовый погиб.
Силы, голоса лиши,
Порчу выполнить спешу.
Хвостик в узелок вяжу,
Душу отобрать спешу,
Зазеркалье одарить,
Жизнь свою на год продлить!»

Молвив слова колдовские, Феврония иголку с ниткой в чашу опустила, осторожно из флакона пробку вынула, три капли на вещицу капнула. Вспыхнуло на дне пламя сине-чёрное, обожгло порчей предметы заговоренные, и потухло. Фея перчатку сняла, ножичек перочинный достала, уколола палец указательный. Покуда кровь выступала бусиной алою, колдунья из бутылёчка вновь плеснула

четырежды. В ту же секунду иголка ожила, пасть призрачную распахнула и хвостом-ниткой задержала. Красные капли упали трижды три раза в жадный зев, раздался звон мелодичный, посудина золотым огнем озарилась, а затем все стихло, будто и не было ничего.

Феврония осторожно иглу с ниткой, узелком завязанной вытащила, паука призвала, указания дала и в покои к Бабаю Кузьмичу отправила. Сама же принадлежности колдовские спрятала и к крестнице отправилась.

Зинаида обнаружилась в покоях мужа любимого. Ждан крепко спал, улыбался во сне, шептал что-то неразборчиво время от времени. Как царица не прислушивалась, слов разобрать не могла.

— Крестная, — выдохнула, руки заламывая, царица молодая. — Утро уже, пора подниматься. Бояре царя ждут. Бабая Кузьмича еле спровадила, велев не тревожить нас пару часов. Что делать?

— Спит, говоришь? — поближе подходя и Ждана разглядывая, протянула Феврония. — Спит — это хорошо.

— Но как же... Ведь не сразу... Да и я не ведаю, получилось с одного раза дитя понести или нет. Рано еще... — жалобно сморщив нос, всхлипнула Зинаида. — Да и... передумала я... Лю — у-у-блю я его-о-о-о... — слезы из глаз девичьих брызнули и потекли по щекам бледным.

— Люби, кто ж тебе не дает, — хмыкнула Феврония, веко Ждану оттягивая, в глаза заглядывая. — Поздно, голуба моя, назад колдовство не повернешь. Откатом так шибанет, мало не покажется. Осталось расчесочкой по волосам провести, да булавочку в темечко воткнуть. И будет муж при тебе, да не с тобой. Но зато послушный и влюбленный. А захочешь, и вовсе сном беспробудным уснет, под ногами мешаться не будет. И станешь ты править одна, без оглядки на мужа и свиту его царскую.

Крестная фея, довольная увиденным в глазах ждановских, в кресле расположилась, кофеёчка в чашку фарфоровую себе плеснула и с улыбкой наблюдала, как мечется по спальне крестница, руки заламывая и причитая.

Царица Зинаида мужа своего любила давно, глубоко и страстно. Еще девочкой Синди влюбилась в принца заморского. Как увидела Ждана на королевском приеме в честь дня рождения государя покойного, Беспардона Долдоновича, так и глаз отвести не смогла.

Запал он ей в сердце, душу околдовал, разум пленил. Ох, и ревновала тогда Зина сестриц сводных, кои три праздничных вечера вокруг наследника хороводы водили, в сети заманить старались. Поговаривали, юбилей царский — предлог, на самом деле царь сыну невесту приглядывал.

Не срослось тогда у девиц-красавиц, никому особо принц не благоволил, внимания не оказывал. В облаках все витал, о чем-то другом думал. Случайно Зинаида прознала: как вернулся Ждан из Вечного леса, так ни на кого и не смотрит. Все феей бредит, невестой своей называет. Закручинилась, запечалилась в ту пору Синди, но обрадовалась про себя: не верила, что государь разрешит сыну на волшебнице навъей женится. А раз царевич никого на балу избранницей своей не назвал, надежда у нее есть.

Убедила себя девица: на следующий год уж и постарше она будет, да и сестрицы замуж выйдут, разъедутся, мешать не будут, тогда, глядишь, и обратит на неё внимание возлюбленный. А спустя полгода, как узнала, что Ждан в Вечный лес подался, да против воли отца-батюшки на королеве фей женился, слегла Зинаида от болезни неведомой. Замолчала, улыбаться перестала, есть отказывалась.

Врачи-лекари рукам разводили, помочь ничем не могли. Батюшка извелся весь, пытаюсь дочку любимую на ноги поставить, причину её тоски-печали выяснить. Тут-то мачеха и вспомнила про фею-крестную. И понеслось.

Феврония быстро крестницу на ноги поставила, а потом и замуж за Ждана сосватала. А как колечко обручальное молодая царица на палец получила, да трезвым взглядом жены неопытной на мужа взглянула, тут-то осознание обухом по темечку её и шарахнуло. Крути-колдуй, а даже зачарованный вещью навъей, магией чужеродной, сохнет Ждан по Амбрелле. Как память и сознание отключаются, так только про Эллочку и думает, по имени вслух зовёт. Когда же на пиру свадебном супруг чудить начал, к Вечном лесу сбежал, крестная носом Зинаиду в выбор и ткнула.

Либо смириться и жить нелюбимой женой с любимым, либо поверить Февронии, царя к рукам прибрать, приворот на себя сделать, и царством-государством управлять единолично. Муж при ней игрушкой-болванчиком станет. Любить-баловать, на руках носить будет. Опять же детки пойдут, наследнички молодые, только тогда,

когда царице захочется. К тому времени Зинаида, если не оплошает, власть в руках крепко держать станет, в кулачке придворных сожмет, пальчиком наманикюренным особо ретивых придержит.

— Хватит! — рявкнула Феврония, устав от плача женского. — Не ты ли пришла ко мне с просьбой принца в тебя влюбить, чтоб женился?

— Ты обещала, что любить будет... — утирая слезы, простонала царица. — А он...

— А он все еще Эллочку любит, да только о том не ведает, — довольным голосом подхватила фея-крестная. — Зато ты — царица, и он с тобой. Амбрелла — крыльев лишилась, силу за любовь отдала. Нынче и вовсе без души-сердца осталась. Еще немного и будет у тебя в подручных ходить, приказы исполняя.

— Как так? — Зинаида глаза удивленно распахнула, про грусть-печаль моментально позабыв.

— А вот так, — довольно улыбнулась Феврония, глядя, как крестница моментально грусть-печаль позабыла, предвкушая момент, когда соперница на глазах у мужа будет её прихоти исполнять. А уж Зинаида сумеет устроить Амбрелле «веселую» жизнь. Зря что ли мачеха с сестрами над неё столько лет измывались, помыкали, ровней себе не считали.

— А вот так, — темная фея плеснула себе кофе, отпила и повторила. — Да, вот так. Все проще простого. Зеркало морочье дело свое сделало, обратило королеву в ледяную ведьму. Нет теперь у Элочки не души, не сердца. Один холод внутри и равнодушие. Осталось узелки завязать на нитях морозных и все, играй снежной бабой как хочешь, приказывай, что душа желает. Обидчиков накажет: заморозит, душу отберет.

— Я-то думала... — капризно протянула Зинаида.

— Неправильно думала! — отрезала Феврония. — Хотела, чтобы соперница тебе кофей в постель приносила? И где вас только таких воспитывают, глупых. Недальновидных! Зачем тебе кофе, когда с такой армией снегострахов можно мир захватить, владычицей единоличной стать. На крайний случай — данью ближайшие государтва обложить, — заметив, что крестница мировым господством не впечатлилась, кинула другую денежную «косточку» темная фея.

— Зачем мне господство! Я любви хочу! — захныкала царица, глянув на мужа спящего. — Его любви хочу! Навсегда! И чтоб выкинул Амбреллу из головы, — Зинаида ножкой топнула.

— Сундуки магией наполним и будет нам счастье: свои ресурсы тратить нужды нет. Колдуй — не хочу, — продолжила Феврония, не обращая внимания на истерику девичью.

— Сундуки? Золотом? Это хорошо... — раздался вдруг с кровати хриплый ото сна голос Ждана. — Зина, подай водички... — царь закашлялся и попытался приподняться с подушек.

Царица испуганно засуетилась, воды дрожащими руками в хрустальный фужер налила мужу подала и замерла подле него испуганной ланью, глазами в сторону крестной зыряя и понять пытаюсь, что муж услышать успел.

Муж воды выпил, на подушки откинулся и глаза прикрыл, улыбнулся, когда царица его за руку взяла нежно двумя ладошками, на краешек кровати присела.

— Посплю еще, Эллочка, а потом поедем кататься на единорогах с тобой... — прошептал Ждан ласково и отключился.

Феврония довольно хмыкнула, глядя как исказилось от боли лицо Зинаиды. Царица поднялась, руки бледные в кулачки сжимая. Долго над Жданом стояла, лицо красивое разглядывая. Губы кусала, мучилась, решение принимая. Затем решительно ящичек комода выдвинула, схватила гребень волшебный, приподняла голову царскую, расчесывать принялась. Скользнула неслышно к ложу царскому темная фея, дождалась, когда крестница кудри ждановские в порядок приведет красиво на подушке разложит и протянула руку с булавкой.

Не колеблясь более схватила Зинаида иголку в виде змейки, струной вытянувшейся, задержала в руках на секундочку, в лицо Ждана пристально вглядываясь. Царь во сне нежно улыбнулся и что-то неслышно прошептал. Царица судорожно вздохнула и со всего размаха всадила волшебную иголку в родничок-темечко. За спиной фея-крестная довольным голосом слова заговора произнесла:

«Слезы девичьи на иглу капаю,
Ими я твою удачу навсегда запечатаю.
Сон на разум напушу,
Мысли по ветру пушу.
Три круга ада пройдешь,

Выхода из них не найдешь.

Поцелуй любви не разбудит тебя,

Быть тебе куклой живой покуда стоит земля».

Зинаида вздрогнула, покрывалом шелковым царя накрыла и, юбками взметнув, спальню Ждана бегом покинула, чтобы не передумать. Феврония крестницу взглядом проводила и улыбнулась ехидно: «Передумать, как же. Даже не надейся теперь, когда все по плану, как по маслу катится!» Столько лет она к триумфу своему шла, месть планировала тщательно, с дальним прицелом. Пусть девочка тешится, власть к рукам прибирает, в царицу играет. Крёстная поможет, бояр приструнит, если понадобится.

А когда привыкнут все к фее-советнице, можно будет и от крестницы избавиться. И воцарится на человеческой земле Навье государство. Старейшины придаться не смогут: все руками чужими сделано, кому-то ж надо за государством присматривать, раз царь спит сном беспробудным, царица — ну царица с ума от горя сойти может, а королева Вечного леса от потери крыльев магических и вовсе в ведьму лютую обратилась, всех заморозила.

С другой стороны — пусть правит, главное, чтобы крёстную слушалась. Ежели что не так пойдет, да прознает кто про планы Февронии, всегда можно на Зинаиду заговор свалить, а самой в межмирье раствориться и вынырнуть, как смута утихнет.

С этими мыслями тёмная фея, потрепав спящего Ждана по щеке, пожелав приятного глубокого сна, из опочивальни выскользнула и отправилась в свои покои. Надобно срочно выяснить, как паук с заданием справился, жива ли здорова мышь белая, в которую Бабая Кузьмича обратить иголка заговоренная должна.

Паук бился в истерике и каялся, трясясь от страха: задание провалил, иголку в домового не воткнул. Кузьмич из дворца куда-то исчез, никто домохранителя не видел и не ведал, когда вернется. Феврония едва сдержалась, что бы не размазать незадачливого посланца по столу. Махнула рукой, отпуская восвояси, то бишь в апартаменты Кузьмича. Велела сидеть, хозяина ожидать. Сама же зеркало волшебное достала и потребовала домового показать тот час.

Но и тут не срослось. Перелистав все возможные места, заглянув в темные уголки, подвалы и на чердак, тёмная фея не смогла обнаружить Бабая Кузьмича. В ярости едва не расколотила она

зеркало, но память услужливо слова матушки напомнила: разобьешь стекло волшебное, сама погибнешь. В бешенстве Феврония переколотила в гостевой все вазы и чашки, кои под руку попались. Немного успокоившись, вылетела фурией разъяренной и помчалась к крестнице. Надоело ей с дворцовой челядью цацкаться, пора на место всех поставить и объяснить, наконец, кто в доме хозяин. А, точнее, хозяйка.

Домовой, сидя за печкой кухонной у помощника своего коргоруши, за розыском, по нему объявленном, наблюдал, глядя в тарелочку, отложив в сторонку яблочко наливное. Злился Кузьмич неимоверно. Еще бы! Двоедушницу не раскусил, царя-батюшку не спас, за царицей не доглядел, какой он после этого хранитель дома? На пенсию пора, не сберег, не помог.

Сокрушался Бабай Кузьмич, ругался вполголоса, наблюдая, как Феврония власть в Зинаидины руки передает, Ждана недееспособным объявляет. Как царица, слёзы утирая, велит глашатаям объявить на весь честной мир о том, что вынуждена бремя тяжкое на себя взять. Как призывает лекарей, обещая чуть ли не полцарства за спасение государя.

Злился домовой, наблюдая за свистопляской начавшейся. А более всего бесился, видя советницу, что по левую руку от царицы стояла и улыбалась, глядя на суету поднявшуюся. И головой то и дело кивала, указывая на несогласных с указами Зинаидиными. К ним тут же новые стражники подскакивали, под ручки белые хватали и из зала советов выводили. Куда — неведомо. Но до темниц дворцовых не доводили. Бабай Кузьмич тарелочку настроил, и путь стражников с пленниками отследил. Уводили их отчего-то в малую залу бальную, так оставляли под замком. Но вот заглянуть в самодельную тюрьму домовому не удалось: зачаровала темная фея и стены и потолки, и окна.

Нервничал домовой, а коргоруша его успокаивал, ластился котом черным, мурчал. Хуже всего то было, что от друга старинного ответное письмецо Кузьмич дождался, а вот связаться с лучшим вживую так и не удалось. Посланница — мышь летучая — вторично в Вечный лес отправленная, обратно не вернулась, сгинула без вести. Извелся домовой, напасти одну другой хлеще придумывая. Вспоминая слова Ждана о том, что лес снегом засыпала, еще больше нервничал.

Не поверил домовой царю, решил, по пьяной лавочке, что только не привидится. А зная шутки фей, когда они общаться не хотят, и вовсе подумал, что заморочили Ждану голову, примерещилось ему. Когда от лешего письмецо прилетело, Бабай Кузьмич растерялся до такой степени, что все звоночки тревожные пропустил-проглядел. Вот и вышло так, что государство две девицы без шума и без пыли захватили, государя извели. Теперь еще и Вечный лес еда пришла лютая. А помощи ждать неоткуда.

Сколько лет соседние государи на земли мылились, да тямой не вышли силами мериться с тридцать пятым королевством сто сорок первым царством семьдесят вторым государством. А нынче не пройдет и полгода, как ручки загребущие со всех сторон потянутся. А царя-то нет. Кто ту царицу-то убоится? Да и Ждана спасти надо. К кому бежать? То делать?

Заплакал старый домовый от безысходности, коргоруша на задних лапках приподнялся, шершавым языком слезы со щек слизнул, лапами за шею обнял, мордочкой о бороду потёрся.

— Один ты у меня остался... Домовята что дети малые, их побережь надо... Неровен час, заколдует их фея-крестная, магию выхолощет... К Соловью надобно за помощью... Али к Змею Горынычу... Да отправить некого...

Коргоруша возмущенно домового в грудь толкнул и демонстративно с колен Кузьмича спрыгнул.

— Ну-ну... В обход долго. А через Вечный лес по сугробам — проберешься ли?

Коргоруша фыркнул, в росте увеличился, лапу переднюю поднял, растопырил, когти мощные показывая.

— По деревьям, говоришь... Мысль хорошая... А ну как по снегу придется? — Бабай Кузьмич все больше склонялся к мысли: прав коргоруша, его надо с посланием отправлять по друзьям Ждановским, спасти надо и царя, и государство. Кто его знает, чего еще фея-крестная удумает.

Только подумал глядь, а коргоруша уже тащит ему чернильницу с пером и бумагой.

— Нет бумаге нонче доверия, — покачал головой Бабай Кузьмич. — Ты вот что... Притащи-ка мне чешуйку рыбную с кухни. Я на ней послание напишу, в шерстинках твоих спрячу, никто и не

догадается! Рыбный дух все перебьет. Чего молчишь? Хорошо придумал? — домовый оживился, с кресла поднялся, принялся причиндалы для письма тайного из комода доставать. — Молчит он, ишь... Смотри тк и вовсе говорить разучишься, в кота черного обернешься...

— Не обер-р-р-нуйсь, — муркнул коргоруша и растворился в тенях, оставив Кузьмича одного.

Домоправитель достал иголку сосновую, сок березовый, слюду увеличительную, разложил все на столе и принялся ждать помощника с добычей. Не выдержал и вновь яблочко по тарелочке запустил. Смотрел-слушал и приговаривал:

— Ну погоди ужо, вот придет Соловушка, быстро тебя со дворца высвистит, забудешь, окаянная, как Жданушку обижать, над людьми царскими измываться.

Так ворчал Бабай Кузьмич, туда-сюда по дворцовым палатам вслед за царицей и Февронией «прыгая», и не заметил, как сверху на макушку плюхнулся ему паучок невзрачный. Блеснуло у гостя неожиданного что-то в жвалах, спустился мизгирь по седым волосам к шее, нырнул за воротник и воткнул иголку зачарованную прямо в спину домовому. Вздрогнул Бабай Кузьмич, руку занес хребет почесать, да упал мышью серою на пол. Затапал ногами, заругался, только вместо слов понятных один только писк и слышался. Паук довольно лапки потер и исчез из коморки.

Вернулся коргоруша, удивился, что домового нет. Бросил добычу на стол, вальяжно на кресле расположился. И тут вдруг мышку обнаружил. «Непорядок», — лениво подумал хозяйственный коловерша, и прыгнул с места в карьер. Раздался глухой удар тела об пол, мышинный писк и наступила тишина. Только ходики на камине громко время отсчитывали, провожая трудный день, приветствуя вечер.

ГЛАВА 19. Волчьи сны

Скрипя клыками от отчаянья, мчался Сириус по горам, по лесам, по синим морям в сторону царства Берендеева к опушке заповедной. Домчался до избы, но сразу на рожон не полез. Всадника в черном проводил взглядом и затаился, наблюдая за поляной и избушкой. День погас, стихли дневные звуки, ожили ночные жители. Вспыхнули на частоколе черепа светом призрачным, озарили все вокруг. Да только не в полную силу горели глазницы, потускнела сила магическая со временем. Давно видать, хозяйка не питала фонари свои.

Сидел волк в засаде и размышлял: как ему внутрь попасть? Кто его знает, когда Ферония последний раз тут околачивалась? Вдруг личина истлела? Шандарахнет его избушка магией по логове и пиши, пропало. Кто тогда Вечному лесу поможет? Чужал волк, мало кто про беду фейную в государствах чужих ведает. Сам и то случайно узнал. Двоедушница не глупа, пути-входы запечатала, небось, и на письма-вестники охоту спланировала.

Подумал так да и шагнул на поляну в облике человечьем. В кармане потайном колобок золотой трепыхнулся, то ли одобряя, то ли почуял что. Сириус осторожно чудо-проводника сквозь ткань погладил и скользнул к избе тенью незаметной. Подкрался к забору, принюхался, уши волчьи насторожил. Чуть ярче полыхнули огни синие в глазницах, посветлее во дворе стало. Но никто на встречу не вышел, чуйка звериная не дёрнулась. Обернулся Сириус добрым молодцем и тихонечко к воротам распахнутым подошел.

Постоял, хозяйство оглядывая. Головой покачал: вот что значит, чужая сила в доме царит. Ворота покосились, давно к ним рука человечья не прикасалась, петли не смазывала, на запор не закрывала. Во дворе тропка коняшками вытоптана, а вокруг даже в темноте траву высокую видать, не кошеную. Такого беспорядка в помине при живой-то Яге не увидишь.

«Жива, жива Ягинюшка! — стукнула мысль по темечку, отгоняя думы мрачные. — Чомора сказала, в плену она. В коконе каком-то. Подсказал бы кто, где он спрятан», — тоска ладошкой холодной сердце сжала, Сириус вострепнулся, плечи развернул, прогоняя хмарь

из души и шагнул гостем незванным в ворота. Пропустили его стражи Ягинины, створками не прихлопнули, огнем не спалили.

Подошел к избе волк, поклонился трижды, поздоровался, позволения испросил войти да переночевать. Никто не ответил страннику, дверцей не скрипнул, на порог не вышел. А так хотелось вдохнуть полной грудью ароматы сдобы да пряностей. С детских лет помнилось, как встречала волчат Ягиня в другом царстве-государстве, пирожками мясными потчевала, медом лесным угощала, ягодой красной душистой. Водил их наставник в гости к Хозяйке путей, знакомил, про устройства мировое объяснял.

Тоскливо стало волку, едва сдержался, чтобы не завывать. Взошел на порог, аккуратно дверь приоткрыл, приняхался. Затхлостью дыхла утроба деревянная, стылостью без огня и духа живого. В избе Сириус сразу свечи зажег да к печке метнулся. Заполыхали полешки березовые, озарили стены серые языками оранжевыми.

Симуран к столу подошел, на скамью присел. Скатерть серую разгладил ласково, крошки-пыль стряхнул. Стукнул потихонечку, чаю попросил и замер в ожидании. Чомора верила, артефакты Ягинины на личину сработают, с трудом, но признают магию хозяйки. Волк сомневался. Столько лет прошло, могла и выветриться, иссякнуть.

Кто-то тяжело вздохнул в темноте, будто ото сна долгого просыпаясь, и возле ладони Сириуса возникла кружка расписная. Пряный запах трав ароматных в ноздри впился, щекоча и сердце, тревожно замершее, отогревая. Волк скатерку погладил, поблагодарил, колобок из кармана достал, на стол выложил, обхватил чашку двумя руками и замер, убранство обветшалое оглядывая. Пил чай, думу думая: где Ягиню искать? А главное — как спасти, из кокона выволять? Про такое колдовство доселе симуран не слыхивал.

На этой мысли волка будто кто по затылку погладил ладошкой ласково и шепнул на ухо: «Утро вечера мудренее», — Сириус вздрогнул, оглянулся, приняхался. Тишина в избе стояла мёртвая: сверчки не пели, мышцы не шуршали. Только сердце его и билось о ребра громко до невозможности.

— Права ты, хозяйюшка, — негромко молвил волк. — Спасибо за чаёк, за гостеприимство. Отдохнуть и вправду не помешает. Позволишь?

Ничего не ответила изба, только на скамье широкой появилась подушка и покрывало лоскутное. Сириус ласково ладонью по вещам провел, скинул сапоги, улегся и неожиданно для самого себя провалился в сон, едва голова коснулась пуха лебяжьего. Скрипнула дверца, из темноты в горницу скользнул черный кот. Запрыгнул осторожно волку на грудь, потоптался, лапками, покрывало примаиная, улегся и замурчал, в прошлое Сириуса погружая.

* * *

И снится волку мир изначальный, боги молодые, ретивые. Первым свет увидел Велес — сына Рода, и стал покровителем всего живого. Однажды козлоногий Пан пытался похитить младенца, в подземное царство к Вию отнести. Да пока нес над морем, обронил в воды бурные. Люльку с Велесом прибило к острову большому. Пока несло по волнам, рос мальчик не по дням, а по часам. На сушу богатырем выбрался и тут же в драку полез. Злобный ворон белую лебедушку обижал, нападал, когтями железными тело нежное рвал, с собой унести хотел. Юноша страшную птицу одолел и обомлел. Лебедь белая девицей-красавицей оказалась, дочкой бога Сварога. Звали ее Азовушкой, владела она пучинами моря Азовского.

Полюбили они друг дружку, благословения у родителей испросили, поженились и стали жить-поживать, добра наживать на острове Буяне в море-океане. Вокруг дворца белоснежного дубравы раскинулись и леса еловые. На берегу дуб вековой стражем стоит. На том дубе кот Баюн покой молодых охраняет. К острову никого не пускает песнями своими колдовскими. А как детки у Велеса с Азовушкой народились, он им сказки сказывать стал, песни колыбельные петь.

Все хорошо было, да явилась в гости однажды Леля — сестра Азовицы. Влюбилась в чужого мужа отчаянно. Велес чувств девичьих не замечал, глаз с жены не сводил. В помутнении разума сгубила сестру свою разлучница. А возлюбленного прокляла, чудовищем оборотила, заклятье наложила страшное: до тех пор не вернуть Велесу облик свой истинный, пока не полюбит его девица красная в облике зверя ужасного.

Остался Велес на острове Буяне в одиночестве, чудищем страшным ночами от тоски по Азовушке выл, землю сотрясал дубы ломал. Стороной землю заколдованную корабли обходили. Пуще всего боялся корабельный люд зов моря услышать. Никому спасения от него не было: такая тоска души охватывала, что люди сами за борт бросались, чтобы её избыть.

Как подуспокоился Велес малость, ушел по землям странствовать, на чудо надеясь. Да только ни одной девице не пришелся ко двору бог заколдованный. Разъярился он, на остров вернусяи пуще прежнего воды морские мутить начал

Однажды прибило к велесову берегу купца заморского. Спас его Велес, *вы*ходил, на ноги поставил, в благодарность попросил у спасенного дочку прислать на остров. Но с условием: только ту деву пустит, которая за спасение батюшки сама в гости прийти согласится.

И пришла младшая, любимая. Сразу признал её Велес, а она его нет. Извелся, измучился бог заколдованный, глядя на любушку свою погибшую в облике человеческом. Но признаться так и не решился в любви, ну именов заветным позвать. Зато надумал отпустить Асюшку восвосяи. Да она отказалась, только в гости к батюшке и сестрам согласилась ненадолго уйти и через три дня секунда в секунду на закате обещала вернуться.

Шторма-ураганы три дня и три ночи буянили по всем водам — тосковал Велес, ожидая Асю, места себе не находил. Все ромашки изодрал на лепестках гадая «любит-не любит, вернется-не вернётся». Вот уж и солнышко к горизонту катится, третьи сутки с собой забирает, а любимой все нет и нет. коснулся диск темно-алый вод морских, вспыхнул луч последний и погас. Остановилось тот час сердце чудовище от боли нестерпимой, взвыл он тоскливо и рухнул на берегу подле дуба векового замертво.

В то же мгновение вспыхнули звезды яркие, задрожал воздух, гостью пропуская. Шагнула на песок белый девица красная, звать стала хозяйина дорогого. Да только тишина влажная и темнота беспросветная встретили Асю. Уж и каялась девица, прощения просила за опоздание: сестры неразумные время на всех часах перевели, не желая её отпускать. Но она все равно вырвалась и вовремя на остров вернулась. Всего на две минуточки и опоздала.

Тут луч хрустальный звезды путеводной высветил гору черную возле дуба старого. Дрогнуло сердце девичье, подкосились ноги резвые, душа от предчувствия нехорошего замерла. Кинулась Ася к чудовищу бездыханному, руками белыми обняла, слезами солеными оросила, и зашептала в ухо мохнатое: «Что же ты наделал, любезный друг! За что покинул меня снова, Велес мой славный. Неужто не признал до сих пор свою любушку? Я люблю тебя пуще прежнего! За тобой на землю в облике смертном пришла! Ты встань, пробудись, любимый мой! Я жить без тебя не могу, дышать не умею! Открой глаза свои синие, взгляни на Азовушку!»

Но молчало чудище, не откликнулся Велес. Вскинула тогда лицо заплаканное к небесам хмурым Азовушка в облике смертной девушки и закричала гневно: «Не жить нам порознь, но и его жизнь не отдам! Мою возьмите, а Велеса верните!» Громыкнул гром, ударила в вековой дуб молния, пала Азовушка замертво на тушу мохнатую, напоследок крепко обняв. Обменяла свою жизнь на жизнь любимого, и жертвой своей сняла заклятье с чудовища.

Очнулся Велес в теле своем, обрадовался: заплаканная Азовушка на груди его богатырской лежит, от слез устала, спит сном беспробудным. Да сколько не будил, так и не добудился. Понял несчастный бог, что натворила любушка. В горе разрушил дворец, дубы-ели повыворачивал. Остался один дуб вековой, цепями золотыми обмотанный. Когда успокоился немного, из одного ствола дубового выдолбил гроб просторный. Пухом лебяжьим выстелил, Азовушку туда уложил. Пологом прозрачным, из слез своих и тумана морского вытканым, укрыл, крышкой стеклянной прикрыл, и на самой макушке дуба вечного цепями намертво примотал.

Перед тем как уйти, скрыл от глаз людских остров Буян на веки вечные. Только голос свой тоскующий в ветвях оставил, чтобы время от времени раздавался он плачем страшным, отпугивая случайных гостей, если захочет кто беспробудный сон Азовушки потревожить.

Напоследок пришла нему Леля, покаялась, повинилась, весть от Рода принесла: не осталась незамеченной среди богов изначальных любовь истинная. Сказано было Слово: отныне и вовеки веков в любые времена и века, в любых обличьях и образах будут встречаться Велес и Азовушка всегда. И во всех назначенных жизнях любить друг друга. Если признают в чужих самих себя.

Очнулся от сна Сириус перед рассветом, увиденное вспоминая. Пудовые мысли в голове тяжело перекатывались, мешали в деталях вспомнить странное видение. Кто и зачем наслал на него такую явь, волк понять не мог. Отлежавшись, поднялся со скамьи и на улицу вышел. Тут и конь красный подоспел с всадником. Понеслись оба миру возвещать о наступление нового дня. Серый вслед им поглядел, потянулся и отправился по до двору в поисках колодца. Замысловатое сооружение с ведерком расписным нашел быстро. Только вода блестела монеткой малою на самом доньшке, до которого цепи прилично не хватало.

Задумался на такой оказией волк, постоял, огляделся, в избу вернулся. В рукомойнике к его удивлению, за занавеской в одном углу спрятанном, оказалась водица свежая. Умылся Сириус, чаю попросил. Невидимый дух самовар на стол выставил, баранок в миску насыпал. Волк поблагодарил за угощение, присел перекусить и думы свои невеселые в порядок привести. А задуматься было над чем.

Волчье чутье поблизости ни ручья, ни родника, ни реки не ощущало. А Чомора сказывала, что Ягиню схоронить могли только в воде, что зеркалом кривым все спрятанное искажает. А её-то и нет, даже в колодце. Сириус чай допил, хозяйке еще раз благодарственное слово молвил, волком оборотился и помчал по лесу в поисках ведуньи.

Рыскал долго, до холма дворцового доходил. К краю леса подбирался. До реки широкой добежал, царство Берендеево опоясывающей после болот непроходимых. Отчего-то назад тянуло. А к концу дня и вовсе слова Чоморы вспомнились: «Дык рядом с избой, не иначе. Далече прятать — связь истлеет. В избе — найдут скоро. Ты вот что... Ты лети туда, крылатый, да пруд али родничок какой поищи недалече. Вода — она лучше землицы прячет. Сквозь воду толково не разглядишь, даже в прозрачном ручье. Все вкривь да вкось видится. На-ко вот тебе, клубочек в помощники».

Обругав себя последними словами за глупость и беспамятство, полетел волк обратно к избе. Аккурат к выходу всадника черного

добрался к опушке. Обернулся человеком, внутрь вошел, хотел было клубочек из куртки достать да поиски продолжить, да сморила Сириуса усталость. Так и рухнул он на скамью в одежде и обуви.

* * *

И снился ему богатырь могучий по имени Дон Великий. И жена у его красавица — Ясуня Святогоровна. Долго он её добивался, пришлось битву великую за любушку отстоять. Чуть не погиб в бою ратном, да водица живая и мертвая помогла: соратников оживила.

Как кончились все недоразумения между Доном и родителями Ясуни, так и зажили они душа в душу, в любви и согласии. Только богатырю дома не сидится, все на подвиги тянет. Отправился богатырь по городам и весям себя показать, людей повидать. Долг ли коротко ходил-бродил, но вскоре слава о нем покатила по землям, приход богатыря опережая.

Стал Дон великим поединщиком, никто его одолеть не мог. Вместе с силушкой богатырской росла гордость и слава у Донушки. Уже и похваляться стал вслух, что в честном бою кого хошь одолеет, пусть даже и бога подземного, и Рода великого. Возгордился так, что люду доброму кланяться перестал, здороваться.

Домой вернулся и жена не той кажется: и не так умна, как он, не так красива. Печаль поселилась доме Дона и Ясуни. Жена все глаза выплакала, мужа ожидаючи. А как вернулся, плакать еще больше стала. Не приголубит, слова доброго не скажет, все коня богатырского холит да лелеет, сбрую начищает, меч натирает. А потом и вовсе на других заглядываться стал, подостойней пару себя выискивая.

Замкнулась, закрылась в себе Ясуня, сердце на замок заперла. Уйти думала, да сумела: душа прикипела к любимому, по живому рвать — с мясом-кровью выдирать. Да и сны снились странные, будто связаны они с Доном силой нерушимою. По утру снова плакала, за глупость себя ругая.

Сила Дона росла, память в нем пробуждалась. И настал день когда осознал он сея полубогом — сыном Рода в очередном воплощении. Уж и человеки славить его стали, подношения нести. Горделивый Дон просьбы не слушал, но покровительство оказывал.

Спускался к нему Семаргал ни раз и не два, увещевал, Слов Рода мудрое передавал: не в ту степь свернул ты, Донушка, вернись в себя, оглянись, с души и помыслов труху скинь. Не услышал Дон. Явь жизнь, похвалы и лесть воском уши богатырю залепили. Возгордился он пуще прежнего, похваляясь силою своей. Мол, настолько могуч я, что нет мне равных ни на землею ни на небесах. От того Род боится, что супротив него пойду да самым главным в Прави стану. И жену, ни друзей, ни волков небесных — посланников — никого не слышал Дон. Вызвал Рода-отца на поединок.

Вместо Рода явился на бой Денница в облике вепря дикого огромного. Сошлись богатыри в схватке жестокой. Ударил кабан небесный Дона в бок и хлынула кровь из него струей мощной. Кинулась к мужу Ясуня, рану ладошками зажимая, пощадить любимого землю-матушку умоляя. Услышала ее земля, приняла в себя кровь богатырскую и потекла по лугам и степям река полноводная, Доном Великим людьми её опосля прозвали.

Стоя на пороге смерти уразумел Дон то, что поведать ему пытались и о чем сердце шептало ночами темными во снах глубоких. Признал он в Ясуне жену свою любимую, Азовушку. Да только поздно. Путь его в Яви окончен был.

От горя Ясуня Святогоровна сердце из груди свое вырвала, в сундук заперла в речных водах утопила. И ушла за Край вслед за любимым. Так и ходит отныне и до века между мирами, сердце свое отыскать пытается. Кому поможет, кого накажет по справедливости.

Очнулся волк от боли в боку. Рукой тронул и поморщился. Кое-как со скамьи поднялся, свечу зажег и остолбенел: рубаха на боку намокла, рука кровью выпачкана оказалась. Ругнувшись вполголоса, рану зажав, Сириус полез был в мешок походный. Но пока одной рукой склянки лечебные доставал да разворачивал, из кожаной сумки, под ладонью хлопнуть перестало и боль ушла. Удивленный волк рубаху задрал, рану оглядел и ничего кроме подтеков на теле не обнаружил.

Отерев место странного ранения, Сириус на скамью присел, воды холодной из самовара в чашку плеснул и задумался, грудь потирая. Отчего в тот раз, когда здесь со Жданом ночевали, снов никаких не видели? По утру целые и здоровые просыпались? Вторую ночь спросонья грудь болит, будто топтался по ней кто, чудеса неприятные

происходят. А сны до того реальные, будто он сам все пережил, а не за чужой жизнью подглядывал.

Волк снова воды в кружку плеснул и ругнулся: только что холодный, самовар вдруг жаром пыхнул. «Видать, вещи магические связку терять с хозяйкой начали, раз через раз действуют. Надо ускориться, как бы страшного не произошло!»

С этими мыслями Сируис метнулся к уголок умывальный, привел себя в порядок, на ходу проглотил пару сухек, в два глотка выпил чай, волком обернулся и выскочил из избы. На улице белый день солнышком сверкал. Неприятно удивился Серый такому долгому сну. «Не к добру ох, не к добру!» — вновь пронеслась мыслишка в голове, и волк скользнул за ворота.

И опять, как сутки назад, с малого круга поиски начал. Носом землю рыл, в каждую щелку заглядывал. Не пахло водой, ручей не звенел поблизости, даже родник на глаза не попался, то ли нет рядом с избой, то ли место зачарованное чужой магией, то ли глаза кто-то отводит. От мысли такой Сириус аж на лапы задние присел, резко остановившись. Кому, как не домовому, хозяйку изо всех сил оберегать? Колдовство-колдовством, а хозяин существо чужое на порог, может, и пустит, купившись на маску обманную и помыслы чистые. То, что магия на воротах все еще действует, и личину на любого накладывает, это волк на себе испытал.

Вопрос в другом: что если домовый волшбу эту треклятую на всяком госте видит, а поделать ничего не может? Потому сам ото всех хоронится, разглядеть себя не дает, сторожится лишний раз, потому что увидеть скрытого под личиной не может? Тогда понятно, что дедушка от того места, где Ягиню держат, чужаков стороной отводит, приблизиться не даёт. На всякий случай. Раз обжёгшись на молоке, видать, теперь и на воду дует.

Только подумал так, как грудь заныла болезненно. «Ну, глупень, как есть глупень! — поднимаясь на лапы, фыркнул на себя волк, к избе возвращаясь. — Кто в избе любой, кроме хозяина, по человеку топтаться будет? На груди сидеть? Страхи нагонять? Только он, родимый. Не он ли сны на меня наводил? Что показать-то хотел?» — размышлял волк, к ягиной усадьбе летя.

Возле ворот волк остановился, дух перевел, хотел было в человека перекинуться да передумал. «А если я зверем зайду, сработает паутина

или нет?» — мелькнула мысль, и зверь осторожно скользнул к забору. Подумал немного, в сторону отбежал, перемахнул через частокол и едва под копыта коня не попал. Белый всадник домой возвращался, день к закату клонился.

«И как проверить — я это или не я? — обнюхивая себя со всех сторон, носом по ветру водя, размышлял Сириус. — Ладно, разберемся по ходу сказки», — решил и нырнул в избу. В доме ниче не изменилось. Самовар на столе, баранки салфеточкой накрыты, тишина нечеловеческая: половица не скрипнет, мышь не проскочит, сверчок не пискнет. Словно без хозяйки хоромы бездушными стали, живут себе и живут, а жизни не ощущают, радости нет.

Сунулся Сириус по углам, пытаюсь домового отыскать в волчьей шкуре, да не тут-то было. Кроме своих никаких ароматов не учуял. Зато возле печки кто-то ему по затылку будто черенком от метлы по затылку тюкнул. Моргнул волк и оказался в другой стороне от кладки побеленой. Смекнув, что к чему, Сириус позвал мысленно позвал домового, представился, бсказал, кто он и зачем пришел. Моргнул и в другом углу в себя пришел.

Упрямый волк раз за разом к печке подкрадывался, в шаге от нее садился. И вслух, и в мыслях звал домовика, только хозяин ни в какую: глаза отводит и хоть ты ему кол на голове теши. Только подумал Сириус про кол, как ему по темечку чем-то мягким прилетело и сознание отключилось.

ГЛАВА 20. Спящий царь и серая мышь

— Тьфу ты! Нечисть! Ты чего это удумал? А ну, возвращайся обратно! — выплюнув из пасти верещащую мышь, утираясь лапой, возмущенно рыкнул коргоруша. — Устроил тут цирк, понимаешь. Ты домовой или где?

Мышь, возмущенно усы топорща, поднялась на задние лапки и замахала передними на собеседника. Черный кот уселся напротив, голову склонил набок и удивленно вытаращился на зверушку, пытаясь перевести на человеческий язык непереводаемый писк.

— Ты чего, Кузьмич? Речь с перепугу отшибло? Ты нормальным языком скажи, а? Я этот твой писк художественный не понимаю! — котяра тоскливо вздохнул и улегся мордой на лапы, озадаченно дергая ушами и подрагивая носом. — Ну я же чую — ты это, кончая дурить, во дворце такое твориться, а ты тут в кошки-мышки играть затеял!

Подскочила мышь к широкой черной морде и с размаху зарядила лапкой по мохнатой щеке.

— Мы-а-р-р-ры-р! — рассерженно рявкнул коргоруша, на лапы вскакивая. — Кузьмич! Ты чего?! За что? За... Погодь! Ты говорить не можешь? — мышь быстро-быстро закивала головой, так что аж уши затряслись. — Правда, что ль? — кот выпустил коготь и осторожно потыкался в серое пузико.

Разъяренный зверек оскалился и погрозил лапкой, а затем громко клацнул острыми зубами в опасной близости возле наглой лапищи, всем своим видом демонстрируя.

— Ой, — подпрыгнул коргоруша. — Я это... проверить хотел... Вдруг ты — это все-таки не ты, а кто-то другой! Да понял, я понял! — плюхаясь на мохнатый зад и подальше пряча лапы от злобно верещащего мыша, ошарашенно забормотал зверь. — А... А делать-то что теперь? Царь окочурился... Ай... Не дерись! Ну не окочурился, дрыхнет сном беспробудным. Царица белены обьяелась. Ой... Да что ж такое-то! Ну не белены! Крыша у нее потекла... на почве ревности... Отстань от меня, монстр серый! — мохнатая тушка подскочила на месте, уворачиваясь от серого урагана. — Да ясный красный, буду культурно выражаться, — продолжая скакать туда-сюда на месте,

спасаясь от зубов острых злобно стрекочущего мыша, завопил кот. — Подумаешь, особи царские, правду не скажи, разумения своего не озвучь! — коргоруша запрыгнул в кресло и ворчал оттуда, косясь на разъяренного домового, в чужой шкурке. — В кои-то веки выслушаешь меня! Ай! — коргоруша вылетел из мягких подушек и взлетел на стол: мышиный домовый добрался до него и цапнул-таки за хвост исключительно в воспитательных целях. — Вот обижусь и съем тебя, — заныла наглая морда, сверкнув желтыми глазищами, на всякий случай подальше от края отодвигаясь. — А если серьезно, что делать-то будем?

Мышь заверещал еще яростней. Коргоруша развалился на столешнице, и только зрачками подрагивал, отслеживая возмущенные прыжки и взмахи тонкого хвостика потерявшего человеческую речь домового. Время шло. Кот глаза прикрыл, уши лапами зажал и лежал, тоскливо про себя думая: «Голосище у Кузьмича дай леший каждому. Даже в облике мышином судьбинушка не обделила: пищит так, что в голове отдаётся, а душа в пятки норовит ускользнуть. Толк бы какой с этого визгу заиметь. Ни ежа ж не понимаю, чего он от меня хочет!»

— Мыр-р-р? — приоткрыв один глаз, вопросительно муркнула моорда омхнатая, когда пищание подутихло, а мышь устало рухнул на подушку.

— Пи-пи-пи! — вяло отмахнулся лапкой домовый, переводя дух.

По комнате растеклась тишина долгожданная. Только треск поленьев в камине да робкий стрекот сверчков нарушал молчание сопящего мыша и мурчащего коргоруша. Спустя полчаса домовый подскочил, головой повертел, носом дёрнул, грозно пискнул и лапкой велел коту хвост вниз свесить. Зверь глаза демонстративно к потолку закатил, тяжело вздохнул, но просьбу выполнил.

Шустро взлетел упитанный комочек на стол и торопливо подбежал к чернильнице. Оглядел перья заточенные, прикинул свои возможности, лапкой топнул рассерженно. Да тут же зацепил взглядом карандашик маленький с блокнотиком, который сам же, будучи домправителем, а не серым недоразумением, таскал всегда в кармане штанов. Память памятью, а дел-то много, вот и записывал на бумажку, где ремонт мелкий необходим, где оборка на занавесках оборвалась, а то и мысль какую умную, чтобы по вечеру в тишине, чаёк попивая, обдумать да решение принять.

Мышь огрызок схватил, хвостиком листик перевернул и, язык от натуги высунув, принялся буквы выводить. Коргоруша чуть передвинулся, глаз один приоткрыл и за движениями хозяина следить принялся, улыбку в усах подрагивающих пряча.

— Ты чего удумал-то старый? А ежели она тебя там заметить? А ежели ловушек магических наставила на тебя в обличье мышинном? Чего? Мр-рыф! — кот возмущенно дёрнул хвостом. — Я? Тебя? Сожрать? Да как ты!.. Не ты? — коргоруша лапой бумажку к себе развернул и принялся читать послание от домового. — Говоришь, не ведала ведьма, что окромя меня никаких котов во дворце нет? Так и я не кот! А-а-а... Не зна-а-а-ла! Ну тады ка-а-а-анеш-на-а-а-а! — зверь довольно фыркнул, принимая похвалу: хорошо в роль вошёл, от настоящего котофея не отличим. — Думаешь, сработала магия-то? И ты... то есть я... э-э-э... короче, съел я тебя уже, что ли?

Мышь застрекотал еще яростней, лапками потрясая и всем своим видом показывая, что еще припомнит лохматому чудовищу минуту страха, которые пережил домовый в пасти у друга. Дай только облик истинный вернуть, коргоруша за шутку дурную отхватит по полной.

— Вот пр-р-р-ра-а-а-во слово, точно обижусь, — сердито сопя, заявил котяра, морду насупленную отворачивая. — Ну что-о-о ещё-о-о? — недовольно дернув ухом, нагло разглядывая скачущего перед носом домо-мышь, протянул коргоруша. — Я — против! Не понесу я тебя на растерзание ведьме проклятой! Ах, меня никто не спрашивает?! Ну ладно! — кот вскочил на лапы, возмущенно дёргая хвостом в стороны. — Сиди тут. Молча! Я на развездку! Вернусь — решим, куда тебя нести и что делать!

С этими словами коргоруша спрыгнул со стола, не слушая мышинные вопли, и растворился в воздухе. Как всегда, последней исчезла ехидная черная морда, скаля зубы в ухмылке. Кузьмичу ничего не оставалось, как пискнуть вслед непослушному коту, продолжить свою писанину в тишине, и ждать друга, время от времени прислушиваясь к дворцовым шорохам, шумам и скрипам.

Домовой в шкуре мыши маршировал по столу, коргорушу дожидаясь, время от времени что-то под нос себе пищал, хвостом размахивал, как шпагой, лапками махал. Дойдя до края стола, Кузьмич останавливался, прислушивался и дефилировал обратно. Скоро

воинственному мышу надоело туда-сюда без цели бродить, и решил он домашним грызунам смотреть устроить.

Замер Бабай Кузьмич посреди столешницы и задумался: голоса-то нет, как звать Его мышиное Величество? Попробовал свистнуть, как обычно, да тут же сам на себя лапами замахал: не свист, а недоразумение. Дудочку хотел было отыскать в сундуке своем, волшебную, старым недругом подаренную, да вовремя вспомнил, что на её зов мыши-крысы со всей столицы сбегутся, не только свои, дворцовые. Вспомнил про прутик ивовый, который ему Мышегрил подарил, король мышиного семейства из царских подземелий. На всякий случай непредвиденный. Стукнешь им по стене возле плинтуса три раза, ногой притопнешь, Величество на встречу и прибудет.

Обрадовался Кузьмич, со стола на кресло соскочил, оттуда по пледу на пол и помчался к сундуку заповедному, где куча нужных артефактов хранилась. Подскочил, на крышку взобрался, даром, что возраст, а вот поди ж ты, в мышинной шкуре как молодой скачет. Сидит, на тяжелый замок глядит и на себя ругается: мало того, что железка в полпуда, так еще ключ раздобыть с верхней полки надобно, к замку подтащить, вставить как-то да опосля крышку-то приподнять. А как это сделать, когда сам с ладошку?

Пригорюнился Бабай Кузьмич, присел на хвост, задумался: «Дождусь коргорушу, ключ принесет, в замок вставит. А как открывать будем? Сил не хватит, тяжестью магической придавлена плотно к краям, не поднимем без магии. А её и нет-то...» — вздохнул домовый печально и хвостиком по дереву стукнул не сильно, будто пальцами щелкнул. И опешил. Заверещал от радости, будто дитя неразумное: вот она магия-то родная, домовушная, в мышинной хвосте спряталась!

Засуетился Кузьмич, спиной к замку повернулся, через плечо оглянулся, на дужку три раза плюнул, через другое плечо дунул, хвостом прищелкнул, запор и открылся. Пуще прежнего заверещал мыш, заметался по крышке сундука, лапками всплескивая от восторга чистого. Будто в детство вернулся и впервые магию свою применил под приглядом батюшки.

Наскакался до колিক в боку, плюхнулся на задние лапки, дух перевел и вновь задумался: куда перебраться, чтобы крышку поднять магией, да самому с нее не свалиться. И придумал на стенку возле сундука забраться. Задумка показалась хорошей, да исполнение не

очень. Не рассчитал силу хвоста мышиноного, сундук распахнулся чуть не прибил незадачливого домового. Свалился Кузьмич за короб и застрял. Пыхтит, ворчит, все на свете ругает. Уже и представил как вернется кот черный наглый, выцарапает домового из-за стены и будет до скончания века шутки шутить да припоминать.

«Да чтоб меня, потомственного домового, комок шерсти спасал! Не бывать этому», — пискнул воинственно мышь, чихнул от пыли и вылетел стрелой из-за сундука, со всего размаха головой стукнулся о комод и плюхнулся на пол. Кряхтя и охая поднялся домовый на дрожащие лапки, силу возможностей ощупал, оглядел себя со всех доступных сторон и побрел к ящику.

«Стар я уже для таких подвигов. — размышлял по дорого Кузьмич. — Но если не я, то кто царя-батюшку спасет? А без государя мы злыдню не одолеем. Волшба — штука хорошая, но коли с принца вся история началась, им же и закончить надобно. А вот та ли эта история — ее вопрос...» Домовой до сундука добрался, внутрь шустро проник и обнаружил на самом дне прутик ивовый, в холстину замотанный. Вытащил наверх, размотал, скинул с края короба на пол и потащил к стене. Кое-как лапками мышинными перехватил да по плинтусу постучал.

— Эт-та-а-а-а что тут пр-р-р-роисходит? Цирк уехал, мыши нам достались? Кузьмич?! — возникший из теней коргоруша ошалело разглядывал, как по светлице Бабаевской мыши строем расхаживают, на плечах щепочки таскают на манер стражей с ружьями. А домовый и король мышиный на сундуке стоят и маршем мышиным дирижируют.

Мышегрил пискнул возмущенно, гордо нос задрал всячески кота игнорировать принялся. Мышиные войска на мгновение испуганно замерли, но потом признали в черной тушке своего и продолжили вышагивать по пять в ряд.

Кузьмич оставил Мышегрила наблюдать за войском и перебрался на стол, чтобы удобней было с котом общаться.

— Ты чего удумал, старый пень? Войной на царицу идти? Ведьму толпой загрызть? Ты зачем эт-то писклявое войско вызвал? И как сумел-то? Неужто... — до коргоруши дошло, что грызуны-помощники домового — не просто так тут оказались, а Кузьмич сумел их призвать. Магия вернулась!

Мышь гордо задрал вверх вытянутый в струну хвост и показал лапкой на кончик хвоста. И грозно погрозил лапкой, сжатой в кулачок. Черный кот предупреению не внял, на попу плюхнулся и расхохотался.

— Это что-о-о-о же... па-а-а-лочка-а-а-а волшебна-а-а-я-а-а-а у тебя теперь? Хво-о-ост ма-а-а-агический! Ма-ау-уа-у-уа-у-у-у! Ай! Ты чего? Уже и посмеяться нельзя, — обиженно заныл коргоруша, потирая нос, в который икорка колючая впилась и тут же растаяла. — Вот и дела-а-а-ай добро-о-о-у домовым!

Мышь угрожающе лапы в бока упер, хвост изогнул, прицельно кончиком в кота направив.

— Ну, ла-а-адно-о-о! — протянул коргоруша, на кресло запрыгнул и принялся остановку дворцовую рассказывать.

Слушал Кузьмич и слезы лапкам утирал. Царя-батюшку в сон беспробудный ведьма злобная погрузила. Царицу-матушку («Да какая она после того матушка!» — мявкнул кот) околдовала речами льстивыми, заботами ложными, та и повелась на дело черное, гиблое. Слуги царские будто и не в себе: улыбаются и распоряжения выполняют, словно и не люди, а куклы. Глаза круглые, пустые, что велели, то и выполняют. Сказали прыгать — прыгают, бежать бегут.

Поймал было коргоруша одного домовенка, да поговорить попытался. Не тут-то было: молчал, как рыбы об лёд, только по глазам и понятно, что не о конца ведьма его опутала. Лупает ресницами, а вымолвить кроме «чего изволите» ничего и не может.

Слушал Кузьмич, хвостом о край стола постукивая, голову ломая, как царя-батюшку разбудить и бесчинства прекратить. Тут-то коргоруша и признался: выловил он паучка да выпытал, что и как. Оказалось, булавка волшебная в сон Ждана погрузила. А воткнула её в темечко сама царица.

— А ну цыц мне, — рявкнул кот в Мышегрилу. — Чего развопился?

Мышиный король, взволнованно лапки заламывая, метался по сундуку и что-то верещал отчаянно. Кузьмич велел коту помолчать, внимательно речь грызуна слушая. Мышегрил писк свой закончил и замер на крышке, дрожа всем тельцем. А домовой зубы острые на радостях оскалил и лапки от предвкушения потер.

— Кузьмич, а, Кузьмич, не нра-а-а-а-вится мне твоя улыбка-а-а-а... Не пуга-а-а-ай меня-а-а-ау... Что удумал, черт ста-а-а-рый?

Мышь самодовольно ухмыльнулся, схватил карандаш и стал что-то писать. Живность замерла, не мешая Бабаю Кузьмичу план рисовать, а коргоруша глаза прикрыл и спать завалился.

Проснулся коргоруша от яростного писка в ухо. Домовой восседал на его голове, теребил за кисточки и пищал, требую внимания.

— Ну что-о-о-о там у тебя-а-а-а-у-у-у, — зевнул котяра, едва не скинув Кузьмича с загривка.

В последний момент мышь удержался, лапками пребольно ухватившись за правое ухо.

— Ай! — рыкнул коргоруша и лапой стряхнул вредного мыша со своей головы.

Домовой отправился в полет, но в последний момент был перехвачен когтистой лапой и аккуратно водружен на стол.

— Да-а-а-а-вай свою-у-у-у писульку-у-у-у, — потягиваясь, муркнул черный кот.

Домовой ткнул ему в нос бумажками и сердито засопел. Коргоруша цапнул записки, в кресле вальяжно развалился и принялся изучать каракули домового.

— Ну а что-о-о-о, может и получи-и-и-тся, надо-о-о про-о-о-обовать, — прочитав всё, кивнул головой короверша. — Ко-о-о-о-гда на дело пойдём? — зыркнул на мыша желтым глазом, протянул помощник.

Бабай Кузьмич задумался, потом на часы глянул и показал три пальца. Кот согласился, что через три часа на выручку царя-батюшки идти самое то и снова завалился спать. А домовый мышей собрал и отправил их по дворцовым комнатам на разведку. Сам же на полку книжную отправился, отыскал старую книгу и с помощью Мышегрила, магии и какой-то странной мышиной матери свалил её на пол. Коргоруша проснулся, свое возмущение высказал шумом устроенным, и опять унсул. Домовой протесты кота проигнорировал, отправил короля мышиноного следить за королевой и феей темной, а сам принялся страницы перелистывать, надеясь отыскать в фолианте совет, как из мыша в свою шкуру вернуться.

Долго ли коротко, но нашел-таки условия заговора, пригорюнился. По всему выходило, только в зеркале волшебном увидеть можно, в какое место вошла иголка заговоренная да где узелок завязан на погибель. Вот только где его взять то зеркало. Сокрушался

Бабай Кузьмич недолго, мышинные шпионы примчались с новостями последними. Домовой доклады выслушал и отправил армию отвлекающими маневрами заниматься: на кухне беспорядки устроить, горничных напугать, платья царицыны погрызть. Самых талантливых заслал в покои Февронии обстановку разведать, выяснить, где зелья волшебные хранит, подслушать-подсмотреть.

Сам же коргорушу разбудил, взобрался на него верхом и дорожками теньвыми в покои Ждана отправился. К тому моменту как добрались до опочивальни царя-батюшки по всему дворцу визги женские раздавались, слуги бегали с веерами и солями пахучими, дам придворных в себя приводили, потому как горничные вместе с барынями все как одна без чувств свалились от мышиноного нашествия.

Серая армия потоком лилась по коридорам, разбегаясь ручейками по комнатам и жилым помещениям. Наглые мыши всюду лезли, на головы и кровати заскакивали, кушанья, не боясь, из тарелок выхватывали. В шкафы лезли, бумагу-ткани кто грыз, а кто с собой в норы утаскивал. Царица Зинаида с ног сбилась, как в себя пришла, пытаясь хаос во дворце прекратить. Не тут-то было.

Его Величество Мышегрил Трёхголовый самолично решил почтить особу королевскую своим присутствием. Первой мыша с тремя головами увидела государыню, да так на руки придворным девицам и свалилась. Дамы захлопотали над королевой. Но хитрый мышь на трон взобрался, хвостиком прицелкнул и заверещал во все свое горло мышинное. Барышни как одна рядом с царицей и полегли. Только что в табеля сами собой не уложились, веером кружевным разноцветным рассыпались.

Одна Феврония спокойно в апартаментах своих находилась, с зеркалом разговаривала, за королевой Амбреллой подглядывая. Но и до неё вскоре волна воплей докатилась. Покинула свою комнату темная фея и едва в обморок не грохнулась от ужаса. Едва дверь открыла, как в комнату серая море хлынуло, живое, верещащее, норвящее по платью на голову взобраться, под юбки пролезть. Взмахнула рукой Феврония, желая молнией огненной по мышиным спинам пройти, да вовремя сообразила: скакнет огонь на стены, драгоценными породами деревьем отделанные, и полыхнет пожар. А спасать некому, все мышиным нашествием заняты.

Подхватила темная фея юбки пышные и начала пробираться в палаты царские к крестнице, воздушной волной путь себе расчищая. До поворота кое-как добралась и застыла истуканом каменным: навстречу массе серой двигалась тьма черная. В один момент серое с черным объединились, перемешались и с удвоенной силой хлынули дальше по коридорам. Отмерла Феврония, брезгливо губы поджала и с утроенной силой стала путь себе расчищать в тронную залу, магией и ногами крыс и мышей от себя отпихивая.

Мышегрил постарался, отправил гонцов в королю крысиному, помощи запросил в борьбе нелегкой с ведьмой темною, что обман царя-батюшку сгубила, дворец захватила, домового околдовала, домовят в кукол бездушных превратила.

С большим трудом Феврония к Зинаиде добралась, мышей и крыс возле двери расшвыряла и в зал проникла. И снова застыла изваянием, картину престранную наблюдая. Только девица в себя приходит, как тут же снова в обморок падает. Царица и вовсе на полу лежала, в себя не приходя, полностью мышами облепленная.

Темная фея в себя пришла, воздушную плеть по комнате запустила. Серое покрывало заверещало, по углам разлетаясь. Один король мышиный Мышегрил Трёхглавый на троне остался. Увидел Февронию, напыжился и в размерах вырос раза в три. Царьком пузатеньким на троне сидит, скипетром из кости куриной в сторону ведьмы тычет, монотонно под нос что-то себе пищит.

Мыши в себя пришли, в кучу собрались и в сторону Февронии рядами стройными зашагали. Дунула ведьма, через плечо плюнула, да не тут-то было. Держит Мышегрил свой жезл, прикрывает подданных магией, маршируют серые воины оскалив зубы и хвосты воинственно задрал.

Разозлилась Феврония, ногой топнула, пальцами щелкнула, заледенели стены и пол, покрылись спинки пушистые льдинками колючими, но марш свой мыши продолжили. Вот уже и первые ряды до феи добрались, по юбке взбираться стали. Вновь плетью невидимой взмахнула Феврония, но тут мыши разом все на нее кинулись, острыми зубками куда попало впились. Завизжала ведьма благим матом, проклятья из уст её так и посыпались.

Одно из них прямиком в мышиною царя полетело. Да в шаге о стену мышиную разбилось. Живым щитом закрыли подданные короля

своего Мышегрила, да так и замерли стеной каменной возле трона царского. Его Величество громко пискнул и разом мыши с Февронии схлынули, по углам, по теням разбежались. Напоследок Мышегрил скипетром взмахнул, воздух испортил и был таков.

Разъяренная Феврония в платье разодранном, с прической испорченной рванула было из тронной залы, да не тут-то было. Серо-черное море хорошенько двери подперло, не войти, не выйти. Сколько не стучала фея, не ругалась, кары страшные на головы стражей призывая, никто на ее призывы не откликнулся. Охранники, как только крыс увидели, там копыя побросали и сбежали во двор подальше от мышино-крысиного безумия.

Наплевав на крестницу бесчувственную и дам придворных, ринулась темная фея к окну, створки распахнула, птицей обернулась и вылетела вон из дворца. На ближайшем дереве примостилась, отдышалась и принялась оглядываться. Зачарованные домовята как один куклами оболваненными стояли, глазенкам лупали бездумно. Феврония успела заметить, как очередного домового с крыльца мыши толпой вытолкали и собратьям допинали.

Слуги человеческие бестолково носились кто куда по двору. Девицы и бабы все как одна в лёжку лежали. Даже самые смелые не выдерживали серого ужаса и в обморок падали. Мужики колья хватили, метлы, и здание штурмовали, пытаясь мышей и крыс изгнать. Но не тут-то было. Серо-черная масса поднималась выше роста человеческого и обрушивалась на смельчаков, под собой погребая. Бойцы теряли орудия и на четвереньках покидали поле боя.

Птица серая взглядом дворец окинула, с ветки вспорхнула и напрямиком к своим окнам понеслась. Влетела Феврония в свою опочивальню, об пол ударилась и вновь человеком обернулась. Огляделась вокруг да к шкафу кинулась. Распахнула дверцы, сундук вытащила, крышку откинула и принялась вещи выкидывать, до дна добираясь. Наконец, обнаружила ларец заветный и замерла, оглядывая замок.

В тот же миг зашипела яростно, обнаружив нити разорванные, колдовство изгрызенное. Раскрыла ящичек и завыла тварью раненой: исчезло из сундучка зеркальце волшебное, с коим всегда разговаривала. В туже секунду пальцы темной феи удлинились, когтями обернулись, тело изогнулось, меняя размер и форму. И вот уже

посреди комнаты стоит и не фея вовсе, а ящер огромный с хвостом шипастым. Из пасти яд капает, меж зубов острых язык змеиный извивается.

Шагнула ящерица в дверям, полкомнаты разнесла хвостом. Раскучорила вход, из опочивальни выбираясь, распахнула пасть и кинулась в гущу серо-черную, направо-налево хвостом и лапами мышей-крыс круша, ядовитыми зубами клацая, слюной во все стороны брызгая.

Заверещали зверушки, в смертельной агонии забились, на врага всей армией кинулись, да силы не равны. Тварь по коридорам скользит, лапами мышей давит, кого в пасть закинет, того проглатывает. Крыс из толпы выхватывает, тушки перекусывает и выплевывает. Долго билось крысино-мышинное войско, да только бестолку: шкуру ящера зубами мелкими не прокусить, не повредить сильно. Гибли полчища грызунов бессмысленно, на рожон лезли почем зря. И повелел Мышегрил отступать.

И схлынуло море серо-черное, отступая в тени, норки, под плитуса прячась, оставляя за собой тела серые и черные товарищей погибших. И наступила тишина во дворце. И обернулся ящер страшный Февронией. И рывкнула фея темная голосом нечеловеческим, слуг призывая. Затопали ноги, засуетились люди, застучали совками, зашкребли вениками царские хоромы в порядок приводя.

Феврония в себя пришла, платье сменила и вновь в тронную залу направилась, брезгливо подол придерживая, серые тушки носком туфли отбрасывая. На ходу размышляя: кто осмелился в покои её проникнуть, колдовские замки сумел взломать. И не замечая мыша упитанного верхом на коте черном, что на пару её до дверей в царские апартаменты провожали, в тенях прячась.

ГЛАВА 21. Снежная королева

Мысли звенели в голове хрустальными льдинками. Сердце давно не ощущало жара живого сердца. Серебристые волосы Амбреллы полностью почернели. Убранные в изящную высокую прическу они смотрелись необычной короной. Сине-зеленые капли вспыхивали в королевском венце, спрятанном в завитках, отражались от ледяных стен и холодными звездами возвращались в драгоценные оправы. Изящный дворец волшебного королевства фей, еще недавно увитый цветами и плющом, благоухающий нежными ароматами, с разноцветными витражами, в которых играли солнечные зайчики, превратился в ослепительно белый до призрачной синевы замок.

Высокие шпили замерли ледяными сосульками, испарывая небо. На них больше не развивались веселые разноцветные флажки. Вековые дубы застыли мертвыми великанами в белоснежных пуховых шубах. Изумрудные опушки, усыпанные цветами, спали под покровом снега. Изящные ледяные статуи единорогов разбавляли белое безмолвие Вечного леса. Иногда попадались лисы и зайцы, ежи и белки.

Очень редко — фигурки фей. Шум, смех, суэта нынче не в почете. Услышит королева, глянет равнодушно, вот и фигура новая в снежной коллекции. Их милые ледяные лица не утратили своего очарования, а щечки и губки розовели в полдень от случайно пробравшегося в заколдованный лес солнечного луча.

Тишина окутывала лес. Она сводила с ума, завораживала, убаюкивала, предлагала прилечь отдохнуть на изящное мягкое покрывало. Лесные жители быстро поняли: смертельно опасно прислушиваться к шепоту, который проникал в уши, стоило только выйти на улицу из норок и домиков. Запасливые елки поделились маленькими шишками. И теперь каждый, кто по делам выбирался наружу, затыкал уши, чтобы в живых остаться.

Черной госпожой окрестили подданные любимую фею Амбреллу. С недавних пор Её Величество полюбила бродить по лесу, выискивая яркие краски. Беда стучалась в двери тем, кто забыл плотно занавесить окошки, законопатить щели. Засовы и замки рассыпались ледяной

крошкой от прикосновений ледяных ладошек. Королева входила в дом и гасила краски, замораживая всех, кто под руку попадался.

Больше всего огонь не переносила Амбрелла. Тонкие черты лица её искажались яростью. Почти прозрачные серебристые глаза темнели до серого олова. Подойти к камину королева не могла. Но и силой большой костерки домашние не обладали, чтобы инею с заморозками противостоять.

Дубовод Семидневич, прозванный Зим Зимычем легко справлялся с оранжевым цветком. Ручные вьюги быстро гасили пламя и сытые возвращались к своему бессловесному хозяину. Королеве оставалось только взмахнуть рукой и превратить дом и все живое в нем в очередной ледяной зал с прозрачными статуями. Некоторые из них, особо удачные, молчаливые феи, обращенные в завихрух, трескунцов и студенцов забирали во дворец Черной королевы, украшали покои Амбреллы.

Вместе с лесом изменилось и Зеркало. Еще недавно красивая деревянная рама, увитая виноградной лозой, заледенела. Стекло покрылась морозными узорами. Часами фея гляделась в Зеркало, слушала его шепот, вглядывалась во что-то, доступное только ей. Но вскоре оставшиеся не заколдованными жители Вечного леса заметили: после сеансов таких Амбрелла покидала дворец и шла к трем соснам. Долго стояла на границе с миром людей и наблюдала издалека за тем, как развеваются флаги на шпилях королевского замка.

Трижды пыталась выйти за пределы заснеженного мира королева. И трижды в ярости возвращалась под сень вековых дубов. Огонь солнца удерживал Амбреллу в ледяном королевстве фей. Черная госпожа злилась, возвращалась к Зеркалу и искала ответ на вопрос: как обойти законы и покинуть с армией ледяных слуг Вечный лес. Мечь, о которой живое сердце Элочки не помышляло, холодной змеёй оплело кусок льда в груди королевы фей Амбреллы.

И однажды она нашла способ. Для этого пришлось уничтожить дух леса — хранительницу Чомору. Когда последний оплот любви пал, рухнули колдовские границы, выплеснулась зима наружу и белоснежной рекой полноводной покатила по летним лугам и полям, сжирая тепло и яркие краски.

Зачарованные феи носились по лесу снежными вихрями в поисках тех, кто еще не принял власть Черной госпожи, отыскивали и во

дворец отводили. Из палат королевских никто не возвращался: обращала Амбрелла пленников в слуг безропотных, магией зимней награждала. Белыми призраками наполнилась поляна перед крыльцом королевским. Молчаливыми статуями стояли снежные воины в ожидании приказа своей повелительницы.

И однажды вернулись ни с чем слуги верные. Пришел час мести. Велела Амбрелла упаковать Зеркало, коней призрачных запрячь в сани узорчатые. Вперед отправила бывшего лешего, ныне Снежича — раба своего верного. Вышел Дубовод вперед армии ледяной, взмахнул правой рукой — пурга лютая помчалась по лесу Вечному, вырвалась на свободу, в один миг небо тучами свинцовыми затянуло. Бабы и девки, кто недалеко от королевства фей грибы-ягоды собирал, сбежать не успели, так глыбами ледяными посреди поля снежного и замерли.

Махнул Снежич левой рукой, и сорвались с поводка псы сивые лютые — духи зимней стужи. Понеслись стаей голодной в деревеньки подле леса: кого прихватят, того насмерть морозят. Поднялся вой по всей округе. пока гонца в царские хоромы за помощью отрядили, половина сел в ледышки да сугробы превратились. Кивнула Черная госпожа головой и заскользил по сугробам аршинным Снежич, армию призраков за собой повел. Амбрелла ледяным изваянием в санях восседала, на мир равнодушно глядя. Только изредка голову к плечу склоняла, будто прислушивалась к чему-то.

Медленно, но верно стужи и вьюги колючие, пурга и вихри снежные продвигались по землям человеческим, за собой оставляя поселения пустые. Мужики и бабы, девки и парни, дети малые — все пополняли армию призраков после того, как Снежич с подручными проходил по деревне. Мало кто успел сбежать. А предупредить и вовсе не смогли никого во дворце.

Когда первый беженец с вестями страшными к царским хоромам добрался, Ждан I Бесподобный спал сном беспробудным и не ведал, что в государстве его творится. Царица же вместе с подданными в обмороке пребывала от неслыханного до селе нашествия мышинового.

Пока разобрались с грызунами, пока жизнь во дворце кое-как после бедствия наладили, пока до Зинаиды сбежавший пробился, так время и опустили. Армия снежная под стенами града столичного оказалась. Кольцом призрачным опоясала и замерла, приказа Черной госпожи ожидая.

Растерянная царица кинулась к крестной за помощью и застала Февронию возле окна в полной прострации: тёмная фея понять не могла, что произошло и как такое возможно. Заговор прямой сама делала на погибель Амбреллы и Вечного леса. Зеркало исправно работало. Морок в сердце прокрался, душу Эллочке замордовал-запутал. Откуда сила такая невиданная объявилась? В чем она ошиблась? Границы крепко держали колдовство страшное в пределах королевства фей. Ни к чему бывшей императрице такие напасти, собиралась она царство-государство Жданово к рукам прибрать, да не такой ценой. После зимы лютой и подручных её белое безмолвие вместо городов и сел останется, если морок дальше путь проложит.

Из ступора Февронию вывела Зинаила, в истерику впавшая. Голосила царица и руки заламывала, в ногах валялась, умоляя мужа пробудить, авось спасет-защитит. Никак государь, тайнами владеет разными да и у ворот стоит никто иной, а возлюбленная его бывшая, можно сказать — жена первая.

Рявкнула на нее фея крестная, повелела в руки себя взять да приказать во всех каминах и очагах огонь развести. Стражам велено было запалить костры высокие по всем стенам охранным, на площадях и во дворах. Глашатаи надрывались указы царицы озвучивая. Зябко плечами поводили, ладони в рукавицы прятали. Вьюги-вихри нет-нет да в город проникали, по улицам поземкой проносились, оставляя после себя узоры морозные, сугробы высокие.

Жители утеплялись, кто чем вооружались, детей в клетки теплые прятали. А крикуны царские не унимались: всех затребовала под ружье царица Зинаила по наущению советчицы своей. Прощались мужья с женами, женихи с невестами, холостяки с родней, одежду теплую прихватывали, варежки да сапоги зимние и шли на дворцовую площадь.

Запылали костры ярко на стенах и на площадях. Подсчитали запасы угля и дров, ужаснулись: долго не продержаться. Маги придворные подключились, теплой волной столицу опоясали. да только магия дело не надежное, подпитка её нужна постоянная, как и самим волшебникам.

Зинаида к фее посланника отправила. Не вернулся гонец. Чины военные разведчиков и шпионов засылали в ледяную армию, сгинули все как один. Феврония злилась: зеркало пропало, не подглядеть, не

спросить, не сил позаимствовать неоткуда. На глазах рушились планы подготовленные, не один год лелеяные. Хорошо хоть каменьев в последний раз прихватить успела, помогут если не отбиться, то самой спастись.

Потянулась было Феврония ко второму зеркалу, что у Амбреллы находилось, пытаюсь через связь стеклянных близнецов узнать, что творится у супостата. Да не тут-то было. Золотые ниточки в зазеркалье быстро в ледяные иголки превращались и осыпались снежной крошкой. Не пускал морок на свою территорию никого.

Тут-то и дошло до Февронии: не сам ли Морок припожаловал через проход открытый. Хоть и не призывала его, да через слугу своего ему в любой мир дорога открыта. А если так, то шансов почти никаких на спасение: не упустит бог лжи, обмана, болезней и скрытого пути своей выгоды. Да и не за ней ли он пришел? Не старейшины что прознали? За теми, кто путь Правды искажал, судьбы путал, Морок лично приходил. А перед тем как забрать душу провинившуюся, наказывал жестоко, чтобы другим неповадно было.

«Правда на моей стороне! — гордо вскинула голову Феврония, в себя приходя. — Мечь моя правая, всем по заслугам раздаю! Нечего мне бояться, даже если сам пришел, без боя не сдамся. Растопчу фею! Дети за родителей в ответе! Вот пусть за мать свою и несет крест!» То, что сама же королеву Левзею (матушку Амбреллы) с мужем наказала, спровадив в другой мир, разлучив и память подчистив, Феврония благополучно предпочла не вспоминать.

— Так, слушай меня внимательно! — разворачиваясь к Зинаиде, заламывающей руки, рывкнула «добрая» крестная. — Хватит реветь. Тут либо хитростью либо неожиданностью надо. По-другому никак, — Феврония ненадолго задумалась. — Хитростью вряд ли. Если за этим стоит тот, о ком думаю, обмануть не удастся. Сам кого хочешь обманет. Хватит реветь я сказала! — повысила голос фея и пальцами прищелкнула.

Зинаида остолбенела посреди комнаты, судорожно воздух глотая, слёзы глотая и испуганно глаза тараща: голос у нее пропал полностью.

— Успокойсь — верну, — равнодушно молвила Феврония, к окну отворачиваясь. — Видишь, сама Амбрелла на рожон не лезет, в снежных вихрях прячется. В первых рядах твои подданные стоят. С ними мороки... — тут фея споткнулась, обругав себя мысленно: еще

не хватало, чтобы сам пришел, сделав вид что она его позвала. — С ними замор... проблем с твоими людьми не будет. Вели палки тряпками обмотать, в горючую жидкость обмакнуть. Каждому горящий факел вручить и оружие: меч, кол, копья. Огнем в лицо и сразу наотмашь, по голове или по туловищу.

Не слышал ответа, Феврония обернулась, глянула на крестницу, поморщилась.

— Поди умойся, в порядок себя приведи... царица, — и рукой махнула, голос Зинаиде возвращая. — Сама все скажу генералам твоим.

С этими слова, не глядя на задыхающуюся государыню, темная фея стремительно вылетела из комнаты. По пути отправила домовенка горничной, велев к государыне отправить. Сама же во двор спустилась, к ратникам. Мысль свою сотникам да старшим озвучила, обещала подмогу магическую, велела в глаза не смотреть и ни на какие голоса в голове не реагировать. Хмыкнула в ответ на вопрос про голоса и пояснила: если песнь снежную в дело фея Амбрелла пустит, зашепчут-запоют в голове призраки, убеждая лечь отдохнуть. Прислушаешься, поверишь — тут тебе и смерть придет на мягких лапах с пуховым одеялом: приляжешь в сугроб и не проснешься.

Богатыри впечатлилась, поблагодарили и начали готовиться. Общим сходом порешили: не ждать милости от врага, самим напасть неожиданно, как только первые чугушки с углями готовы будут. Феврония затею одобрила, зябко плечами передернула, велела службе шубу принести. Сама же на стену отправилась поглядеть, что да как.

Карета скоробежная безлошадная мигом ее до стен городских доставила. Через скрытый ход стражники проводили Февронию вверх. Укрывшись за зубцами широкими, оглядела темная фея войско снежное, поморщилась. Плотной стеной стояли зачарованные селяне, не двигаясь, молча. Белые, с пустыми глазницами, в коих только лед синий отражался, стояли людишки неживые не мертвые. «Главное, чтобы не прознал никто, что из оболочки ледяной человечков вытащить можно. Иначе атака захлебнется, не начавшись», — отстраненно подумала Феврония и велела одну её оставить.

Как только стража покинула площадку смотровую, фея подальше за широкие стены спряталась, глаза прикрыла, дыхание успокоила и отпустила душу вторую полетать. Вырвался дух птенцом из уст

раскрытых, в ворона вырос и полетел над полями снежными. Все, что видел глазами призрачными, то и Феврония разглядеть могла. Все, что слышал, фея слушала. Облетел полчища снежных воинов, а до Амбреллы добраться не сумел: ледяной дождь стеной от люда замороченного ограждал Черную Госпожу, не пуская к ней никого, кроме Дубовода Снежича да фей ледяных.

Вернулся ворон ни с чем, очнулась Феврония, задумалась: не учуяла птица ни самого Морока, ни духа его. Пахло магией зазеркалья да колдовством, что сама же и напустила на королеву фей. «Откуда тогда силища такая, магия зимняя? Чего не учла? Где просчиталась? И почему до сих пор высшие не вмешались? Закон-то нарушен: Амбрелла войну начал против людишек?» — размышляла тёмная в который раз в снежную заверть вглядываясь, пытаясь разглядеть то ли бога, то ли еще кого, додумать не успела. Страж её негромко окликнул, о готовности доложил. Феврония выслушала, велела царицу из дворца не выпускать ради безопасности, охрану обеспечить ей и государю спящему, и приказала действовать.

И началось.

Распахнулись ворота тяжелые и двинулись войска богатырские на супостата ледяного. По наущению Февронии у каждого в руках факел и орудие острое. Первые ряды смяли легко. Рассыпались снежные воины под ноги комьями ледяными, радовались нападавшие, пока кто-то в ледяном монстре брата не признал. Не поднялась рука на кровь родную, хоть и заколдованную. Окликнул по имени, да так и замер, остолбенев, посреди поля ратного. Едва увернуться успел от осколка в руках родственника.

Но тревожная весть волной раскатилась по войску: живы, мол, живы деревенские, коих в чудищ бездушных обратила фея леса. Раз на имя откликается, значит, помнит еще себя. И надобно звать-кричать, авось откликнуться снежники, а не топорами рубить и огнем палить. Люди начали оружие бросать и факелами запугивать войско ледяное, отгоняя подальше от стен городских, стараясь огнем не опалить. Кого узнавали, по именам окликали. Некоторые даже отзывались на мгновение. Замирали посреди битвы, на позвавшего оборачивались.

Но морочная магия штука сильная, если захватила в плен, просто так одним окриком не вырвешься. Спустя мгновение снежный человек снова на защитника буром пёр, сосулькой размахивая, в сердце живое

угодить норовя. Так и захлебнулась атака. Живые человеки начали к стенам столицы отступать, не желая своих убивать. Как не бились командиры да сотники, все бестолку. Приняли ворота последнего отступавшего и отрезали город от белого безмолвия.

Разъярилась Феврония, глядя на такое неповиновение. Приказала со стен на головы нападавших жидкий огонь из котлов выливать. По взмаху руки городские жители, возмущенные отступлением, разом котлы подняли да и опрокинули на супостатов, кои вслед за сбежавшими к самой крепости подобрались.

Зашипел снег, взорвались комьями тела снежные. И единый вздох ужаса вырвался из людских глоток. Вместо сугробов ледяных растаявших снежное поле покрылось кровью алою. А тут и бойцы с новостями подоспели со своими рассказами. Горожане и вовсе закручинились: как против своих родных оружие поднимать, ежели спасать их надобно от морок ледяного?

Пуще прежнего взъерепенилась Феврония, когда поняла, что жители столичные отказываются воевать с армией зачарованной. Как не уговаривали её полководцы и маги, слушать никого не желала, требуя вновь в атаку идти. Когда осознала, что человечки собрались глухую оборону держать, покуда маги попытаются отыскать способ расколдовать несчастных, взбеленилась еще сильнее. В лице потемнела, колдовать начала.

Сгустились тучи свинцовые над градом столичным, ударили молнии. Стоит Феврония на крепостной стене, губами шевелит, руками пассы творит. Попытались было её остановить, да не тут-то было: защитный купол невидимый накинула на себя фея темная, всякого, кто ближе десяти шагов подходит, откидывает далеко и надолго без сознания оставляет. Не отвлечь ведьму, не прорваться, чтобы связать да в темницу кинуть. А тут и первая волна магии от Февронии хлынула.

Горячим южным ветром обдало всех, кто рядом стоял, лица обожгло и дыхание перехватило, кого закружило да с ног опрокинуло. Метнулся южак на противника, в стороны снеговиков расшвыривая, за собой снег загребая, землю обнажая. Гость с юга — опасный противник, его порывы настолько сильны и могучи, что утягивают за собой не только людей и покров снежный, но и постройки разрушает и корабли за собой утаскивает.

Полегли-полетели ледяные воины. Раскидало-растащило их ветруганом далеко от стен столичных. В секунду домчался южак до места, где Темная госпожа в санях разместилась, окруженная слугами верными, зверьем могучим, феями прозрачными с Дубоводом Снежичем во главе. Долетел и... исчез, будто его и не было. Только и успели заметить вспышку ледяную, что мелькнула, вихрь поглощая. Тут-то и осознала Феврония — то не господарь Морок пожаловал, то демон зеркальный пробудился, почуял души живые, эмоции Амбреллы распробовал и задурил-заморочил её голову видениями и мыслями разными.

Своё зеркало темная фея несильно пищей баловала, в узде держала. Подношения редко делала, боялась переборщить и власть над ним потерять. А теперь по всему выходит, что Зеркалица — душа зеркальная — морока хлебнула, власти глотнула, сила-то в неё и выиграла волшебная. А ну-ка сколько народу под её дудку заплясало магического.

Растерялась Феврония: одно дело фею добродушную зачаровать, к рукам прибрать вместе с Вечным лесом и его жителями, совсем другое — потустороннюю силу покорить, которая не на шутку расходилась, в душу феи глубоко проникал и управляет теперь её разумом и сердцем. Беды хуже не придумаешь. Тем более, ни в одной книге о таком колдовстве не сказано, как с ним бороться — неведомо. То, что Зеркалица жаждет к рукам все прибрать, ясно и без слов. Вон как стремится всех околдовать магией морока — единственной, которая иллюзию управляет, марионетками все живое делает, души отбирая.

Против союза Зеркалицы, поселившейся в теле зачарованной королевы Вечного леса с её природной магией, пропитанной нынче магией морока ледяного мало кто из живущих сумеет справиться. А ей, двоедушнице, такое не под силу. Нет в ней любви и нежности, одна месть в сердце живет и ненависть к тем, кто матушку погубил.

С этими мыслями Феврония собралась было исчезнуть из града столичного, бросив всех на произвол судьбы, себя спасая. Судьба крестницы и человек е её не волновала. самой бы ноги унести. Если Зеркалица до нее доберется — не сдобровать темной фее: сколько лет в путях часть души зеркальной держала, приказы приказывала, силы собственные подпитывая магией стеклянной да в ящик после запирала

волшебный. Стены короба, тьмой пропитанные, не давали зеркалу по мирам гулять, эмоциями напиться.

Крутанулась Феврония на месте, юбками взмахнула, хотела было в ворона обернуться да улететь подальше от крепостных стен, во дворец, в комнату гостевую: вещи собрать и скрыться с глаз долой. Мечь свершилась, все виновные наказаны. А то, что до конца план свой не довела — не беда. Утихомириться в государстве беда нежданная, тогда и вернется. Может быть. Если понадобится — Зинаида из её рук и власти никуда не денется. Зря что ли столько лет она ее к волшбе своей незаметно приучала, чарами опутывала, паутиной привязывала. Глядишь и придет время крестницу свою за ниточки подергать.

Взметнулись юбки раз, другой, а перьями-то и не обросли. Занервничала Феврония, слова колдовские вслух зашептала, руки в стороны развела, желая крылья обрести. И вдруг ощутила страшное: магия темная живым клубком ворочается в ней, зов её слышит, а откликнуться не может. Страх острыми когтями сжал сердце Февронии, тисками тугими голову опоясал, отшибая напрочь мысли разумные. Выхватила из потайного кармана темная фея мешочек заветный, трясущимися пальцами развязала двоедушница тесёмки, вытряхнула на ладонь камушки, украденные из ларца в покоях Амбреллы. Стиснула бусины отчаянно, глаза зажмурив, птицей себя представляя. Взлетела было вороном свободным над городской стеной, да тут же в сетях запуталась.

— Ну, здравствуй, сестрица, — услышала Феврония голос ненавистный, и обмякла птицей вороном в незнакомых мужских руках.

ГЛАВА 22. Баба Яга и Серый волк

Сильные руки крепко удерживали ворона, голову в груди широкой прижимая — не вырваться. Да и вырваться уже некому: птичий разум не сопротивлялся, сразу уснул.

— Тише, тише, глупая, — мужской голос успокаивал, продираясь сквозь пелену злости и ненависти, но тут же слепая ярость волной накатывала: узнала Феврония и ладони, и говор, и забилась бешено пуще прежнего.

«Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!» — билось в висках, покуда прохладные женские пальцы не легли на вороний лоб, ветерок легкий в разгоряченный разум ворвался, сон навевая. Обмякло птичье тело, отключилась Феврония в обличье ворона на руках Сириуса. Осторожно Ягиня спящую птицу перехватила, в клетку золоченую умостила, платок темный на прутья накинута и на плиты каменные ловушку волшебную поставила.

Закончив, развернулась в сторону войска ледяного и зычным голосом крикнула:

— Ой ты, гой еси, красна девица,
Королева фей леса Вечного,
Отзовись, изволь, на призыв на мой,
Выйди к нам, люду доброму.
Обскажи, как есть, чем обидели,
Повинимся мы, коли есть вина.

Взмахнула Ягиня рукавами, взметнулись совы белые вестниками и полетели в сторону ледяных саней за ответом. Белое безмолвие окутало град столичный, люди замерли в ожидании.

Взметнулась позёмка, птицей огромной обернулась, взлетела на стену крепостную, подлетела к Ягине и скинула на руки свиток прозрачный.

— Благодарствую, — поклонилась Яга и развернула письмо. Птица склонила голову и осталась на месте сидеть.

«Верните моё по праву», — пять слов и никаких пояснений. Ягиня задумалась, а затем у птицы уточнила:

— Срок?

Птица трижды крыльями взмахнула, затем голову склонила, ожидая ответ, кивнула в ответ и стремительно вверх взлетела, и, обрушившись на людей пушистым снегом, исчезла.

— Три дня. У нас три дня на то, чтобы вернуть Амбрелле то, что она хочет. Кто-нибудь знает, о чем речь? — оборачиваясь к замершим в растерянности стражам и сотникам.

— Так это... — робко подал голос один из сотников. — Никак царя-батюшку требует...

— Государя? Сомнительно... На что он ей сдался. Ведьме снежной?

— Так-то она сейчас — ведьма. А так-то женой была Ждану-то нашему! Пока батюшк не постаралсяпокойный так глядишь и детки уже были бы... — печально закончил кто-то из толпы..

— Что рядить, все в пустую. Царь заболеле. В себя не приходит. А бессознательный на что он ей?

— Заболел — Ягиня, до этого момента молча слушающая разговоры, встрепенулась. — Чем заболел-то?

— А кто его знает, — загомонили горожане, перебивая друг друга.

— Аккурат на днях и объявила царица: так, мол и так, власть в свои руки беру, царица Зинаида объявила. Покуда, говорит, государь-батюшка не выздоровеет.

— Так-таки сама и объявила? Ты ври, да не завирайся! — встрял сотник. — Глашатаи по городу новость разнесли. А что так и как оно во дворце даже нам, стражникам, неведомом!

— Ну не сама! Так крикуны-то волю чью объявляли? А? Съел! — мужичок довольно бороду огладил и продолжил. — И вот эта... птица... — говорун кивнул в сторону клетки. — Помогать ей в том будет. В управлении значит государством-то. Потому велено всем приказы ее беспрекословно выполнять. Будто сам Ждан али Зинаида повеление дала. Такие дела-то, — докладчик речь свою закончил и руками развел.

— верно сказывает, — поддержали мужичка из толпы. — А мы что, мы люди маленькие. Лишь бы войны не было да налогами не душили. Оно вишь как... Война пришла, откуда не ждали...

— И ведь сколько лет в мире-согласии с феями жили! Не обижали ничем без спросу в вечный лес не совались. Эх... — толпа единодушно и огорченно вздохнула. — Что делать-то?

— А с государем что? — дождавшись, когда люди выскажутся, уточнил волк, оглядывая собравшихся.

— Дык молчат, — вновь затараторил самый разговорчивый. — Лекарей созвали со всего государства. Говорят, заморским приглашения отправили. Вот ждем... Наши-то потыкались, да пока ничего толкового не сказали. Лежит, батюшка наш, в себя не приходит. Как уснул вечером, так и не просыпается. Уж и будили, и толкали, и в дуду дудели... А все никак... Дворцовые говорят... — тут всезнающий рассказчик оглянулся по сторонам, голос понизил и почти прошептал — Говорят, заколдовали-то царя нашего. Вот может она-то и заколдовала а теперича за государем и припожаловала... Эх... Пропали мы...

— А еще домовой наш пропал, Бабай Кузьмич... И домовята странные... — печально пожаловался кто-то из дворцовых.

— Почему странные? — встрепенулась снова Ягиня, пристально человека разглядывая.

— Дык то веселые бегали, говорливые. Коли Кузьмича рядом нет, так и поболать любили. То конфетку малым сунешь. То помочь попросишь. Опять-таки и на конюшню бегали, с конюшненным обались. А сейчас и он исчез, спрятался. А домовята... ходят, будто в воду опущенные. Молчат, глазёнками пустыми на тебя таращатся аж жуть до кости пробирает! — стражник плечами передернул.

— А ты кто, матушка, будешь-то? И как у нас объявилась? — вдруг раздался вопрос сотника в минутной тишине.

Толпа враз посерьёнела, замерла, крепче оружие разномастное в руках сжала.

— Баба Яга я, — улыбнулась Ягиня ласково. — Бабай Кузьмич вот на помощь призвал. Почуял неладное. Да только поздно весточка до меня дошла, — печально закончила царевна.

— А с тобой кто? — опытывался сотник, пристально волка оглядывая.

— Сириус я... Помощник ба... Ягини... По простому — серый волк, — серый представился и слегка голову наклонил, приветствуя всех.

— Да ты никак тот серый, что с царем нашим по молодости в Вечном лесу чудил? — крикнул кряжистый бородач.

— Хм... Откуда знаешь-то про приключения царёвы? — открыто улыбнулся волк, не отрицая и не подтверждая сказанное.

— Дык как царь-батюшка... закручиниться... — толпа сдержанно хмыкнула. — Так и сказки сказывает, как на волке небесном летал в страну заморскую, чтобы, значитца, любимую-то свою выручить, Соловья из Вечного леса прогнать.

— Ну, стало быть, я и есть, — расхохотался Серый, услышав пересказ краткий путешествия давнего. — На помощь вот другу старинному пришел. Так, а что стоим-то? Мёрзнем? Не пора ли по делам расходиться, дозорных оставив? — резко свернул тему Сириус и глянул на начальника стражи дворцовой.

Бородатый прищурился, взглядом по волку прошелся, Ягиню оглядел, переглянулся с войсковым главой и кивнул:

— Пошли что ли, царице представим, — и зыкнул смачно. — Лишние — р-р-р-расходись! Неча тут толочься, врагу отсвечивать.

Сотники приказ поддержали, гражданских помощников быстро со стен спровадили и по-военному четко службу дальше продолжили. Вскоре на площадках только дозорные остались. Да пара человек у костров, чтобы огонь поддерживать. Кострища, посоветавшись, тушить не решились. Холодина стояла такая, что зубы сводило при разговоре, будто воды студеной глотнул. На том и сошлись, по местам расходясь.

Во дворец гостей нежданных старшой проводил, вместе и вошли в палаты царские. Царица с придворными дамами в себя пришли, горничные их чаем отпаивали. Домовята неторопливо тушки мышей-крыс в вёдра собирали, девицы синхронно под шорох метёлок вздрагивали и глаза закатывали. Возле трона царского и разместился женский цветник: на подушках да на ступеньках вокруг Зинаиды расселились, ноги под себя поджав.

Зинаида, бледная до синевы, восседала на троне, пытаясь лицо держать. Глаза государыни лихорадочно блестели от слёз невыплаканных до конца, губы потрескались до кровавых ранок: на нервах да от стресса — кусала их царица нещадно. Девы негромко разговоры вели, обсуждая происшествие. Царица же, в чашку с горячим чаем вцепившись, молчала, в мыслях своих витая. Как дверь распахнулась, кружка та едва из пальцев не выскользнула. Вздогнули

все, замерли, опасливо в дверной проём вглядываясь. Охнули удивленно, признав старшего сотника в компании чужих людей.

— Кто это? — нарушив все приличия с церемониями, выпалила Зинаида нервно.

— Позволь представить гостей дорогих, государыня, — степенно поклонился сотник Рында, приветствуя царицу и придворных дам. — Это... — э-э-э... — назвать красну девицу бабой да еще и Ягой у мужика язык не поворачивался, а по-другому не представлял как и обозначить гостью.

— Светлого дня, государыня, — улыбнулась девица, уловив мысли сотника. — Позволь сама про себя расскажу. Царевна Ягиня — старшая дочь царя Берендея и сестра крестной матушки твоей Февронии. В мирах бабой Ягой кличут, хранительницей пути. Со мной друг-помощник — Сириус, волк небесный, — Яга голову склонила в приветственном жесте и снова улыбнулась.

Улыбка ее солнечным лучиком тёплым по всем скользнула, будто ладошкой кто по щекам огладил ласково. Зинаида судорожно вздохнула, ответно приветствуя, заметалась взглядом по лицам пришедших, и тут вдруг в руках Ягини клетку увидала, тканью тёмной накрытую. Кольнуло сердце предчувствием неприятным, заледенели руки, крепче в чашку цепляясь, но, совладав с приступом паники, царица голосом просевшим поинтересовалась у царевны:

— А... в клетке кто?

Ягиня ответить не успела, как вперед сотник выступил.

— Ты уж не сердчай, государыня, в клетке... матушка твоя крестная... Кабы не высочество, сбежала бы ведь... госпожа императрица бывшая. Делов-то наворотила, едва в грех смертный не вогнала всех нас своими приказами. Вот царевна-то её и спеленала. Уж не знаю, откуда они с водком к нам припожаловали, а то, что Ягиня про беду нашу знает, так то Бабаю Кузьмичу пропавшему благодарность сказать надобно.

— Ф-февроия? Там? — в ужасе глядя на клетку, прошептала Зинаида.

— Не про то думаешь, государыня, — вновь не дав царевне слова молвить, встрял сотник. — Беда у нас большая. И сроку нам на все про все три дня!

— К-к-какая беда? Какой срок? — с каждым новым вопросом царица брала себя в руки, и вот уже не запуганная девчонка сидит перед гостями, а молодая государыня. — По порядку докладывай! — выпалила Зинаида, ладошкой по подлокотнику пристукнув.

Волк хмыкнул, огляделся, к стене скользнул и, прихватив кресло, вернулся к Ягине. Царевна благодарно кивнула, уселась и продолжала молча наблюдать. Царица слегка покраснела, смутившись своего промаха, и свирепо уставилась на сотника, ожидая ответа. В голове лихорадочно мысли носились, а одна виски молоточком долбила: «Кто защитит, раз крёстная в клетке птицей мается?»

Что интрига их хитрая раскроется, Зинаида не сомневалась. Вон как Ягиня по сторонам зыркает! «И что ей тут надобно? Сами бы со всем справились!» — Зинаида едва заметно поморщилась, слушая сотника и размышляя над своей бедой. Как оправдаться и выкрутиться из ситуации — в голову никак не шло. Любовью прикрыться? Ревностью? Так и скрывать нечего, в помутнении разума согласилась мужа любимого опоить, ревность черная змеей в сердце проникла, ядом разум отравила. А то и на крёстную свалить можно: мол, околдовала, с ума свела, погубить обоих хотела!

Мысль так понравилась Зинаиде, что она на троне выпрямилась, лицом посветлела, успокоилась и вникать стала в рассказ сотника Михея Святогоровича, стараясь в сторону Яги и красавца волка небесного не глядеть. Царевна перемену в государыне подметила, вздохнула печально: тлела надежда в сердце её — непричастна Зинаида к делам сестрица. Ан нет, знала-ведала жена молодая, что творила под началом крёстной любимой. Теперь бы выяснить, куда Бабай Кузьмич делся и что за колдовство над Жданом учудили царица с Февронией.

— И что же ей надобно? — надрывно прозвучал голос царицы, сердце в ужасе зашлось, как подумалось: пришла Амбрелла за Жданом, а как отдать, коли самой нужен до судорог в руках и острой боли в душе?

— Мыслю я, за государем фея лесная пришла, — гулко вздохнул сотник Михей, речь свою заканчивая. — По другому и ума не приложу, что ей у нас-то еще понадобилось, — развел руками воин и на царицу уставился, решения ожидая.

— Да как так? Государь что — вещь какая? — запричитала Зинаида, с трона вскакивая, руки заламывая. — Был бы жив-здоров, сам бы вышел поговорил! А когда он болен — лежит без чувств, без мыслей?! Что делать, дядька Михей? Что делать?! Нельзя царя отдавать ведьме проклятой на растерзание! — слёзы потекли по щекам бледным, румянцем ревности изнутри подсвеченными.

Царица березкой подломленной рухнула на ступеньки, к трону ведущие, и заплакала тоненько, жалобно, руками себя обхватив.

— Как отдать? Нельзя отдавать! — подскуливала, плача, а в голове картины прошлого одна за другой всплывали.

Знала, Зина, ведала, ничего хорошего из затеи с женитьбой не выйдет. Стоит только гребень волшебный потерять и кудри царские им перестать чесать, вспомнит всё царевич! Любовь истинная, что Ждана с Амбреллой много лет назад накрыла, — подарок богов. Раз в столетие такое с живыми существами приключается. И все реже с каждым веком. Уж она-то, Зинаида, вопрос этот изучила вдоль и поперек. Сколько легенд и сказаний прочитала, выискивая, как связь истинную разрушить, разум другой половинке при этом сохранить. А тут крёстная со своей идеей, кошкой ласковой в доверие втёрлась, подсказывала, намекала, рассказывала.

И в какой-то момент дрогнула Зина, не выдержала. В мечтах свои девичьих представлялось ей всё иначе: пусть не сразу, да получится любимого голосом своим очаровать, красотой увлечь, преданностью да разумностью в себя влюбить.

Уж и засватали когда, не могла налюбоваться-надышаться на Ждана. Ловила моменты счастья, костер надежды своей подпитывала: вот платок подал, тут цветов нарвал, здесь хмуро на юношу глянул («Ах, ревнует!») И сердце трижды сильнее биться начинало от счастья, упорно не желая замечать иллюзию, которую сама себе и придумала: вежливость и благородство — привычки благоприобретенные. А более ничего в принце в её сторону не жило.

Слуги подкупленные докладывали все как один: во снах Ждан любимый по лугам изумрудным скачет на единорогах белоснежных рука об руку с королевой Вечного леса, разлучницей проклятушей. По имени её завёт, женой называет, солнышком лесным.

Чем ближе свадебный день подходил, тем ярче осознавала Зинаида — не судьба. «Но если очень хочется, почему бы и не да?» —

коварно нашёптывала Феврония, зелье приворотное готовя. И Зина сломалась.

«Да!», — сказала она перед алтарём, трепетно в глаза Ждану заглядывая. «Да», — ответил жених долгожданный, равнодушно в губы дрожащие жену молодую целуя. А уж что творилось в ночь брачную с Зинаидой, не в сказке сказать, не пером описать. Да и потом горничная верная поведала, куда ездил и о чем криком кричал, на коленях стоя у кромки леса Вечного, государь тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства. Тут-то и сломалась Зинаида, крёстной во всем доверилась.

— Не отдам государя, — прохрипела зверем раненным, глаза заплаканные на Ягиню поднимая.

— Ну что ты, что ты! — легко поднимаясь с кресла, ласково молвила Яга, рядом с царицей усаживаясь. — Ну что ты глупая, кто ж его отдаст. Тем более нынче, когда сам за себя постоять не может, — царевна платок достала, Зинаиде протянула. — Ты расскажи мне, милая, что вы с Февронией учудили? Что натворили-сделали? А я выправить помогу...

— Н-не знаю я, — судорожно выдохнула Зинаида, плат белый принимая, лицо утирая. — Что говорила крёстная, то я и делала.

— А делала-то что? — нетерпеливо рыкнул Сириус, вперед подавшись.

Зинаида испуганно отпрянула, часто-часто ресницами захлопала, прогоняя новую волну слёз. Ягиня на волка укоризненно глянула, вновь царицу приобняла, утешая. Волк смущено отступил за кресло, кивнул сотнику и оба, переглянувшись, покинули палаты царские, оставив девиц разбираться с глупостями любовными.

— А скажи мне, милая, чем привораживали? — поглаживая по плечам царицу, выпытывала Яга. — Поили чем? Или вещью какой колдовали?

— И поили, и вещью, — всхлипнула царица. — Н-но вещь уже была... Не я это... Крёстная давно еще... в первую встречу... гребень Жданушке подарила, чтобы он от любви к фее лесной не страдал! — слёзы вновь брызнули из глаз девичьих. — А он все равно-о-о-о-о её лю-у-у-убит!

— Истинную любовь магией не замазать, волшебой не погубить. Неужто тебе никто об этом не сказывал? — прижимая к себе

зареванную царицу, удивленно вымолвила Ягиня. — Это дар богов. И даже если погибнут оба или по отдельности, в других жизнях встретятся и друг друга найдут. Ни человек, ни зверь, ни существо какое разорвать связь не сумеют. Отвести, заморочить, сгубить — да. Любовь вытравить — нет. Они с даром любви рождаются. Связь таких пар для мира — дар и благословение. А вы судьбы миров перекроить пытались, неразумные! — Ягиня рукой махнула, велев девице придворной воды государыне принести.

— И что делать-то теперь? — отлипая от плеча царевны и в глаза её заглядывая, прошептала Зинаида. — Не могу я его отдать, и из сердца вырвать не могу!

— Не думаю, что фея Ждана требует, — подавая кружку воды заплаканной девушке, задумчиво произнесла Яга, не отвечая на вопрос. — Тут другое что-то! Вот что, — царевна на Зинаиду глянула строго. — В себя приходи, ты царица или как? И давай, подробно вспоминай, что Феврония творила, какие слова говорила, Ждана зачаровывая. А я покуда пойду комнаты её гляну. Глядишь и найду что. Не фея к вам под стены пришла с войском снежным. Не фея... Тут — другое что-то... — повторила Ягиня, велела дамам придворным царицу в порядок привести, чаем с ромашкой напоить и ждать в тронной зале, никуда не высовываясь.

Распорядившись, Ягиня поднялась и на выход пошла. По пути клетку с вороном прихватила, слуг отправила на кухню за чаем и закусками для царицы и её помощниц. Сама же по проходам двинулась, к шорохам и шагам прислушиваясь. Ловила магию чужую, узлы колдовства распутывая по углам. Пауки при виде Ягине поглубже в тени забивались, чтобы под руку не попасть. Но Яга мимо них, не глядя, проходила, на потом оставляя зачистку. Только метки ставила в тех местах, где особо темнотой фонило.

Обойдя хоромы царские, Ягиня, по-прежнему клетку с птицей из рук не выпуская, отправилась в комнаты Февронии. Замера на пороге, оглядываясь, принохиваясь, прислушиваясь. Сестрицу за порогом оставила, сама же внутрь скользнула и захлебнулась, словно под воду ушла. Магия в опочивальне пропитывала буквально все, хоть ножом её режь, хоть ложкой ешь. Да всё непростая — охранная. И не от людей защиту ставила сестрица. Себя саму от артефакта оберегала живого и неведомого. Фонило в комнате такмагией навьей, что в носу свербило и

хотелось одновременно бежать и, замерев на месте, под ритм неведомый плавно двигаться.

«Двигаться?» — задумалась Ягиня и замерла посреди комнаты, дыхание успокоила, сердце угомонила и прислушалась. Людское ухо звук не слышало. Но Яга, даже в семье людской рожденная, наполовину не человек. Навья кровь в её жилах — как пропуск по путям-дорогам между мирами, от неё же и слух острее, и глаз точней, и внутреннее зрение появляется.

Тишина накрыла опочивальню Февронии пологом прозрачным, глуша звуки посторонние. Яга соляным столбом застыла, пытаясь уловить-услышать, кого сестрица скрывала тщательно. Погрузившись в транс, не заметила, как тенью на пороге волк возник и замер, также прислушиваясь и принюхиваясь. А через мгновение, обернувшись зверем, осторожно в комнату скользнул и к шкафу одежному метнулся. да там и застыл, очарованный, взор с дверцы не сводя, в улыбке пасть волчью скаля. Только хвост едва заметно подёргивался, ритм неслышимый отбивая: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Ягиня глаза распахнула, возвращаясь из путешествия, руки к груди прижала, не веря тому, что услышала, и шагнула к шкафчику, Сириуса окликая. Волк послушно отпрянул, но далеко не ушел. Царевна дверцы распахнула и к волку прижалась растеряно. В самом сердце паутины прозрачной в коконе из магии тёмной, мерцающей всполохами алыми, пульсировало сердце живое.

ГЛАВА 23. Вечная любовь — сквозь ад ведет она (рабочее название)

— Что это? — в тишине комнаты шёпот Ягини раздался набатом.

— Сердце, — Сириус очевидное ляпнул и смутился. — И, кажется, я догадываюсь, чье оно... Когда искал место, где тебя прятали, избушка мне сны показывала. Да всё об одном.

— Избушка? Сны? О чем? — от удивления Яга забросала волка вопросами.

— Подозреваю, это бы домовой, хотя на глаза он мне так ни разу и не показался.

— Он у меня смирный, — хмыкнула царевна. — Да и не домовой он вовсе, а филин.

— А весит как...

Сириус не успел договорить, сердце замедлило свой ритм, а потом и вовсе перестало биться. В тот же миг за стенами дворца раздался вой дикий, в стёкла ударила буря снежная, закричали люди, ураганом с земли сорванные. Разлетелись окна от напора льдистого.

Ягиню порывом сильным на пол сбило, волк едва успел лапой придержать, от осколков спасая.

— Не дай сердцу-у-у-у умереть! — взвыл Сириус, удерживая царевну от нового падения.

— Как!? — закричала в ответ ведунья, взмахивая руками в попытке колдовать.

— Вода! Живая вода! — зарычал волк в ответ, зубами клацая возле пояса девичьего.

Ягиня вспыхнула от стыда: так растеряться, что все на свете позабыть! Сорвала повязку кожаную, упала на колени и торопливо стала пузырьки перебирать. Сердце меж тем на глазах серело и медленно в размерах уменьшалось. Вой и стон боли смертной пополам с яростью не угасал снаружи. Иглы снежные врывались в разбитые окна, ранили Сириуса и Ягиню, но в шкаф отчего-то не залетали. Опадали в шаге от артефакта живого кровавыми каплями.

Выхватив бутылку, царевна зубами вырвала пробку, с колен поднялась и едва обратно не рухнула, на крови подскользнувшись.

Собственное сердце зашлось ужасом, руки дрогнули и чуть не выронили влагу драгоценную. Но ведунья равновесие удержала, к шкафчику шагнула, да не дошла. Будто барьер на пути вырос. Бьётся Ягиня, а сломать не может! А сердце чьё-то все больше скукоживается, и такое отчаянье волнами от него отходит, что впору самой на пол падать, грудь раздирать, кусок плоти из себя вырвать и в жертву принести.

— Кар-р-роф! Кар-р-р-рофь! — ходуном заходила клетка, ставленная на пороге спальни, ворон в ней забился, клювом пытаюсь платок стянуть. — Кар-р-ровь! Дар-р-р-р! Кар-р!

Волк первый сообразил, что Феврония, запертая в птичьем теле, сказать хочет. Зубами лапу себе разодрал и как только кровь из раны хлынула, взмахнул в сторону Ягини. Красным бисером разлетелась влага, оседая на царевне и барьере невидимом, не долетев до сердца умирающего. Сириус зарычал, ближе подскочил, человеком обернулся и вновь рукой в сторону шкафчика махнул. Несколько капель на плоть серую попали, сердце стукнуло было, но вновь замерло.

— Кар-р-роф! Кар-р-р-рофь!

— Не твоя! Её! — догадалась Ягиня и кинулась к клетки.

Сириус её опередил, рывком ткань сдернул, дверцу распахнул и зашипел от боли. Рука до локтя тут же онемела: охранное колдовство ведуньи исправно работало, тут же вцепилось в плоть зубами острыми. Но упёртый зверь и не такое в жизни своей терпел, потому схватил птицу за шею, к себе подтащил, за решетку не вытаскивая, другой рукой ножик из кармана достал и чиркнул по туловищу неглубоко.

Феврония дёрнулась, клювом попыталась достать обидчика. Да сила неравными оказались. Сириус нож у птичьей груди придержал, кровью обмазывая. Отшвырнул ворона, дверцу захлопнул и назад к Ягине метнулся. Царевна, бледная до синевы, едва дыша от усилий, напор преграды невидимой сдерживала. В какой-то момент стена ожила и невидимые паучки прыснули из неё на царевну. Побежали по телу, паутиной крепкой опутывая, где кожи обнаженной касались, врастали намертво и силу высасывать принимались.

Яга дёргалась в путях, отступить от ловушки пыталась, но путы крепко держали, добычу из лапок не выпуская. Сириус подскочил и с разгону нож окровавленный в невидимку воткнул. Защита Февронии

вспыхнула серым пламенем и лопнула с оглушительным звоном, силой удара Ягиню с волком в конец комнаты отбросив. Сердце вдруг окончательно замерло. За окнами потемнело, от предсмертного воя существа неведомого дрогнул дворец, с построек во дворе крыши посрывало. От удара в ушах зазвенело, в груди что-то ёкнуло, острой болью обжигая.

— Быстр-р-р-рей! — схватив царевну за руку и с силой швырнув её в сторону шкафа заветного, взвыл волк, падая от нового сотрясения.

Ягиня, пробежав через всю опочивальню, едва головой в пасть шкафа не влетела, в шаге от полностью обескровленного артефакта притормозить успела. С последним сердечным сокращением успела-таки плеснуть из флакончика живой водой и рухнула, как подкошенная, возле хранилища.

Вой стих также неожиданно, как и начался. Снежное безумие закончилось, во дворе загомонили люди, ущерб нанесенные оценивая, бабы причитали, сотники пересчитывали богатырей и люд простой, проверяя, все ли на месте и не погиб ли кто. То тут, то там смех истеричный раздавался и рыдания. И вдруг дружно, как одна, заголосили женщины. Волк подскочил, к окну кинулся и застыл столбом каменным.

— Что там? — с трудом на ноги поднимаясь, просипела Ягиня.

— Кровь повсюду...А мертвых нет... — неприкрытое удивление сквозило в голосе мужском.

— Снег тает, вот и кровь... — пожала плечами царевна. — Чему удивляться, комнату огляди.

Сириус обернулся и только тут заметил: опочивальня тёмной феи походила на поле битвы страшной. Пол в коричневых подтеках, а возле шкафа где по-прежнему равномерно билось сердце в магическом короне, и вовсе залит еще свежей, едва застывающей.

— Снег? Что за снег такой, — задумчиво протянул мужчина, подходя к Ягине и помогая её в порядок себя приводить.

— Есть у меня подозрение... Но правду скажет ли сестрица? — с сомнением покачала головой царевна, на ворона глянув.

Птица сидела в ловушке, нахохлившись и злобно глазами сверкая. Время от времени раскрывала клюв, будто сказать что хотела, но тут же и захлопывала с мерзким пристуком. Рана на её груди затянулась, но проплешина на перьях все еще блестела кривой строчкой.

Феврония голову склоняла, пытаясь разглядеть порез, но в птичьем облике не удавалось выяснить, насколько уродливо выглядел будущий шрам. Злилась фея на волка и на ножичек его непростой. Обычным-то, человеческим, перья вороньи он и раздвинуть не сумел бы. А тут поди ж ты, еще и порезать смог. И теперь, ко всему прочему, на теле шрам останется, ничем его свести не получится.

«Не прощу! Отомщу!» — билось в голове ведьмы. Сестрица добрая, простит, отпустит. А там и выждать момент удобный случай подвернется. И за все разом одним ударом, без долгих планов коварных. Вон как все обернулось! Не думала, не гадала, что крестница рамазнёй окажется, а зеркальце силу обретет.

Когда прознала про сердце, что Ясуня Святогоровна из груди соей вырвала, да в сундук заперла и в водах речных утопила, обрадовалась. Живая плоть богини возрожденной — это власть бесконечная в умелых руках. Знай, силой подпитывай по капельке, да в узде держи, чтобы слушалось. А уж бессердечное, оттого ко всему равнодушное божество, в зеркала запереть — раз плюнуть. Матушка любимая не зря дочку с малых лет колдовству навъему учила, будто ведала: пригодятся царевне знания тайные. На один только крючочек и велась богиня: на любовь несчастную, на беды девичьи, коих возлюбленные ни за что, ни про что покинули или обидели.

Ясуня в ловушку легко попалась: прикинуться несправедливо обиженной — это Феврония с детства умела, все шишки за её шалости сестрице старшей доставались: не доглядела, не присмотрела! Сцену как по нотам разыграла фея тёмная, заманила богиню на остров Буян, обманула, опутала и убила. Тело огнём навъим выжгла до пепла. Пепел над морем-океаном развеяла.

А перед тем добрым словом да ласкою выпытала у Ясуни, в какой-такой реке глубокой сундучок богиня утопила с сердцем своим. Пообещала разыскать и вернуть в благодарность за помощь ей, Февронии. Святогоровна, в страдания свои окутанная, подвоха не заметила. Даже ожила ненадолго, с надеждой глаза озарились: устала без сердца-то за столько веков. А возродиться без него, чтобы Велеса отыскать в другой жизни, — невозможно. Сама-то Яся к реке путь позабыла: наказали её боги-родители за любовь неистовую, безрассудную, лишили дороги к сердечку ретивому. Только и помнила что одно имя: «Дон, Донушка, любый мой, ненаглядный мой!»

Вот Феврония и вызвалась помочь. Помогла. Реку полноводную быстро нашла. Несколько лет ушло на то, чтобы сундучок заветный найти и со дна достать. Тут вовремя колдун Февронии подвернулся, одержимый любовью неистовой безответной. Помогла ему темная фея свершить страшную месть, а он, властью над утопленницами обладая, отыскал ей клад заветный.

Как сердце заполучила Феврония в свои руки, тут картинка с мезьей собственной полностью и сложилась. Одно зеркало Амбрелле подсунула через пятые руки. Второе у себя оставила. Душа Ясуни, в зазеркалье запертая, забывала себя, обращалась в Зеркалицу. Как живую сущность в демона обратить, Феврония из книг материнских знала, и не упускала случая прикормить зеркало каплей тёмной крови. В скором времени своего добилась: Яся-Зеркалица распоряжения её выполняла, мороком и иллюзиями мысли Амбреллы травить начала.

Сердце Святогоровны хранила Феврония отдельно, в большом сундуке дорожном. Оно помогало умирять зеркала, подчинять и властвовать. Вынужденная творить дела несправедные, душа Ясуни быстрее теряла память истинную, все более в пучину безумия погружаясь. Опутанная охранной магией, на крови тёмной ведьмы замешанной, живая плоть требовала пищи. И двоедушница утром и вечером подпитывала её своей кровушкой. Стоило только пропустить кормёжку, сердце усыхать начинало. Такого Феврония опустить не могла.

В старинных книгах сказано: живые зеркала без души существовать не могут, разбивший его — сам станет зеркалом. Обернуть магию в спясть возможно только одним способом — местами поменяться с тем, кто новоявленную Зеркалицу пожелает призвать, кровью свое накормит и сердцем своим поделится. Только одну легенду древнюю нашла Феврония, в которой о волшебном стекле речь зашла.

Прочитала и призадумалась: оставлять без присмотра артефакт воссозданной невозможно, иначе ждёт её судьба незавидная. Зеркальная магия во всем мире давным-давно под запретом. Ей с трудом удалось у заклятой подруги Кримхильды, помешанной на собственной красоте, выторговать старинное стекло, в подвалах королевских надёжно спрятанное, цепями и тканями с серебряной нитью надёжно замотанное. Кабы не трусость Кримхи, не видать бы

ей, Февронии, спящего зеркала, как своих ушей. Подружка не рискнула молодость и красоту свою с помощью Зеркалицы поддерживать.

Двоедушница и подсунула ей на обмен эликсир вечной молодости, формулу которого сама лично в лабораториях бывшего мужа-императора создавала. Забыла, правда, о побочных эффектах рассказать. Но кого это волнует, не так ли? Слухи ходят, королева с недавних пор упырицей по ночам становится, ванны кровавые принимает и сердца девичьи сырыми кушает, чтобы сохранить лицо гладким, а фигуру стройной.

Зеркало Феврония выкупила. Обряды необходимые провела. И если бы не магия крови охранная, ни за что не подсказала бы Яге и волчаре наглому, как сердце Ясуни пленённое запустить. Закрутилась фея тёмная, растерялась, и забыла с вечера и с утра по привычке заведенной каплю крови своей артефакту скормить. Сутки без подпитки — и едва сама Зеркалицей не стала! А тут еще и хозяйка сердечка не с того, не с сего мощь и силу обрела невиданную. Так бы разом все и полегли: не придумали еще способа оживить мёртвое по-настоящему. Погибнет сердце Ясуни — сгинуть все, кто рядом находится.

«Пусть в ножки мне кланяются, я им всем жизни спасла, хоть и не за что!» — ворон злобно каркнул в клетке, забился, заметался, грудью на прутья бросаясь. Но темница не дрогнула, и стихла Феврония, глазами птичьими наблюдая за сестрицей ненавистной и прихвостнем её серым.

Меж тем Ягиня в себя пришла, к артефакту вернулась, глаза закрыла, на биение сердечное настаиваясь, и скользнула в другой мир. Прошла по путеводной ниточке, кое-что увидела, многое учуяла, ужаснулась и заплакала. У Сириуса душа разрывалась смотреть на побледневшую царевну, по щекам которой слёзы ручейками текли. Но крепился, не подходил: обнять, пожалеть нельзя — уведет дорога в никуда, не вернется Яга обратно, заблудится. Только и оставалось зубами скрипеть да на ворона шикать, чтобы тихо сидел.

Сколько времени прошло, волк не ведал. Судя по голосам со двора, человеки в себя пришли, порядки после снежной бури наводить стали. Пару раз сотник в коридоре маячил, но зайти не насмелился. Сириус ему головой кивнул, мол, под контролем всё, и восвояси

отправил. Снаружи дядька Михей нужнее. А тут и сами поди справятся, тем более страшное позади. Вроде бы.

Волк в сомнении губы скривил, опочивальню разгромленную оглядывая, и вздохнул., принимая: ничего еще не закончилось. И если Амбрелла сердце требует, а не за Жданом пришла, то и вовсе худо. С такой-то силищей, которую королева Вечного леса обрела, да с таким-то артефактом. если он в руки ей попадет, никто в мире с феей не справится. И что делать? Сириус глубоко задумался и не заметил как Ягиня в себя пришла.

— Сердце! — выдохнула царевна. — Сердце своё ей надобно, — покачнулась, воздухом захлебнулась и закашлялась.

Волк подскочил, поддержал, к себе нежно прижал. С тех пор, как вызволил девицу из колодца, места себе не находил. Что-то ныло в груди, кровь в жилах сладко пенилась, за спиной крылья невидимые раскрывались. Хотелось завывать радостно, весь мир песней волчьей оглашая. Еще больше мечталось — обратится зверем крылатым, посадить Ягиню на спину и взлететь с ней вдвоем выше леса дремучего, неба синего. Подарить ей весь мир и у ног её лечь, носом волчьим в ладошку тыкаясь, ласку выпрашивая.

Судорожный вздохнув, подавив желание невыносимое к губам девичьим прикоснуться, Сириус осторожно за талию Ягу приобнял и в кресло усадил. Сам же к окну отошел от соблазна подальше.

— Нельзя Амбрелле сердце отдавать, силушки прибудем втрое — не справимся, — выдохнул хрипло, силой воли бурение крови подавляя и биение сердца успокаивая.

— Не её это сердечко, чужой. Так, сестрица? — резко в сторону клетки развернувшись, строго спросила Ягиня.

— Кар-р-р! Сер-р-рце моё! Не тр-р-ронь! — злобно раздалось из-под платка тёмного. — Не сп-р-р-рависься, сест-р-р-рица!

Яга рукой махнула, платок с прутьев скидывая.

— Поможешь сердце хозяйке вернуть — помогу тебе. Не захочешь — сами справимся. Но тогда не обессудь.

— Освободишь, отпустишь — р-р-р-раскажу! — склонив голову и хитро поглядывая на сестру, каркнула Феврония.

Ягиня призадумалась, ворона разглядывая. Вздохнула, головой качнула, мыслям своим отвечая.

— Так ведь не успокоишься, снова воду мутить начнешь. Мне ли тебя не знать, сестрица, — улыбнулась печально. — Сколько лет вместе росли, сколько лет доверяла тебе...

— В Навь уйду, дор-р-р-рогу сюда забуду... — почуяв сомнения в голосе сестры, бестия голову склонила, глаза прищурила, стремясь царевну разжалобить. — Что знаю, р-р-р-расскажу...

— Не верю я тебя, уж не обессудь, сестра. Но выпустить выпущу, — Ягиня руку в жесте предостерегающем подняла, не давая Сириусу слово молвить. — Из клетки выйдешь в облике человеческом, но без магии — запечатаю до поры, — ворон злобно каркнул, пытаюсь возмутиться. — Нет? Сами справимся! — безмятежность и уверенно в голосе сестры заставили Феврония замолчать. — Про сердце расскажешь, как его с хозяйкой соединить. Остальное мы с... волком знаем уже, — запнулась царевна и сама не заметила, а Феврония уж и голову подняла, глазами круглыми на Сириуса зыркнула, взгляд на Ягу перевела, хмыкнула про себя да на ус намотала то, что в голову ей пришло.

— Хор-р-рошо! — негромко каркнула. — Откр-р-р-р-ывай!

— Не так быстро, сестрица, — Ягиня руку к волосам поднесла и вытащила из косы цветок лесной на шпильке серебряной.

Плюнула на него, дунула, что-то прошептала, в кулак зажала, когда раскрыла — вспыхнули лепестки пламенем синим, опали пеплом в ладошку девичью. Как погас огонь, в руках у Ягини осталась заколка обычная, камнями изукрашенная. Царевна к клетке подошла, Сириус дверцу распахнул, ворона из плена достал. Феврония было дернулась, пытаюсь вырваться, да не тут-то было: крепко держал страж небесный птицу опасную, тут же голову подмышку спрятал, за шею крепко удерживая, чтоб не дергалась.

Ягиня совсем близко к волку подошла, руки в стороны развела, слова заветные прошептала, затем резко в ладони хлопнула. В тот же миг ворон исчез, а в объятьях Сириуса оказалась Феврония. Не дав сестер опомниться, Ягиня одним движением воткнула украшение прямо в родничок на голове, источник силы тёмной ее перекрывая.

— Вот и все, отпуская, — отступая назад, выдохнула сестра старшая. — Остальное пусть старейшины решают, — с печальной улыбкой закончила свою мысль.

— Думаешь, придут? — сомнение явственно прозвучало в голосе волка. — До сих пор не проявили себя никак. Законы-то нарушены...

— Обязательно! Не может человеческий суд по навьим законам решать, да и по своим тоже. А мы не судьи, чтобы приговор выносить. Один раз уже вынесли. Видишь, что из этого получилось? — Ягиня обняла себя и застыла.

— Ты еще пожалей меня и покайся за родителя нашего, — злобно прошипела Феврония в себя придя. — Ты не меняешься! Так и осталась дурочкой наивной, любой обмануть может, добренькая ты наша, жалостливая! Сколько раз тебе за меня прилетало в детстве? А в юности? А ты все молчала да покрывала проказы мои! Хорошей для всех быть хотела? И что из этого вышло? Батюшка даже искать тебя не кинулся, записочкам моим глупым верил. Поди до сих пор верит и умиляется: ах, ах, какая дочь старшая у него разумница, все учится, мир спасает, тайны познает. А дочка-то в беде! Ну и что хорошего в вере вашей во все хорошее? Ни-че-го! — яростно закончила сестрица младшая, уперев руки в бока, на старшую зло глядя.

— Не получилось магию-то вернуть? — спокойно выслушав тираду злобную, мило улыбнулась Ягиня, наблюдая, как Феврония во время монолога своего искреннего пыталась силу свою высвободить. — И не получится, не старайся. У тебя паучки, у меня сверчки: надежно держат, а взломать попытаешься, свиристеть так начнут, мало не покажется.

Голос Ягини, вмиг заледеневший, утративший эмоции и чувства, пробрал Февронию до костей. Никак не вязалась в голове темной феи улыбка ласковая, что так и не сошла с уст царевны и слова жестокие. Не похоже на царевну старшую всегда ласковую и добрую, всех и за всё прощающую. Впервые поднял страх свою уродливую голову в сердце двоедушницы, царапнул когтями острыми разум и поселил сомнения. А сомневаться Феврония не любила, твердо веря в свою правоту.

Ноне успела она рот раскрыть чтобы огрызнуться, неуверенность свою маскируя, как в наступившей тишине раздался голос мужской:

— Может мне кто-нибудь объяснить, что здесь происходит?

ГЛАВА 24. А ЧТО ЭТО ВЫ ТУТ ДЕЛАЕТЕ?

Потерпев поражение, мышино-крысиное войско по норам отправилось раны зализывать и по товарищам павшим горевать. На поминальную тризну Бабай Кузьмич не пошел, в благодарностях перед серыми величествами рассыпался, обещал, как только жизнь во дворце наладится, решить вопрос с государем о привилегиях и наградах. Оба короля, раздувшись от важности и получив бутылку вина дорогого, оправились восвояси вслед за подданными.

Коргоруша вздохнул с облегчением, когда в каморке его, наконец, никого, кроме домового не осталось. Скучно с мышами дружить: не погонять, не поугатать, а уж *писку* и возмущений сколько, словами не передать.

— Ну и что? Что теперь? — запрыгивая в кресло, топчась и когтями обивку подправляя, буркнул кот, выбрав место для удобного возлежания и тут же на него рухнул.

— Да не понимаю я твой тарабарский! Пи-пи-пи да пи-и-пи! — фыркнул коловерша, глаза закатывая. — Давай думать, как тебе р-р-речь вер-р-рнуть. Р-р-р-раздр-р-р-ражает! — котяра протяжно вздохнул и сделал вид, что не видит и не слышит возмущенного Кузьмича, который хвост воинственно задрал, забрался на подлокотник и вещал что-то прямо в пушистое ухо.

Это самое ушко периодически дёргалось, когда писк переходил в ультразвук, но упорно не желало вслушиваться в вопли мыша. Когда домовый выдохся и заткнулся, тяжело дыша, коргоруша лениво приоткрыл дин глаз и муркнул:

— Наор-р-р-рался? Иди, пиши, что хотел, — и снова уснул.

Сопя и фыркая в усы, домовый взобрался на стол, схватил карандаш и начал строчить послание помощнику. Дело шло медленно: вещица раза в два превосходила размер зверька и все время норовила выпасть из лапок. Закусив язык от усердия, Кузьмич, ругаясь про себя словами непотребными, чехвостя на все лады фею темную, вырисовывал план дальнейших действий. Кот исподтишка за домовым наблюдая, откровенно ржал, прикрывшись хвостом пушистым, но

героически делал вид, что спит крепко и никаким пушкам его не разбудишь.

Пушками Кузьмич коргорушу будить не стал. По простому зарядил лапкой с коготочками по самому чувствительному — по носу. Кот взвыл и едва спросонья мыша не прибил, но вовремя сообразил, кто перед ним, и лишь хвостом со всей силы прихлопнул, чтоб впредь неповадно было. Мышь из шерсти выкопался, кулаком погрозил, взобрался верхом на кота и велел тенями в опочивальню Ждановскую пробираться.

Котьяра демонстративно глаза закатил, ворчливо муркнул и растворился вместе с наездником в призрачно-серых лабиринтах. В комнату попали быстро, никто по дороге не мешал, не встречался. Время от времени выныривал коргоруша из теней, но в дворцовых коридорах только домовята неприкаянными куклами бродили да стояли. Остальной люд кто где находился: одни прятались по своим каморкам— их коргоруша сквозь пелену мутную мог рассмотреть. Девицы и дамы почти все у царицы в тронной зале страдали. Стражи и мужики столицу защищали. А детвора во дворе толпилась, под ногами мешаясь да на побегушках у старших служила.

Царская опочивальня, погруженная в полумрак, встретила их тишиной. Даже мышиноного шороха за стенами не слышать. Государь-батюшка возлежал на широченной постели, утопая в перине пуховой. Бледное красивое лицо мраморной маской застыло, будто и не человек живой спит, а статуя неподвижная возлежит на ложе.

Коргоруша из тени выскользнул, только когда полностью убедился в отсутствие охраны в комнате. Осторожно в кровати скользнул, принюхался, головой по сторонам повел в очередной раз и легко на перину запрыгнул. Тут же легко на пузо прилег, не потревожив ни одну пружинку, предлагая мышу спуститься с загровка.

Бабай Кузьмич сбежал по шерсти и серой тенью метнулся к Ждану. По подушке пробежал, в лицо заглядывая. На голову забрался, осторожно к бровям прощмыгнул, попытался лапками веко государево приподнять, да не срослось — побоялся кожу оцарапать или глаз повредить. Огорченно пискнув, спустился на грудь Ждана и уселся на хвост, царя разглядывая и соображая, куда Феврония, а то и сама царица, могли вещицу заколдованную воткнуть.

Подумав, велел Кузьмич коргоруше когтями одеяло пуховое подцепить и стащить с тела, чтобы сподручней искать было. Вдвоем соратники со всех сторон тело царское осмотрели, но не нашли ничего необычного. Ни заколки, ни булавки, ни брошки. Лежал Ждан в рубахе белой, штанах тонких без носков. Никаких украшений на одежде не наблюдалось. Смирившись с неизбежным, уговаривая себя, что так для дела надобно, нырнулмышь под рубашку и пробежался по царю, выискивая малую малость. Но и тут не повезло.

Друзья-товраищи пригорюнились. План домового по швам затрещал. Кузьмич-то как думал: придут, увидят, победят колдовство. Царь-батюшка ото сна воспрянет и пойдет порядки наводить и в семье своей, и во дворце. А тут такая оказия: с наскока не получилось Ждана из беды выволить.

Коргоруша и домовый уселись в ногах у царя и задумались.

— Может его пер-р-ревернуть? Как думаешь? — задумчиво протянул кот, лапая нос почесывая.

Мышь встрепенулся, засуетился, затем замер и к чему-то прислушался. Тут же отмер и стрелой серой метнулся к столу возле окна. Проворно по ножкам взобрался, схватил карандаш из коробки, и принялся что-то выводить на бумаге, огорченно пища время от времени и сокрушенно головой покачивая.

— Хм... Самокр-р-ритично! — мявкнул коловерша и лениво спрыгнул с кровати. — Старый ты...мышь, — хихикнул в усы. — Что опять позабыл?

Мышь сердито засопел, зыркнув на коргорушу, и продолжил буквы выводить. Запрыгнув к домовому, котяра принялся читать написанное.

— Оба хор-р-роши... — протянул смущенно. — Ну забыл! Задур-р-рили мне голову своим войском мышиным! Я вам министр обр-р-разования! Я — тень! Мое дело маленькое: домовому помогать да за живностью хозяйской приглядывать!

Тут за окном гроыхнуло, сверкнуло, буря поднялась. В окно изо всей силы ветрище шибанул, стекла выбивая. Коргоруша рявкнул, зубами клацнул хватая мыша за шкуру и на пол спрыгнул. Быстро сообразив, что столешница — слабое покрытие, метнулся под кровать царскую и там затаился.

Было долго и страшно. Скоро ледяной коркой весь пол покрылся. Ветер теплом из всех щелей выгонял. Коргоруша свернулся калачиком, крепко мыша к себе прижимая, зажмурился и мечтал только об одном: выбрать момент и в тени уйти. Там безопасно и никто не достанет. Но отчего-то под кроватью тени на призыв не реагировали, потому приходилось лежать, зажав уши лапами, нос уткнув в хвост и дрожать не холода, до косточек пробирающего.

Домовой было рыпнулся на разведку, но кот его быстро утомил, придавив лапой задней покрепче. С Кузьмича станется — помчит царя укрывать, хвостом мышиним прикрывать и сам сгинет и Ждана не спасет. Знаем, проходили!

За окнами что-то снова грохнуло, сверкнула молния, лентой алою вспарывая непроглядную снежную кутерьму, содрогнулись стены дворца. В тот же миг сильный порыв ветра ворвался в спальню царскую, промчался по всем углам, срывая и переворачивая все на своем пути, добрался до кровати и запрыгал на ней зайцем ополоумевшим. Постель тряслась и подпрыгивала, но крепко на ножках стояла.

«Добр-р-ротная мебелишка! Спасибо столяру государеву! — подвывая от ужаса, ужавшись по самое не могу, благодарно подумал про себя коргоруша. — Пронеси, Р-р-родушка! Сохрани, добр-р-рым будь!» — взмолился кот, когда ветру все-таки удалось оторвать кровать от пола. Но дуб не позволил с собой совладать и спустя минуту рухнул на паркет, сотрясаясь. Ветер взвыл, и вдруг все стихло, будто по волшебству.

Коргоруша еще полежал какое-то время, чувствуя, как натужно бьется его сердце, а мышиное вторит ему скорыми перестуками. Осторожно глаза открыл, огляделся, принялся, и только после этого, выпустив домового из лап, потихоньку пополз из-под кровати на свет. Высунул голову и замер, пытаясь рассмотреть, что случилось. Но кроме перевернутой мебели, ледяной крошки и разбитых окон никакой дургой опасности не обнаружил.

Тут и домовой в себя пришёл, пискнул испуганно и со всех ног помчался проверять, не пострадал ли государь-батюшка. Ждан не пострадал. Только перевернулся со спины на бок, да так и застрял, подушками придавленный с двух сторон, снегом припорошенный, до синевы побелевший от холода.

Мышь лапками всплеснул, заверещал, коргорушу на помощь призывая и требуя царя перевернуть и одеялом прикрыть. Котяра на кровать запрыгнул, носом повел и отказался государя на спину опрокидывать. От возмущения от домового иссяк мышиный запас писка и он, злобно оскалившись, кинулся было на помощника. Коловерша его лапой чуток придавил, носом дёрнул, воздух в себя втягивая, глаза прикрыв, будто прислушиваясь к чему-то.

— Не верещи! — чуть сильнее вжав домового в перину, рыкнул кот и замер.

Кузьмич послушался и затих под лапой. Коргоруша, убедившись, что мышь больше не орет, поднялся и плавно скользнул в сторону Ждана. Замер у поясницы и принялся по кругу обходить, через каждый малый шажок принохиваясь. Дошел до лица жлановского, подцепил когтями длинными подушку и оттащил, открывая себе доступ, но не позволяя царю лицом в перину упасть. Приблизил морду вплотную к закрытым глазам, и замер, вслушиваясь. Фыркнул раздраженно и двинулся к затылку.

Бабай Кузьмич, забравшись на другую подушку, нервно носиком поддегивал, лапки сложив на пузике, и молча наблюдал за коргорушей. Придя в себя, домовый быстро догадался, что затеял кот. Растерянные и перепуганные, они оба совсем забыли о том, что черный зверь умеет не только по теням гулять. В его власти отыскать источник ворожбы любой сложности: от артефакта зачарованного и родника силы, до иголки-пуговички, на которых заклятье наложено.

В стародавние времена к хозяевам, которые с домовым в ладу жили, хозяин сам приходил вместе с коловершей, когда в семье младенец нарождался. Кот в колыбельку нырял и дитя обнюхивал со всех сторон. Ежели спрыгивал и в тенях растворялся, не дожидаясь, когда домовый шикнет и уведет, тут все просто: человек без магии на свет пришёл.

Если в головах у малыша укладывался, и мурчать громко начинал, в улыбке пасть расплывая, родители знали: искра силы в ребёнке имеется. И тут уж выбор за ними оставался: позволить новорожденному пройти свой путь, Родом назначенный, или к ведунье обратиться, чтобы закупорить источник магии. Источник ведунья присыпала, но человек предупредила: магия рано или поздно

найдет выход. А уж в каком виде она себя свету явит, то уж от предков зависит: кого воспитают, то и вырастет.

Вошба не бывает тёмной или светлой, в одежды и цвета её обряжают те, кто пользует собственную или заимствованную магию. Сама же сила как ручей — чистая, светлая, прозрачная. Если не обижать её и прислушиваться, котенком ластиться будет. Если использовать для черных дел, змеёй ядовитой обратится.

Время замерло вместе с коргорушей, что возле темечка ждановского застыл. Вот кот глазами сверкнул, носом в затылок царский ткнулся и утробно завыл, подушку когтями раздирая. Темная магия на вкус пьянит похлеще вина выдержанного. Существа навьи в охотку «пьют» её при удобном случае, про запас.

Мышь очнулся, подскочил к котяре, молнией взлетел на кошачью голову и за усы из всех сил дёрнул. Коргоруша взвыл еще сильнее, на месте подпрыгивая и головой потрясая. Домовой едва не улетел в стену, в последний момент на многострадальных усах повиснув. Кот обиженно рявкнул, лапой мыша на перину стряхивая, когтем в сторону затылка указал и отвернулся от домового, сопя.

Кузьмич заверещал, требуя место точнее показать. Коргоруша схватил вредного грызуна и брякнул со всего размаха на царский затылок. Затем пряди раздвинул, хотел было мыша носом ткнуть в булавку, да передумал, мести домового опасаясь. Бабай Кузьмич, счастливо пища, накинудся на синюю булавочную головку. Обхватил её двумя лапками, и тащить на себя принялся. Пыхтит, сопит, но помощи не просит.

Наконец, сообразив, что один не справится, пасть распахнул, показывая, как коргоруше за артефакт ухватиться. Сам к хвосту кошачьему побежал, за кончик крепко уцепился, дождался, когда котяра крепко зубами артефакт прихватит, и пискнул команду: «Тяни!» Дёрнули одновременно. Булавка едва с места сдвинулась.

Разозлился мышь, поднатужился, вновь скомандовал. Дёрнули. Вышла наполовину колючка заколдованная.

Домовой тут и вовсе взъерепенился, откуда только силы взялись. Изи всех сил потянул помощник аза хвост пушистый, при этом умудрился зубами впиться. Кот взвыл, артефакт из пасти не выпуская, назад отпрянул, иголка и вышла. Три капли крови рубиновыми

камушками скатились на кровать. Коргоруша булавку выплюнул, на попу плюхнулся, в очередной раз Кузьмича едва не придавив.

Мышь из-под кота выбрался, тяжело дыша, сердито на коловершу глянул и помчался царя-батюшку проверять. На плечо взобрался и замер, вслушиваясь в дыхание. Ждан не шевелился, все также лежал, носом в руку уткнувшись с глазами закрытыми. Кузьмич поколебался, потом все-таки решился: на шею спрыгнул, у мочке уха подобрался и, зажмурившись, цапнул царя зубами острыми. И едва успел увернуться от тяжелой мужской ладони, резво взлетевшей в надежде прихлопнуть тварь, которая больно укусила.

— Меня будить? — спросонья взбрыкнул Ждан, глаза с трудом разлепляя, ухо почесывая.

Обнаружив кровь на пальцах, царь мутным взглядом пару минут руки свои разглядывал, затем попытался подняться. Но от холода и неподвижности тело задеревенело и не желало слушаться. Острыми колючками по телу мурашки побежали, впиваясь в кожу, разгоняя кровушку в жилах. Ждан застонал, с трудом на спину рухнул и послал неведомо кого к лешему, встретившись взглядом с коргорушей, который невозмутимо восседал в изголовье царском.

— Ты... кто? — прохрипел царь.

— Мур-р-р-мяу, — повел ушами черный кот и лапой на мыша указал.

Кузьмич, умильно глядя на очнувшегося Ждана, восседал на подушке. Государь глаза вытаращил, головой замотал, видение отгоняя, но не тут-то было. Мышь никуда не делся, котяра упитанный в головах торчал. Тут домовой сообразил, что коргорушу государь не поймет, не дано ему слово навъего зверья слышать. В том числе и мышиную речь. Торопливо с кровати сбежал, отыскал на полу листок бумаги и карандаш и принялся корябать послание царю.

— К-кузьмич? — ошарашенно царь выдохнул, бумажку в руках сжимая. — Кто тебя так? За что?

Мышь заверещал еще сильнее, в записку лапкой тыкая. Ждан читать продолжил и с каждой новой строчкой все больше хмурился. Домовой кратенько обсказал, как царя-батюшку в сон погрузили и кто распорядился. Что к столице армия снежная под предводительством королевы Вечного леса подошла и в осаду город взяла. Что царица в руках крестной игрушка безвольная и нет им обеим более доверия,

потому как сама лично государя на вечный сон обрекла. Тут Кузьмич зубы оскалил и булавку Ждану показал. Царь читал-перечитывал и поверить не мог: под своим носом заговор проворонил и от кого? От жены собственной!

Тут до государя дошло и он живчиком подскочил на кровати:

— Элла?! Эллочка... пришла? — взгляд снова в бумажку метнулся и недоумение порезалось в голосе мужском. — К-как с армией? Почему с армией? Зачем с армией? Я же люблю её... — записка из рук дрожащих выпала, и только теперь Ждан осознал, что сидит полураздетый в ледяной комнате и почти что зубами от холода клацает.

Понял это и домовой. Громко вереща, подскочил к коргоруша, который вольготно на подушке развалился и в порядок шерсть приводил. Указал хвостом на шкаф и лапкой притопнул, требуя сей же час притащить Жданушке обувку и одёжку потеплее. Кот недовольно мявкнул, но поручение выполнять отправился. Нырнул в шкаф и вскоре приволок, не заботясь о сохранности, кафтан тёплый, сапоги и шарф.

Домовой глаза закатил, лапками затопал и запищал пуще прежнего. С трудом смех сдерживая, царь закашлялся, и попросил любезного котика носки отыскать в гардеробной. К удивлению Ждана. Черныш речь его понял и отправился добывать искомое. К тому моменту, как коргоруша вернулся, государь уже полностью в себя пришел, сидя на постели разминку небольшую сделал, телоподвижность проверяя.

Коргоруша выплюнул носки царские на пол и возмущенно топорща усы вновь на кровать запрыгнул, всем своим видом демонстрируя, что обижен до кончика хвоста: его, потомственного коловещу, в собаку-подавачку превратили!

Ждан потянулся и погладил с благодарностью кота по спине. Коргоруша ушами дёрнул, довольно выгнулся, но так и не обернулся. Кузьмич что-то проверещал на мышинном, грозя кулачком наглому котяре, но царя и его по ушам погладил:

— Благодарствую, друг старинный, не оставил в беде! Обещаю, вернем мы тебя из шкуры мышинной в тело собственное! — с этими словами государь торопливо носки натянул, сапоги напялил, кафтан надел и на ноги вскочил. И тут же едва не рухнул, на полу ледяном подскользнувшись.

Коргоруша в момент в размерах увеличился, плечо сильное подставляя. Домовой испуганно пискнул, глаза от ужаса закрыв, но Жан на ногах устоял. Кота ещё раз погладил, поблагодарил, кафтан одернул и мышу ладонь протянул, предлагая на неё забраться. Кузьмич довольно ушками шевельнул, взорвался на длань, за большой палец крепко ухватился, чтобы не упасть, и стремительно наверх взлетел. Царь его на плечо усадил, к воротнику-стойке поближе. Грызун за украшение уцепился, поёрзал, устраиваясь, и пискнул, требуя действий.

Ждан осторожно из опочивальни выбрался, по сторонам оглянулся и, не обнаружив в коридорах ни души, двинулся в сторону тронного зала, по пути в все комнаты заглядывая. За последней дверью царь голоса услышал громкие, возмущенные. Остановился, прислушался. В одном признал Февронию, яростно что-то вещавшую. Женщину, которая ей ответила, не опознал, потому замер на минуточку, затем, дождавшись паузы в разговоре, решительно дверь толкнул и царственно спросил:

— Может мне кто-нибудь объяснить, что здесь происходит?

ГЛАВА 25. Зеркальное сердце

— Тебе предыдущие двадцать глав рассказать или сам догадаешься? — нарушил тишину ироничный мужской голос.

Ждан вспыхнул спичкой, но тут его взгляд наткнулся на знакомую фигуру, шагнувшую в его сторону.

— Волк! Волчара! Ах ты, друг замшелый! Пенёк скрипучий! — радостно кинулся навстречу Сириусу царь.

Мужчины крепко обнялись, облапив друг друга мощными хлопками по спине и плечам, и замерли, разглядывая изменения, временем в лица привнесенные. Ягиня улыбнулась, стирая с лица напряженность и скрытый гнев. Февронию перекосило от ярости и удивления.

— Как?! — раненым зверем взвыла двоедушница и вдруг задрожала и стала истончаться.

— Как — хорош вопрос, — сдержанно рыкнул в ответ волк, делая шаг вперед, прикрывая собой Ягу и вытаскивая кинжал.

— Нет! — воскликнула царица, останавливая обоих мужчин: безоружный Ждан подхватил с пола дубовую ножку от стола, не отставая от Сириуса в желание защитить. — Остановитесь!

Серый и царь замерли, повинувшись. Руки царицы взметнулись птицами белыми вверх, из левого рукава Ягиня вынула плат тонкий, полупрозрачный прошептала что-то и резко в сторону Февронии бросила. Ткань исчезла, будто её и не было, темная фея. Не переставая утробно выть, продолжала вверх тянуться и таять на глазах. В какой-то момент в комнате сдержано ахнули: женское тело начало раздваиваться, серый силуэт — без лица и рта — выбирался наружу из бывшей императрицы.

Волк вопросительно на царицу глянул, но не рискнул окликнуть. Ягиня напряженно замерла, не сводя глаз с Февронии, и в тот момент, когда серая тварь почти оторвалась от женской плоти, царица руками взмахнула и на голову двоедушницы упала призрачная сеть. Существо заверещало отчаянно, пытаясь разорвать путы. От этого крика беззвучного волк и царь на колени пали, а Яга пополам согнулась, губу закусив до крови, контакт зрительный не разрывая.

Недолгая борьба завершилась полным пленением. Скованная тварь застыла в коконе, Феврония застыла рядом куклой бездушной. Ягиня громко выдохнула и осторожно руки опустила, не сводя глаз с сестрицы младшей. Но темная фея не шевелилась, лишь едва заметное колыхание ткани на груди указывало на то, что она жива.

— Что это было? — просипел Ждан, изумленно кокон разглядывая. — Кто... Что в ней... Что она такое?!

— Двоедушница, — рыкнул волк и сплюнул, будто черных жуков помойных наглотался.

— Моя оплошность... — сокрушенно покачала головой Ягиня. — Позабыла я совсем про особенности сестрицы младшей. В детстве-то батюшка с... маменькой под контролем вторую душу держали, отварами поили на полную луну, аккуратно на месяц хватало... А...

— А тут сестрица выросла и силу сдерживать перестала, — хмуро закончил Сириус. — Спасибо! — мимолетная улыбка нежности озарила суровое мужское лицо. — Если бы не ты, неизвестно, чем закончилось бы.

Ягиня ласку вернула, легонько до руки волчьей дотронувшись и вздохнула тихонько, глаза отводя. Затем в ладоши хлопнула, и вспыхнули искры золотистые вокруг Февронии и существа плененного, плотнее обоих в окутывая в яйцо золотое.

— Теперь главное от мыши подальше яичко держать, — Ждан не удержался и хихикнул.

Мышь на его плече обиженно запищал и лапкой по царскому плечу топнул. Сириус закашлялся, разглядев грызуна, вольготно восседавшего на государевом кафтане, а Ягиня в голос расхохоталась. Мужчины не выдержали и тоже смехом грохнули. Денёк напряженный так весельем и вышел весь, оставив после себя послевкусие озадаченности и кучу вопросов: что делать и как быть. И один ответ: сердце необходимо вернуть той, что овладела нынче телом и разумом Амбrelлы.

Волк смехом захлебнулся, как только мысль уловил: Ждан-то и не в курсе, кто стоит с войском заколдованным под стенами столицы. И что возлюбленная его нынче кукла бездушная без сердца — тоже не ведает. Вспомнил волк, что жена-то бывшая, и как бы после всего прочего еще и с королевой Вечного леса разбираться не пришлось. Кто

его знает, каким колдовством её столько лет травили, что внушали, на что настраивали.

— А не выпить ли нам чаю, государь? — видимо, о том же и Ягиня подумала, потому решила, что за самоваром легче новости Ждан воспримет. — Только... без государыни и придворных, — вопросительно глянув на царя, уточнила царевна. — Пускай пока никто не ведаёт, что царь в себя пришел.

При упоминании жены вероломной Ждана всего передернуло, лицо кровью налилось от гнева, в глазах молнии засверкали. Мышь на плече крепче за воротник ухватился: заходили плечи царские ходуном от бешенства.

— Охолони! — глядя в глаза другу, твердо молвил Сириус. — В семейных дрязгах всегда оба виноваты. Предателями на пустом месте не рождаются. Сейчас главное государство твоё спасти и... Амбреллу из беды выручить.

— А... Амбреллу? — Ждан побледнел и кулаки сжал. — Она... Что с ней? Кузьмич сказал, что это... она... войной угрожает... Но феи никогда не покидали Вечного леса... Да и не воины они... Как такое возможно?

— От разбитой любви и сердца растоптанного и не такие беды приключаются, — вздохнула Ягиня. — Коргоруша, будь ласков, посторожи сестрицу младшую. Если понадобится, напрямую зови, тенями приду. А мы пока обсудим дела насущные, и чаю попьём с травками.

— От травок увольте, — скривился Ждан. — На век оставшийся напился сборов лечебных из чужих рук, — тут царь смутился и уточнить поспешил. — Не о тебе, царевна, речь веду...

— Не печалься государь, — Ягиня, утешая государя хмурого, коснулась его плеча и не заметила, как скрипнул зубами Сириус, ревнивым взором картину оглядывая. — Впредь урок тебе: нашёл любовь — береги её вопреки всему, не разбрасывайся чувствами, не прогибайся под мир — хуже будет.

— Так я же... — вскинулся Ждан, но волк его опередил.

— Ага, ни в чем не виноват. Она сама пришла. Веди в укромное место, мученик, где разговор не подслушают, — хмыкнул серый, в себя приходя. — Да по дороге на кухню заглянуть не помешает, самовар прихватим с чашками.

— Я слуг кликну, стол накроют, — обронил Ждан, приглашая за собой следовать. — А с ней что делать?

— Нету у тебя нынче слуг, — буркнул Сириус, друга огибая, к двери подходя. — сам справимся.

— Февронию коргошуа стеречь остается, надежней стража в твоём дворец не придумать, — Ягиня потрепала довольного кота за ухом, на мгновение задержалась перед коконом золотым, глаза закрыв и к чему-то прислушиваясь, и вслед за волком к выходу пошла.

— Как это нет? — удивился Ждан, за гостями направившись. — Куда ж они подевались все?

Мышь на плече отчаянно заверещал, царь поморщился и накрыл его осторожно ладонью:

— Тише, Кузьмич, я все равно писк твой не понимаю. Царевна... Нельзя ли домового моего в себя вернуть? Заколдовала его ведьма темная. Меня вот спас, а сам в шкуре чужой сидит.

— Не печалься, выручим мы твоего хранителя. Дай только время, — утешила Ягиня, опочивальню сестры покидая. — Дальше-то куда?

Ждан возглавил процессию и двинулся по дворцу, головой вертя по сторонам, разглядывая разрушения, спотыкаясь о мебель поломанную.

— Дружочек! Принеси-ка нам чаю в кабинет государев, — увидев домовёнка, замершего у стены, обрадованно велел царь.

Юный батанушка с места сдвинулся и в сторону кухни побрел, едва ноги волоча.

— Нет! — остановила Ягиня. — Нет, сами справимся. Заколдованные они. Хуже магии зеркальной для домовых не придумать. Оболванивает, в кукол превращает. После обращения они глазами-ушами-слугами становятся того, кто волшебство сотворил. Не след Февронии даже каплю силы давать. Сильна сестрица. Хоть магию её и закупила я, да возможностей её до конца не ведаю. Потому остережемся.

— Я... понял, — выдавил из себя Ждан, велел домовёнку у окошка стать и на небеса глядеть.

На кухне компания дружно от чая отказалась. Прихватили жбан квасу, связку баранок и в кабинет к Ждану почти бегом отправились. За напитком Ягиня с Сириусом быстро царя в курс дела ввели, обо

всем, что сами знали да выведать успели, рассказали. В ответ государь выложил, что с ним за последние годы приключилось после смерти отца. Про свадьбу-женитьбу. Про Зинаиду и крёстную жены, в которой он младшую дочь царя Берендея признал, которую они с волком ля императора в супружницы добывали. Про то, как она в гости пожаловала. А вот что после происходило царь плохо помнил.

Пока разговоры велись, вопросы обсуждались, планы строились, Ягиня мыша на ладони держала и пальцами аккуратно по шёрстке гладила, пытаясь понять, что за волшба на Бабая Кузьмича наложена, где та сердцевинка магии, в которой вся сила заклятия.

— Нашла! — воскликнула царевна радостно, и мужчины замерли, на полуслове разговор оборвав.

— Что нашла, царевна? — поинтересовался Ждан, с надеждой глядя на Ягиню.

— Сейчас возвращать будем домового твоего, царь-батюшка, — ласково ссаживая на подлокотник кресла мыша, глазёнки вытарачившего, улыбнулась царевна. — Увидела я червоточинку. Вынимать буду, — пояснила Яга — Мне бы щипчики для бровей, воды живой да ткани чистой кусок.

Мужчины от перечисленного набора для снятия порчи растерялись. Спустя мгновение отмерли и начали действовать. Волк достал из поясного кармашка бутылёк небольшой из стекла синего, протянул царевне. Ждан поднялся и исчез за потерой. Как высяниосьза ней пряталась умывальня малая. Иногда царь ночевал в своем кабинете, потому все удобства располагались тут же, чтобы далеко не ходить. Смущенно улыбаясь, вышел к гостям и подал Ягине щипчики позолоченные. Сириус отвернулся, чтобы не рассмеяться. Но Ждан все равно понял и шутливо ткнул друга в плечо.

Самым сложным оказалась ткань, как ни странно. Все одежду, что Ждан из шкафа доставал, Яга браковала. Наконец, государь догадался заглянуть в отделение, где рубахи тончайшего полотна висели изо льна, хлопка, шелка нежнейшего, что сквозь игольное ушко проходили легко. Царевна поблагодарила за щедрость, но попросила платок чистый: много материи её не радовалось.

Раздобыв все необходимое, Ягиня подошла к мышу, напряженно на подлокотнике восседавшему. Домовой встревоженно подрагивал усами и смешно морщил нос. Царевна погладила грызуна по спинке и

опустилась подле него на колени. Сириус тотчас подскочил и, стащив с дивана подушку, заботливо подал ведуне. Яга улыбнулась, стала на неё коленями и застыла, глаза прикрыв. Мужчины дышать перестали, боясь помешать. Тишина зазвенела суками железа а окном и гомоном людским со двора: дворцовый люд налаживал быт после снежной бури.

Голос женский полился ручейком весенним над головой мыша. Руки птицами вспорхнули и погрузили Кузьмича в транс, не дав упасть. Так и стоял домовой столбиком на подставке, глаза в никуда вытаращив, с хвостом в струнку вытянутым. Ягиня же близко-близко к нему наклонилась и, не переставая приговаривать, поднесла щипчики к загривку, что-то высматривая.

*«Ты вода моя живая,
Лента силы голубая,
Порчу изнутри прими,
Домовому помоги.
Нитку черную найди,
Своей волей облеку,
Чары зла разрушь сбой,
Разуму окно открой,
Навья оберни скорей
Тем, кем был до черных дней.
Мышеловку отвори,
Душу с телом помири.
Порчу же тому верни,
Кто завязан на крови
С темным колдовством чужим,
Пусть развеется, как дым,
Дедушко вернёт живым.
Узелок я развяжу,
Вытащу назад иглу,
Разрушаю чары злые,
Отвожжу слова лихие.
Возвращаясь, стань былым,
Старым добрым домовым!»*

Ждан нетерпеливо подался вперед, не сводя глаз с мыша, все еще столбиком на подлокотнике стоящем. Сириус боялся выдохнуть, чтобы

не разрушить невзначай магию. И оба ждали чего-то необычного. Но грызун без громов и молний вдруг качнулся и на пол упал. Ягиня едва успела подхватить маленькое тельце. А в следующую секунду серая тушка начала стремительно расти, теряя клочья шерсти. Ягиня охнула и руки разжала. Бабай Кузьмич собственной дородной персоной с глухим стуком рухнул на ковер и замер бездыханным телом.

Ждан вскочил на ноги и кинулся другу верному, но Сириус успел его перехватить, звериным чутьем понимая, что мешать Ягине не стоит и снятие порчи еще не закончено. Друг, как ни странно, быстро ошибку свою осознал и вырываться перестал. Так и затихли мужчины за спиной царевны, плечом к плечу в молчание.

Тем временем Яга, в одной руке держа иголку чёрную, другой платок аккуратно развернула и осторожно накрыла им голову и шею домового. Затем ладошкой провела над тканью и что-то едва прошептала: «Прими в себя тьму ядовитую, иглу перевитую, порчу смертную, сохрани для огня, для навьего алтаря». Едва шёпот закончился, как хлынула из раны кровь тёмная, булавка в руках ведуньи живым черыём задержалась, пытаясь вырваться. Но царевна крепко держала поперек туловища, еще и рану рукой зажала.

Мужчины дёрнулись было на поиски тряпицы другой, увидев, как кровушка толчками выходит, но, сделав шаг в разные стороны, удивлялись и остановились: платок тьмой насыщался, не капли на пол не уронив, на тело домового не пролив. И вновь в оглушающую тишину, накрывшую комнату, ворвались уличные звуки глотком свежего воздуха. Сириус и Ждан глаз с Ягини не сводили, время от времени приглядываясь: задышал домовый или нет.

Кузьмич оживать не торопился, нервируя и без того злого царя. Государь, видя, как гибнет друг старинный что ему за второго отца был, начал закипать, гнев в себе вызывая. Кулаки сжались и мысленно молодой муж уже дважды жену свою ненаглядную выпорол, а Февронию на кол посадил. Откуда в нем столько кровожадности, Ждан и сам не понимал. Но желание действовать и невозможность вмешаться в процесс и повернуть время вспять, породили в душе мысли тёмные.

— Не корми силу тёмную чувствами своими недобрыми, — прошелестел тихий голос Ягини. — Иначе долго провозимся.

Сириус не дал царю и ответить, не возразить, схватил за рукав и за дверь вытащил. Там друзья и остались, напряженно вслушиваясь с стуки и шорохи за стеной. Сколько времени прошло с мометаЮ как вышли и до возгласа царевны, разрешающего войти, никто из них ответить не сумел бы. Минуты казались вечностью, пропитанной страхом: Ждан за Кузьмича молитву Роду возносил мысленно, волк — за царевну своего бога просил, чтобы сил достало Яге, и чтобы не пострадала она, тьмой не отравилась.

Но все когда-нибудь заканчивается и, столкнувшись в дверях плечами широкими, мужчины ворвались в кабинет царский, приготовившись к худшему.

Домовой все также ничком на ковре лежал, не шевелился. А вот Ягиня сидела, тяжело привалившись к креслу, с которогомышь недавно свалился. Не раздумывая, кинулся Сириус к царевне, рухнул перед ней на колени, осторожно за руку взял, и только услышав, как жилка бьётся по кожей, выдохнул, дышать начал.

Глубоко опечаленный Ждан опустил на пол рядом с Бабаем Кузьмичём, едва слёзы сдерживая. Пока волк с ведуньей возился, царь решил друга старинного на спину перевернуть: негоже отцу названному, соратнику верному, хранителю дворцовых тайн и порядка лицом вниз лежать. Не достойно.

Государь на ноги поднялся, наклонился, одной рукой за плечо домового прихватил, дугой за пояс взялся и чуть не рухнул на кряжистое тело когда «труп» Кузьмича закашлялся, закричал, заворочался на полу.

— Кузьмич! Родненький! — обрадовался Ждан и стал помогать на ноги подниматься, но от радости только мешал больше.

В конце концов хранитель с трудом великим, но сумел перевернуться и рядом с Ягиной уселся, на кресло облокотившись. Сама же ведунья к тому моменту в себя почти пришла и, полулёжа на груди волчьей, чему-то светло улыбалась. Сириус же, придерживая царевну, дышать боялся, чтобы счастье своё не спугнуть. Лишь изредка глаза прикрывал и вдыхал тонкий аромат трав лесных, коими волосы девичьи пахли.

— Х-р-зыр-ло-мы-кра-и-и-х-р-ры! — раздалось в комнате. — З-р-к-о-ра-и-ы-и-ы! — в голосе домового прорезались сердитые нотки.

Царевна встрепенулась и встревожено приподнялась, взглядываясь в лиц Бабая Кузьмича.

— Что, миленкий? Что?

— Хы-р — р-р-ы-ы-ы! Украли! — громко рявкнул Кузьмич на весь кабинет и захохотал облегченно: показалось старому, что речь у него пропала — вместе с мышинным писком ушла.

— Жив-здоров! И речь вернулась! — радостно вымолвила Ягиня, на секунду малую к волку вновь прижимаясь.

Затем девушка решительно поднялась, велев домового в кресло усадить. Осмотрела его со спины, довольно хмыкнула. Только теперь мужчины заметили: ни платка, ни иглы, ни крови чёрной в руках у спасительницы не наблюдалось. Спрашивать, куда вещи делись, не стали, решив захочет царевна — сама расскажет, что тут без них творилось.

Сириус подтащил стул со спинкой поближе к Ягине. Ждан воды домовому принёс. Кузьмич зубами о край стакана клацнул, смутился от собственной неловкости: пальцы как-то удивительно быстро отвыкли от к человеческих размеров и не хотели восстанавливаться. Но гордый хранитель отказался от помощи и теперь, держа кружку обеими руками, медленно пил. Трое спасателей деликатно отвернулись, чтобы не смущать Бабая Кузьмича. И обернулись одновременно, когда услышали хриплое:

— Это мы с коргорушей зеркало умыкнули-то. У нас оно, Ягиня Берендеевна.

Ответить Яга не успела. Во дворе завывало, засвистало, заскрежетало. Вихрь снежный в окна ударил, створки ставен с корнями из стен вырывая. Бешено мельтешащие снежинки завертелись еще сильнее, в образ складываясь. Белый женский лик с пустыми глазницами завис над дворцом. Темные провалы очей, без зрачков и радужки, обвели людей равнодушным взглядом, дрогнули уста белые и молвило чудовище.

— Верни моё!

В тот же миг Ягиня исчезла из комнаты, а стены содрогнулись от удара сильного.

У всех живых сердца одновременно оборвались в груди и в пятки рухнули. В ушах кровь застучала, вторя ритму неведанному. Детишки

малые попадали, за головы хватаясь. У девиц и женщин постарше руда носом пошла. У мужиков всех возрастов из ушей закапала.

Бабай Кузьмич застонал и на бок завалился, зажимая ладонями виски. Волк завыл утробно, зубами заскрежетал, бешено глазами по комнате шаря в поисках Ягини. Ждан, губу закусив, пытался домовому помочь.

— Фе-е-дма-а-а-а, — похрипел хранитель и потерял сознание.

В тот же час Сириус волком обернулся и помчался из кабинета царского в опочивальню Ждановскую. Царь один остался, не зная, что делать, куда бежать кому помогать. Потом вспомнил: в шкафчике соли нюхательные дамские лежат на всякий случай пожарный. Мало ли кому поплохеть может от нагоняя государева. Вот и пригодились.

Вой не прекращался. Голос звенящий равнодушно вещал всё тоже самое. Ждан с трудом преодолел путь туда и обратно, но-таки добыл соль и сунул её под нос хранителю. Домовой захрипел, головой замотал, глаза разлепил. Признал царя-батюшку и, боль превозмогая, просипел:

— Сердце... бог... Царица... Вернуть...

И сколько бы Ждан не тыкал под нос флакончик розовый, Кузьмич больше в себя так и не пришёл. Царь злился от бессилия и выбора непростого: с одной стороны — как бросить друга старого в таком состоянии? С другой — Ягиня исчезла, волк умчался на поиски. Инстинкты Ждана вопили: бежать надобно в опочивальню, не зря, ох, не зря морда страшная за окном нудила.

Сунув еще разок баночку в усы бабаевские и не добившись результата, Ждан, решившись, сорвался с места и побежал в спальню свою, на всякий случай на ходу меч со стены сорвав. В комнату царь ворвался, готовый в капусту покрушить всех врагов, и едва успел затормозить перед волчьим задом. Отступил назад и огляделся.

Феврония в коконе золотом все также в дальнем углу находилась. Прикрывая её, коргоруша в размерах увеличился, когти железные выпустил хвост воинственно задрал, и ушами нервно дёргал. К плененной ведьме не подобраться без боя смертного.

Сириус, оскалившись, глаз не сводил с Ягини. Ведунья стояла, оцепенев, раскинув руки в стороны, в центре разгромленной спальни. Из её ладоней вырывались плети зелёные, живые, формируя круг, в

котором застыла бледная... Зинаида, с трудом удерживая в пальцах дрожащих сердце чужое пульсирующее, с оборванными нитями.

ГЛАВА 26. Третий волчий сон

- Государь, — не оборачиваясь, сквозь зубы процедила Ягиня. — Спасать людей надобно! Зеркалица долго ждать теперь не будет, сама за сердцем своим пожалует. Собирай богатырей и стражей, вели всем уходить из города!

Видно было, что Яга с трудом круг защитный держит: умирающее сердце пульсировало сильнее, затем замирало и в следующую секунду испускало стон. Звук этот — глухой и болезненный — отражался от ограждения, продавливая так далеко, что края купола едва не касались женских рук. Царевна на полшага отступала, пережидая, чтобы не дотронуться. И вновь возвращалась на место, как только сердечный ритм успокаивался.

По щекам Зинаиды текли слёзы, в глазах страх плескался, руки всё сильнее дрожали, опускаясь.

— Держи! — повысила голос Ягиня. — Не смей отпускать, погибнем все!

— Н-не мо-о-гу-у-у! Тяжеле-е-е-ет! — простонала царица, подтягивая ношу к груди и укладывая на изиб локтя, словно ребенка.

— За каким лешим ты его из шкафа достала?! — рявкнул Ждан, оценив обстановку.

Ответить молодая жена не успела, Яга перебила:

— Государь! Люди! Поспешите! Не смогут уйти, пусть прячутся в погреба и подвалы.

Секунду поколебавшись, Ждан с места сорвался и понесся во двор. Вскоре в окна ворвался его зычный командный голос, который перекрыл гомон людской от радости, что царь жив и от ужаса надвигающейся беды неведомой.

— Помочь чем? — Сириус в тело человеческое вернулся, за спиной Ягини стал.

— Зеркало найди... — царевна в очередной раз отодвинулась от круга защитного и уперлась спиной в мужскую грудь.

В тот же миг стены сдерживающие сильнее засияли, будто кто-то неведомый в них силу влил. Яга удивилась и, дождавшись, когда сердце успокоится, отошла от волка. Свет мигнул и стал

приглушённой. Волк приблизился и снова прикоснулся к царевне, положив руки на плечи. И опять наполнился круг мощью. Если Ягиня и удивилась, то ничего не сказала, приняла помощь мучительно размышляя, как остановить процесс распада, при этом Зинаиду в клетке с сердцем заперев, чтобы руки освободить.

То, что хозяйка всякое пожалует за своим, сомнений у Берендеевны не вызывало: связь у артефакта и его владелицы крепче не придумаешь. Нет у них теперь трёх дней обещанных. Все решится здесь и сейчас.

— Ты зачем сюда полезла? Велено было нос не высовывать! — Сириус озвучил вслух вопрос, который царевна так и не успела задать перепуганной Зинаиде.

— Позвала-а-а-а-а! — царица зарыдала пуще прежнего.

— Кто? — синхронно выдохнули и вместе отступили от круга Ягиня и Сириус.

— Крё-о-о-стна-а-а-я-а-а!

— Как прошла мимо коргоруши? Не мог он тебя пустить!

Огромный кот из угла утробно мяукнул, но с места не двинулся. Обняв собой «яйцо» золотое, опоясал его чёрным пушистым поясом из собственного тела. Коргоруша настолько увеличился в размерах, что сквозь прозрачную золотую вуаль Феврония вина была только наполовину.

— Теня-а-а-а-ами-и-и-и! — прохныкала Зинаида.

— Как?! — воскликнула Ягиня: не бывало такого, чтобы она теневика не учуяла, тем более когда он — человек!

— Амуле-е-е-ет! — взвыла царица, едва сердце из рук не выпустив, когда стон очередной раздался.

— Держи! — рявкнул волк, а Яг, воспользовавшись неожиданной поддержкой, что-то торопливо зашептала.

Слова маленькими искорками полетели к Зинаиде и в впились в её руки, наполняя дополнительно силушкой физической. Царица всхлипнула благодарно и продолжила сердце баюкать.

— Зеркало добыл государь? — услышав шаги за спиной, напряженно молвила Ягиня.

— Принёс, царева, как же не принести! — проскрипел Бабай Кузьмич, появляясь в поле зрения. — Вот туточки положу. А ты давай-ка мне уздечку передавай! Силушка тебе для другого пригодится, —

домовой уверенно шагнул к Ягине, руки раскидывая, готовясь концы круга защитного перехватить.

— Удержишь? — засомневалась было Яга, помятуя, сколько времени хранитель без полного источника мышью серой бегал.

— Будь уверена, Берендеевна, не подведу!

— Сириус, пусти! — велела царевна, и, после секундного сомнения, волк отступил, пропуская за спину девичью домового.

Кузьмич чутка в росте увеличился, правой ладонью до запястья девичьего прикоснулся. Руки обоих вспыхнули и те же искорки малые впились в пальцы мужские крупные, пробежались вверх, запястья, понеслись дальше к локтю. Где останавливались, узелок невидимый вязали. Как только звездочки потухли, Кузьмич сжал ладонь в кулак, веревки невидимые крепко зажав. В тот же миг дотронулся и другой дланью к Ягине.

Спустя несколько минут царевна стекла вниз и вынырнула из «объятий» домового, отступила на шаг, прищурилась вглядываясь в круг и домового и кивнула сама себе, оценив силушку хранителя, что зелеными... мышами побежала по кругу, соединяя и латая проплешины, при разрыве двух сил проявившиеся.

— Прочесть не могу, кто она, — сокрушенно головой покачала царевна и уточнила, видя непонимание в глазах волка. — Та, что в зеркале заперта, у которой сердце отобрано.

Волк задумался, лоб хмуря, вспомнилось вдруг, что так и не договорили в прошлый раз — буря помешала, и он так и не рассказал ведунье сон свой третий. Не с того, не с сего вдруг по спине холодной змеей страх прополз. Оглянулся Сириус и вздрогнул: сквозь золотую пелену глядели на него глаза черные, ненавистью полыхая. Спелёнутая, лишённая сил и магия, темная фея умудрилась не только Зинаиду на помощь призвать, но и по крупице «прутья» кокона расшатывать начала. Ужас животный волнами от пленницы отходил, натыкался на преграду, и ядом ненависти плавил золотую клеть.

— Думаю, это сердце богини, — выпалил Сириус на одном дыхании.

— Откуда знаешь? — вскинула брови Ягиня, а сама тут же нахмурилась, размышляя, сопоставляя, прикидывая. — Возможно, ты прав, Сириус, — ведунья по солнцу ловушку с Зинаидой обошла, принохиваясь и приглядываясь.

Волк заморожено наблюдал, как изменились глаза царевны, только вот глядела из-под ресниц зеленою человечьей, а теперь сверкают очи изумрудами, а зрачок сузился до игольного ушка, будто и вовсе его нет.

— Что вы тянете! Спасайте меня-а-а-а-а! — заверещала Зинаида, понимая, что про нее если и не забыли, то наплевали на мучения её, вопросы какие-то глупые решая, вместо того, чтобы царицу спасти.

— А ну, цыц! — рыкнул волк и так глянул, что у государыни едва сердце рубцами не покрылось от ужаса.

— Сириус! Уронит ведь, окаянная! Потихе! — царевна укоряюще головой покачала. — А ведь ты прав, добрый молодец. Задержись мы на седмицу в избушке, учуяла бы кровь нездешнюю. Да после плена без воды да с родничком перекрытым не хватает мне своей магии. Силы едва наполовину восстановились. Кто она, знаешь? — резко безе перехода печаль свою оборвала Ягиня, искоса на сестрицу младшую глянув.

Феврония, услышав, что у старшенькой источник наполовину пуст, забилась, задержалась в яйце. Да с такой силой, что коргоруша, до этого спокойно лежащий, на лапы поднялся, по кругу клетку обошел, принюхиваясь к защитным слоям. Убедившись, что прорывов нет, и путы крепко держат фею-крёстную, черный кот на место вернулся, рыкнул на двоедушницу, оскалив клыки и глазами сверкнув. Затем глубоко вздохнул и осторожно на полог дыхнул, за которым младшая Берендеевна бесилась от злости и бессилия.

Странное зеленоватое облачко скользнуло из пасти звериной и прошло, как нож сквозь масло, внутрь. Темная фея дёрнулась, да бежать некуда. Облако лба женского коснулось и растаяло. Феврония глаза закрыла и застыла, словно уснула. Коргоруша довольно муркнул и улёгся, плотнее кокон телом со всех сторон обжимая.

— Благодарствую, — молвила Ягиня, по-прежнему глаз с сердца не сводя. — Но больше не повторяй — не выдюжишь.

В ответ котяра, не открывая глаз, только кончиком хвоста и дёрнул.

— Ясуни Святогорovy сердце это, — отвечая на вопрос заданный, с сомнением произнес волк. — Третий сон я так тебе и не рассказал, не до того было.

Ягиня руки к груди прижала, охнув, затем, не говоря ни слова, вперед шагнула и всем телом к стенам прозрачным прижалась, что Зинаиду внутри с артефактом удерживали. Сириус дёрнулся было спасать, да так и замер на месте, зубами скрипя, умом осознавая — так надо, и не по глупости ведунья такое сотворило. А зверь слышать ничего не хотел, требовал спасти, в нору унести и спрятать ото всех бед и напастей. Вечный спор зверя и человека за право выбора закончился тем, что волк, скуля и подвывая, за каждым движением пристально наблюдал, готовый тут же на помощь кинуться. Человек же, зубы стиснув, приготовился к худшему на всякий случай, и тоже глаз не сводил с ведуньи.

А царевна, растворившись в потоках и путях, слушала историю сердца девичьего, своё крепко в кулаке зажав, чтобы от сочувствия не разорвалось.

* * *

Упокоив сердце своё в реке глубокой, Ясуня Святогоровна русалкой неприкаянной пошла по свету бродить. Тело её люди добрые на костре сожгли да прах по ветру развеяли. Осталась от богини лишь тень призрачная да капля света от любви вечной сохранилась в душе пустой.

Старые люди говорили, тех, кто возлюбленных обижал, бросал, обманывал или предавал, странница жестоко наказывала: проклятьем вечной жизни одаряла. И становился человек изгоем: солнечный свет его убивал, люди боялись. Спасти могла только любовь чистая. Да кто ж упыря страшного полюбит от всего сердца, когда он родных твоих сгубил?

Счастливым и влюбленным при встрече нечаянной старики советовали ничего не просить. Богиня просьбы благосклонно выслушивала о любви вечной, о счастье неземном, а потом по своему награждала возлюбленных: испытаниями да тяготами, в которых истинная любовь и проявлялась. Не все выдерживали, многие от слабости духа и чувств предавали да обманывали половинок своих.

Время от времени Ясуня будто просыпалась ото сна глубокого и вспоминала о сердце своем потерянном, искать его начинала. Но старшие боги наказали неразумную дочь свою за отчаянье, закрыли путь к сундучку заветному. Только Велес сумел бы отыскать драгоценный клад, кабы признал в возрожденной душе любимую свою.

Да только без сердца не возродиться Ясуне. Так и ходит по кругу, тоской неизбежной мается. Ищет и не найдет. Тут-то и подвернулась Феврония с улыбкой ласковой да с помощью желанной. Поверила ей богиня и оказалась пленницей в коварных руках.

* * *

День сменяется ночью, зима — весной. Радуетя Страж и покровитель междумирья, охраняя границу, глядя на правильность мира. Силой его три мира наполняются. Познал Вещий свет Прави и тьму Нави, оттого ведомы ему все тайны мироздания и Явные пути.

Волхвы приходят к нему за откровением, за духовной истиной. Кудесники, маги и колдуны зывают к нему, как к богу Нави, в поисках знаний о волшбе. Души, переход между мирами совершающие, стучатся в двери с просьбой проводить, путь указать. Много ипостасей несет в себе Страж волею отца своего Рода. Случается и вестником богов быть, и в подземное царство спускаться.

Каждому отмерено будет по поступкам его. Оттого поставлен Велес охранителем на Калиновом мосту на берегу реки Забвения, известной средь человеков под именем Смородины. Суждено ему вечно встречать на перепутье междумирья души, что путь свой земной закончили, и вести их к новому рождению. Через Велесовы пастбища идут все: и те, кто жил правильно и держат путь к светлому Ирию. И те, чья жизнь ложными заветами изобиловала, и ждет их обитель Навья.

Но случаются дни, когда мимо моста Калинова проходит душа призрачная, не оглядываясь и в мир иной не сворачивая. И тогда отчего-то тоскою душа и сердце Велеса полнятся, и покидает он свой пост, оставляя вместо себя помощников, уходит в миры другие,

откликаясь на чей-то зов. Да только отгадать не может, кто его зовет с тоскою в голосе и для чего.

В одном из таких путешествий встретил Велес девицу странную. Подле него в ступе промчалась, не заметила. Будто и не мимо бога пролетала, а рядом с пустым местом прошла. Запала ему красота девичья в душу. Отправился Велес искать чудо чудное, рыжеволосое.

Долго искал неуловимую путешественницу, что между мирами, как по дому собственному расхаживала, из комнаты в комнату переходя. В странствиях своих летунья нравы и науки чужие изучала, знания искала, беды от живых отводила, помощь нуждавшимся оказывала. Удивлялся Велес: как так — столько видеть зрением истинным (и правду, и кривду), ошибаться и обжигаться о тьму навью, и умудриться душу наивную сохранить, светом и чистотой наполненную. Зла ни в ком не видеть, сердце открытым держать.

Наконец, настиг красавицу Велес в Храме всех богов. Зашел в него без спросу и сразу на взгляд возмущенный наткнулся: только невежи без разрешения Хранителей времен в капище суются. Стоит Страж междумирья и глаз отвести не может, молнии зеленые из очей девичьих за награду принимает. Дрогнули ресницы, поймала девица взгляд мужской и отвести не сумела. Так и стояли, на друг дружку плясь, обо всем позабыв, сплетая судьбы свои в единую ниточку, любовью сердца наполняя.

Но только руки их соприкоснусь, как застонало сердце ретивое: «Не она!» И красавица вмиг отпрянула, будто наваждение прошло. Опечалился Велес, хотел было дальше идти, на поиски голоса, да ведунья остановила. Вновь за руку взяла, ладошку к мужской груди прижала и молвила: «Мимо тебя ходит каждый год, да не признаёшь ты её. И пока сердце своё не вернет, не признаешь. Возвращайся домой. Где началось всё, там и продолжится. Береги то, что от леса осталось.

Когда снег кровавый выпадет, мертвое умрёт, поднимется волна стоячая перед зарей цветной — вернётся любимая твоя. Успеешь жизнь в уста вдохнуть — замкнётся круг, спадёт проклятье. А не успеешь... Любовь ваша неизбывна, как сама жизнь. Покуда не вспомните друг дружку, не обрести вам покоя».

С последним сказанным словом Велеса из Храма выкинуло, и как не бился, не стучался бог, не смог более переступить порог и

рыжеволосую предсказательницу увидеть. Ночь переночевал тогда богатырь возле неприветливых стен и отправился восвояси задумчивым, так и эдак пророчество в голове перебирая, пытаюсь разгадать суть, заглянуть за изнанку.

И потекли годы службы Велесовой. Но замечать стали близкие друзья: не сходит печаль с лица Стража, залегла складка глубокая меж бровей, будто дума тяжёлая не даёт спокойно жить и службу нести.

* * *

С тонким стоном и вскриком болезненным вынырнула Ягиня из потоков времени и упала бы, кабы не Сириус. Подхватил на руки бережно царевну, на постель уложил, воды поднёс. Ведунья глаза затуманенные с трудом распахнула, чашку дрожащими руками приняла, старательно делая вид, что все в порядке.

— Благодарствую... как... Кузьмич?

— Держится, — коротко рыкнул волк изо всех сил инстинкты сдерживая, помогла Яге подняться на ноги, вместо того, чтобы на плечо забросить и в избушку унести подальше от всех бед.

— Хорошо... Ты вот что, миленький мой, — набравшись смелости, забрала Ягиня в ладони свои руку мужскую крепкую. — Ты сейчас не бойся ничего... За меня не бойся... Верить мне? — заглядывая в глаза потемневшие, шепнула ведунья прямо в губы обветренные, сурово сжатые.

— Верю, — выдохнул волк, обжигая душу девичью.

— Слушай меня и запоминай! — Ягиня оглянулась в поисках зеркала, что Бабай Кузьмич принес, увидела его тут же, на кровати.

Царевна потянулась было за стеклом, но волк опередил, руку свою из нежных дланей не вынимая, другой потянулся за дамской безделицей, удивлено её разглядывая: как такая малость может столько бед натворить.

— Не смотри что мало, его и увеличить можно, — вздохнула Ягиня, зеркало принимая, с сожалением руки расцепляя. — Мне... связать надобно сердце с зеркалом. Зинаида связь разрушила, нити

живые оборвала. Чтобы невредимым к Ясуне-Азовушке донести и её из беды вызволить, я сама стану... зеркалом...

— Нет! — ярость в голосе Сириуса хлобыснула посильней плети по разуму.

Ягиня вздрогнула всем телом, глаза прикрыла, слёзы сдерживая, вновь к мужчине потянулась, желая успокоить, но волк отпрянул, не желая слушать и понимать.

— Не бойся! Нити привяжу и обратно вернусь! Царицу высвободим из ловушки и пойдём к богине на поклон.

— Да-а-а-а! У меня-а-а ру-ки-и-и-и затек-ли-и-и-и! — раздались рыдания Зинаиды, о которой в круговерти событий все позабыли, воспринимая её как приложение к артефакту. — Я... — хотела было продолжить Зина возмущение свое, да красноречивое желание в глазах волка убить на месте девицу глупую отбило охоту дальше на спасении своем настаивать.

— Не пущу! — сквозь зубы прорычал Сириус, и плечи опустил, принимая как данность: не удержит — уйдёт Ягиня туда, куда считает правильным. — Я тебя вытащу! — упрямо мотнув головой, процедил мужчина. — Не вздумай умереть! С того света достану!

Царева вдруг стремительно поднялась с места, к губам мужским прильнула в поцелуе. Волк и понять ничего не успел, только и услышал на выдохе: «Где ты раньше был!»

— Когда нити к зеркалу привяжу, круг защитный падёт. Зинаида без памяти рухнет. Ты её покрепче свяжи, чтобы дел не натворила, не до неё будет! — не обращая внимания на возмущенные крики царицы, глаз не сводя с Сириуса, торопливо продолжила Ягиня. — Кузьмич в себя придёт, запрет в тенях, чтобы не бродила. Коргоруша, сил достанет ли удержать? Отдача сильная будет!

Кот один глаз приоткрыл, муркнул утвердительно и снова спящим притворился.

— Дальше что? — прорычал волк.

— А дальше отнесешь меня за ворота городские, сама не дойду. Ноша тяжела будет. Коловерша Февронию доставит. Там мы с Ясуней-Зеркалицей и встретимся для обмена.

— Но...

— Не встревай ни во что. Ждану скажи, чтобы приказал люду из потайных мест не высовываться, под ноги не лезть, за ворота не

выходить, на стенах не торчать. За воротами костёр большой запалите, выше роста человеческого. И ждите...

— Чего ждать? — Сириус чуял подвох в словах царевны, да понять не мог в чем его суть.

— Как Феврония с Ясуней в одно соединятся, зеркала трещинами пойдут. Вот тут сердце хватай да в костер бросай. Помни, чтобы не привиделось, кто бы не звал из огня — всё обман! Шагнешь в пламя, сама погибнешь и людей не спасёшь! И Ждану накажай! — тут ладошка девичья вспорхнула птицей белою и нежно до щеки волчьей дотронулась, будто прощаясь навсегда. — Не печалься, милый друг! Прими благодарность за всё!

С этими словами царевна отвесила Сириусу лёгкий поклон и так стремительно в круг вошла, что домовою едва путы из рук не выпустил. Серый кинулся следом, взыв от бессилия, и упал на колени, глаз не сводя с Ягини и Зинаиды, вокруг которых началось светопреставление.

Капли крови, что с нитей на пол накапали, завертелись вихрем черно-красным вокруг ног царевны, поднимаясь все выше, охватывая женский стан, стремясь к зеркальцу. Сердце сильнее запульсировало, из рук царицы вырываясь. Ведунья сама ладони протянула к артефакту вместе со стеклом и ждала, когда жадные полоски стекло обнимут, внутрь проникая за силой, за жизнью, за остатками памяти.

Когда последняя ниточка исчезла без следа в отражениях, Ягиня за ободок потянула, словно желая зеркало раздвинуть. Волк замер, во все газа на чудо дивясь: рама и вправду за ладонями девичьими потянулась, в чашу глубокую превращаясь. Как только ведунье размер подходящим показался, царевна кивнула Зинаиде, велев ей сердце в углубление положить. Царица торопливо ношу страшную в плоску скинула и кинулась прочь из круга.

Но едва оказалась за пределами защитных линий, как пала без памяти. Сириус не стал её ловить, но помня слова царевны, разодрал простыни шёлковые на ленты широкие и спеленал девицу крепко-накрепко, так и оставив на полу кулем лежать.

Ягиня чашу с артефактом к груди прижала, как дитя родное крепко обхватила, и глаза закрыла. Кузьмич всё это время почти не дышал, наблюдая за царевной, знак ожидая, сквозь метель кровавую вглядываясь в каждое движение. Капли по спирали плясали в ритме

бешеном вокруг ведуньи, не давая разглядеть происходящее. Но едва Яга поймала биение сердца чужого, как стихло всё вокруг. Умолк голос, всё это время не смолкающий. Исчезло лицо мертвое за окнами. Стихла пурга в округе.

Осыпались листвой зелёной стены защитные. Покачнулся и едва не рухнул на спину домовой. Сириус его подхватил и на ложе царское уложил осторожно. Затем еще раз проверил путы на Зинаиде, убедился в их крепости и оглянулся на коловершу. Кот поднялся, хвостом на хребет кокон с Февронией закинул. Черная шерсть заискрила золотом, когда ленты защитные соприкоснулись с коргорушей, туловище зверя оплетая. Темня фея дёрнулась было, но снова погрузилась в сон.

Тогда подхватил Сириус Ягиню нежно на руки вместе с сосудом и понёс, куда царевна велела. На крыльце встретились с государем. Ждан, в окружении воеводы и сотников как раз в опочивальню шёл, дела завершив, распоряжения раздав. Волк ему наказ ведуньи передал и дальше двинулся. За спиной царь и друг приказы отдавать начал: кого-то оповещать народ отправил, кто-то побежал стражей со стен отзывать, другие помчались дрова собирать и к воротом сносить.

Сириус шёл и дороги не видел, ругая себя за то, что не увидел: попрощалась с ним Ягиня, не веря в то, что живой вернётся. С каждым шагом сердце волчье стучало тише, кровь бежала тише, вскоре и зверь завыл внутри от тоски и горя. И взмолился волк неистово, умоляя богов не дать погибнуть царевне. А если понадобится — его забрать, а её оставить на свете белом.

Но молчали создатели, а в голове звенело от страха за любимую. Хотелось бросить всё и бежать, хвостом следы затирая, подальше от чужой беды. Сбереечь, сохранить, спрятать. Но знал Сириус: от совести не убежать. Не простит ему Ягиня спасения своего. А потому оставалось одно: выполнить все наказы её в точности. Превозмочь тоску, собраться с силами и не дать погибнуть царевне и человекам тридцать пятого королевства сто сорок первого царства семьдесят второго государства.

ГЛАВА 27. Отражение

За городскими стенами куда не глянь, раскинулась пустыня снежная. В сотне шагов замерла армия ледяная, окружая сани высокие, в которых восседала королева Вечного леса. На козлах сидел, сгорбившись, старый леший Дубовод Семидневич., не себя совсем непохожий. В белой шубе с длинной синеватой бородой, мохнатые брови на глаза нависают, усы сосульками, глаза пустые льдистые.

Вот Амбрелла шевельнулась, и леший ожил, голову поднял, рукой в рукавице взмахнул и ряды стройные человек зачарованных расступились, пропуская волка с его ношей ближе к госпоже. Сириус шёл ка на казнь, каждый шаг с трудом давался. А в голове билась мухой назойливой мысль неожиданная: «Как же до костра теперь добежать? А ну как не успею? Что тогда? Как Ягиню уносить?»

След в след за волком ступал со своей ношей коргоруша, настороженно по сторонам косясь. Зверь чуял опасность, оттого шерсть на загривке дыбом поднималась. Но тревожился он не за армию застывшую, а за груз свой опасный. Видеть не видел, но нутром ощущал: Феврония пробудилась и колдовство прямо на нём творить пыталась. Спинным мозгом чувствовал, как трещит кокон, сопротивляясь взлому чёрному.

Сильна магия Ягинина, но и сестрица младшая не все секреты раскрыла. Кое-что видать про запас оставила. Без ведуньи и домового неуютно коргоруше, но слову своему кот хозяин, потому упрямо шёл за волком, время от времени через плечо оглядываясь и выдыхая облачко пара на ловушку. Феврония дёргалась от чужеродной волшбы, но попыток своих на свободу вырваться, не дожидаясь расплаты, не оставляла.

Пока Сириус сквозь строй проходил, армия вокруг него расступалась, образуя круг широкий. В центре его, как на троне, восседала Амбрелла. Волосы её, цвета крыла вороного, рассыпалась по плечам плащом шёлковым блестящим. Платье на солнце сверкало камнями прозрачными, изморозью по подолу и рукавам узоры причудливые заледенели. Капли росы в короне застыли льдинками синими, цветы превратились в снежинки витиеватые. Сбоку от саней

королевы в раме изящной покоилось зеркало выше роста человеческого. И в полотне его молочном не отражалось ничего.

Амбрелла равнодушно на мир глядела, неживой куклой над армией своей возвышаясь. Встрепенулась едва, когда волк в круг вступил и Ягиню бережно на ноги поставил. Ведунья подарила Сириусу улыбку прощальную, кивнула головой, велев подальше отойти. Упрямый волк хотел было воспротивиться, но молнии зеленый в глазах царевны вынудили подчиниться и отступить.

Оглушающая тишина периной тяжёлой легла на плечи живых. Коргоруша обогнул мужчину, дошёл до Ягини и аккуратно опустил свою ношу на снег. Золото вспыхнуло, обжигая снежный пласт, и стенки прозрачные почти исчезли, Февронию показывая. Темная фея застыла в ужасе, разглядывая Амбреллу и старательно взор от зеркала отводя.

— Государыня Ясуня Святогоровна, — звонким голосом, не сводя глаз с полотна ледяного, начала Ягиня. — Пришла я на зов твой, принесла то, что надобно. Прими со всем уважением, помилуй людей неразумных. Накажи ту, что тебя обманула, пленила, свободы лишила. Не навреди невинным, опусти души чистые. Одари жизнью и красками. Забери сердце своё горячее, — закончила Ягиня и потянула вперед руки с артефактом.

Зеркало хрустальные изморозью покрылась в тот же миг, а затем осколками льда осыпалось и вышла из него дева призрачная, лицом бледная с косами золотыми. Не пошла — облаком лёгким поплыла к ведунье.

Ягиня стояла не шелохнувшись, едва Зеркалица от стекла отошла на десять шагов, плавно переместилась чуть в сторону, собой прикрывая Февронию.

Волк и коргоруша замерли, насторожено за каждым жестом и шагом богини наблюдая. Ведунья стояла спокойно, почти расслабленно, слегка улыбаясь. Феврония, напротив, сильнее в путах своих биться стала, пытаясь руки освободить и губы разжать, чтобы слово колдовское вымолвить. Но золотые нити крепко держали, печать на устах даже не дрогнула.

Сириус забыл, как дышать, боясь момент упустить. Какой — он и сам не понимал. Хотелось одного: спасти и прятать. От коловерши

волны спокойствия исходили, и это хоть как-то удерживало зверя на грани. Но чуйка человеческая криком кричала: быть беде!

Зеркалица доплыла до Ягини и остановилась в трёх шагах, склонив голову к плечу и царевну разглядывая.

— Хорошая... — прошелестел ветер морозный, тронув волосы ведуньи. — Любимая... — прозвенело в воздухе морозном. — Дай!

Яга шагнула навстречу рукам протянутым, но сердце в ладони ледяные не вложила, с поклоном на снег опустила и плавно в сторону скользнула. Зеркалица замерла, с легким удивлением в кусок плоти алой вглядываясь, раздумывая нал чем-то. Снежные вихри щенками послушными возле подола богини призрачной замерли и затихли. Сириус вперед подался, приготовившись. Коргоруша с лапы на лапу нетерпеливо перешагнул, не отрывая глаз от Ягини.

Царевна напротив стояла, не шелохнувшись, все также с улыбкой на устах на Зеркалицу глядя. А вот Феврония пуще прежнего в путах забила, стремясь руки выпростать. И ей это почти удалось в тот самый миг, когда ледяная дева легонько пальцами пошевелила, и сердце само к ней в руке поплыло.

Артефакт, роняя капли рубиновые, медленно опустился в ладони Зеркалицы. Богиня губы в улыбке мечтательной растянула, глаза прикрыла и застыла изваянием. Из солнечного сплетения вырвался вихрь шальной, облетел вокруг сердца, и снова в плоть ледяную вернулся. В том месте, куда он вошёл, вдруг морозные узоры побежали, плоть зеркальную раскрывая, обнажая пустоту пронзительно-голубую.

Краем глаза Сириус видел, как Феврония яростно веревки магические рвет и почти освободила правую руку. Коргоруша тоже это заметил и сильно занервничал, но отчего-то не стал облачко своё выдыхать, лишь хвостом бешено задёргал и муркнул негромко, Ягиню предупреждая. Волк так и не понял, услышала царевна сообщение или нет, потому как даже плечом не шевельнула, головой не кивнула.

А дальше события снежным комом понеслись, и Сириусу ничего не оставалось, как зубами скрежетать и, едва удерживая зверя на железном поводке, выполнять последнюю волю Ягини.

Дыра в груди Зеркалицы расширилась, чтобы сердце в себя принять, и в тот же миг коргоруша хвостом толкнул кокон с феей темной, отправив его в сторону богини с ведунье. Яйцо стремительно

к царевне заскользило, едва в спину ей не впечатавшись. В последний момент Яга шагнула в сторону и отпрянула назад, оказавшись четко за сестрицей младшей.

В ту же секунду Феврония руку, наконец, вырвала из веревок магических, пальцами щёлкнула и послала в спину сестре молнию черную. Только Сириус и заметил, как вошла она змей ядовитой аккурат между лопаток девичьих. Зверь завыл-заметался внутри, разрывая сердце на части. Человек, кулаки сжав и губу до крови прикусив, стоял, не шевелясь, взор с любимой не сводя, помня слова её прощальные.

Оказавшись за Февронией, Яга руками взмахнула и сильным движением ловушку с двоедушницей вперед подтолкнула, ни на шаг от неё не отходя. Фея тёмная завизжала отчаянно, рукой свободной судорожно нити вместе с кожей с себя сдирая.

Зеркалица распахнула глаза белёсые, раскрыла ладони навстречу сердцу парящему, собираясь его в руки взять.

И тут случилось то, чего волк никак не ожидал. Ягиня одновременно взмахом одним сняла с сестры младшей путы удерживающие. Обняла её со спины, вцепилась в запястья, и вместе с ней шагнула близко-близко к Зеркалице. Тут же ладони Февронии под ладони призрачные подставила и прижала друг к другу, на полшага назад отступив. Волк вырвался на свободу и волчьи вой вспорол всю округу, пугая живых своей болью и яростью. За спиной темной феи вместо Ягини стояло живое зеркало.

Как только девичьи руки соприкоснулись, уронила ведунья на снежный наст зеркало зачарованное и со всей силы каблуком на него наступила, принимая в себя проклятье зеркальное. И оказались Феврония с Ясуньей Святогоровной меж двух зеркал, кровью артефакта связанные.

Полыхнуло зеркало ледяное пламенем ледяным, отражая пленниц. Скользнула прозрачная Ягиня, принимая отражение в себя, к сестрице младшей, обняла её руками стеклянными. Завизжала Феврония, голос срывая, руки пытаясь из сердца чужого вытащить, задёргалась в объятьях сестриных. Но ведунья только крепче вцепилась когтями в запястья, кожу до крови испарывая.

Смешалась кровь ледяная с кровью Зеркалицы. Жадно впитал её в себя артефакт и запульсировал сильнее. Ягиня резко ладони Февронии

от дланей Зеркалице отняла, поверх сердца живого наложила, и громко молвила:

«Твоё возвращаю, тебя отпускаю,
Три души местами меняю».

Вспыхнули ниточки оборванные силой напиться, потянулись к двоедушнице, стремясь в солнечное сплетение попасть. Яга назад отступила и замерла напротив девиц сцепленных. Рубиновые капли с земли заснеженной вверх взмыли и затанцевали хороводом вокруг обеих.

Феврония визжала, пытаясь вырваться. Но крепко артефакт добычу в путах своих держал. Зеркалица равнодушно глядела на фею темную взглядом пустым белёсым, ладоней не вырывая, от алых лент не отстраняясь. Прожилки на теле Ясуни вдруг засияли, кровью живой наполняясь. На щеках бледных румянце выступил. Темная фея, напротив, с каждым новым толчком сердца бледнела, жизненные силы теряя.

Когда сфера последнюю каплю из тела двоедушницы выпила, за спиной богини огромное зеркало вдруг трещинами пошло и осколками сверкающими на снег осыпалось.

Ясуня Святогоровна легко вздохнула, руки разжала, отпуская сердце своё найденное, широко и радостно улыбнулась, и растаяла.

Феврония, последний раз вскрикнув, руки разжала, роняя артефакт на землю, вспыхнула пламенем черным и исчезла.

Ягиня-зеркало вздрогнула и, по сторонам не глядя, сердце пульсирующее обошла и к разбитому стеклу пошла.

Волк страшно завыл, метнулся за царевной, но воля её последняя требовала исполнения немедленного. Подхватил Сириус зубами артефакт, тоскливым взглядом проводил ведунью, развернулся и тяжело побежал в сторону стен городских. Залетел в ворота, яростно в поисках костра оглядываясь, и со всего размаха, человеком не оборачиваясь, зашвырнул артефакт в пламя.

Взметнулись лепестки оранжевые, добычу принимая. Люди назад так и отпрянули от жара сильного. А волк, не задерживаясь и призывы Ждана не слушая, обратно помчался, Ягиню выручать.

Не успел.

Полыхнул в руках Ягини осколок зеркала разбитого, поймав лучик солнечный, швырнула его ведунья в раму пустую, приговаривая:

«Две души запираю не навсегда,
Как себя осознают — отойдет беда.
Две души разделяю — навсегда.
Кровью родной окропляю одну тебя.
как забудешь обиды и месть свою,
Я тебя птицей вольною отпущу.
Две души запираю в одно стекло,
Кто бы в руки не взял — сотворит добро».

Стёклышко, кровью Ягини окрапленное, влетело в раму, враз потемневшую. И пала бездыханная царевна рядом с зеркалом почерневши, кровью своей заперев внутри зазеркалья сестрицу младшую. Мелькнули два лица, яростью искаженные, застучали кулаками изнутри, наружу вырваться пытаюсь. Раззевались рты, проклятья посылая обидчикам. Но слова в гортани застывали стеклянными кусочками, и выплевывали их две новые зеркалицы под ноги себе хрустальными шариками. Вся сила двоедушницы Февронии осталась в сердце Ясуни Святогоровны.

Темной фее только и оставалось: принять волю сестрицы старшей и смириться с участью своей. Слово было сказано, старшими услышано. Покуда тьма полыхать будет в амальгаме зачарованной, не видать освобождения душам исковерканным.

Волк мчался по насту снежному, дороги не разбирая. Все, кто под лапы попадался, кеглями разлетались в разные стороны. Сириус видел, как падала Ягиня на снег, но добежать не сумел. Со всего размаху врезался в стен невидимую, отлетел на сто шагов, на спину опрокинулся. С трудом на лапы поднялся, головой лобастой потряс, в себя приходя, кинулся было снова к Ягине, да остановлен был рукой властной. Ждан успел добежать к другу серому, вцепился в холку, не пуская к царевне мертвой.

В один миг ожила армия снежная, что мертвыми куклами посреди поля стояла. Королева Вечного леса, до этого без движения в санях восседавшая, вдруг поднялась в полный рост, взглядом ледяным всех окинула, рукой взмахнула, и зашагали зачарованные селяне, феи, живность лесная, русалки и лешачки с феями напрямик к столице мимо Сириуса, Ждана и коргоруши. Отчего-то их, в самом центре войска стоявших, снеговые воины будто не замечали.

Государь, на секунду было растерявшись, изо всех сил заорал стражникам, за белыми спинами едва видимых: «Закрывай! Ворота закрывай!» — костеря себя на все лады за то, что кинулся за другом и не взял с собой переговорника. Толпа у входа в град стольный не слышала воплей царевых, тонули крики, словно ватой кто пространство вокруг обложил.

Наконец, опешившие сотники опомнились и кинулись огромные ворота закрывать. Ждан, Сириус и коргоруша, нервничая, наблюдали издали за процессом. Мужчины всем богам известным молились про себя, чтобы успели засов накинуть и оборону занять. Коргоруша подрыкивал грозно, чуя опасность, и хвостом нервно себя охаживал по бокам.

— Что же ты, любый мой, али не рад видеть меня, жену свою законную? — от морозного голоса, что прокатился ледяной волной по полю белому, спины царя и волка пламенем жгучим обожгло.

Воины городские, на секунду запнувшись, сильнее ворота толкать принялись, услышав возглас громогласный. Ждан I Неотразимый, в последний раз глянув в сторону столицы, выдохнул коротко, удостоверившись: заперли столицу, по стенам позиции заняли, — и медленно повернулся навстречу бывшей жене и возлюбленной.

Амбрелла в санях стояла равнодушно царя разглядывая, глаз не отводя. Стылый взгляд Элочки, еще недавно огнем зеленым пылавший, отливал серебром и пугал до косточек. У Ждана пальцы на ногах заледенели и сердце будто кто в кулак зажал. Резкой болью окатило грудь, царь покачнулся и едва не упал. Но Сириус плечо подставил, друга поддерживая.

— И тебе по здорову, любушка, — прохрипел Ждан, выпрямляясь. — Давно не виделись, а приходил в гости — не пустила меня...

— В гости, говоришь? — едва Амбрелла из саней на землю ступила, колыхнулся наст белый, поднялись вихри у ног королевы.

Глянули Ждан с Сириусом, а то и не поземка вовсе, а морды змеиные квадратные. Языками острыми шарят вокруг себя, ищут и не находят. Погладила фея по загривкам белым тварей своих, и заскользили они, не торопясь, в сторону мужчин растерянных. Доползли и кинулись. Да не тут-то было: стена, что волка к царевне не пустила, никуда не делась. Тут симуран и осознал: не Амбрелла

преграду поставила, к ведунье не пуская. А коргоруша защиту от заколдованной королевы сотворил.

Друзья дух перевели, переглянулись, и на Амбреллу уставились. Улыбка ярости исказила лицо Амбреллы, которая никак понять не могла: отчего слуги верные никак двоих человечков не сомнут, змеиной хваткой не сожмут, чтоб не дергались. Догадалась только когда вслед за змеями подняла из сугроба медведя белого. Встал косолапый, заревел и пошёл в атаку. Стену пробить не сумел, но следы от когтей оставил. Зарычал от злости голосом женским и осыпался снегом подле круга защитного.

Ждан и Сириус выдохнули было, да беда пришла, откуда не ждали. Содрогнулась земля позади, оглянулись воины и обнаружили коргорушу, едва дышащего. Силы кота верного иссякли. За всю свою жизнь не магичил столько верный друг и помощник домового. Тяжело дыша, прикрыв глаза, коловерша упрямо пытался подняться, последние остатки силы отдавая стене невидимой.

Змеи встrepенулись, атаки свои усилили. Но вдруг ни с того, ни сего отпрянули и улеглись поодаль, на жертв непойманных поглядывая. Мужчины оглянулись и поднялись с колен, оставив кота на снегу лежать. Амбрелла, прихватив Дубовода Семидневича, в руках которого плетками извивалась пурга с вьюгой, неторопливо двинулась в их сторону.

— Мур-ры-мр-яу, — раздалось за спинами.

— Что? — не оборачиваясь, переспросил волк.

— Пламау-у-ур-р, — повторил коргоруша, и до Ждана вдруг дошло.

— Огниво с собой? — прошептал он Сириусу.

Волк торопливо по карманам захлопал, достал кресало и растерянно оглянулся: вокруг не былинки, не травинки, не деревца — поджтггать нечего. Надежда, искрой вспыхнувшая в душах, погасла, не разгоревшись. Но упрямства друзьям было не занимать. Сириус скинул с плеч куртку зимнюю, кинул на снег, чиркнул, огонь добывая. Затлела шкура.

— Кр-ру-у-хы-х, — прохрипел кот укоризненное.

Ждан, не сводя глаз с королевы, медленно по полю в их сторону плывущую, стянул с плеч кафтан, а потом и рубаху, холода не замечая, искромсал ножом на лоскуты и принялся в узлы полоски связывать и

сооружать преграду вокруг троих. Когда ткань закончилась, Сириус тоже сорочку снял, продолжая в дохе своей огонь раздувать.

Десятка два шагов оставалось до загнанных в ловушку защитников града стольного, когда вспыхнуло пламя робкое, царь закончил круг вязать, а волк осторожно огонек на связку перенес, оберег оживляя.

— Милый мой, иди ко мне, — протягивая руки к Ждану, позвала Амбрелла. — Я так соскучилась.

ГЛАВА 28 и последняя. И вспыхнет пламя...

Неживой голос прошелестел по округе, вызвав приступ паники у животных в городе. Воины на стене застыли в панике, заметались в поисках неведомой опасности, потом и вовсе кинулись вниз на поиски супружниц и невест. Едва сотники народ остановить сумели, велел каждому заткнуть уши, чем придется, чтобы не слышать странный зов. Тоска неизбывная такой силы звучала в каждом звуке, что перед глазами мало-мальски влюбленных картины страшные вставали и хотелось бежать домой, чтобы успеть спасти кровиночку или любушку от беды неминуемой.

— Да-а-нушка-а-а-а! — вновь с тоскою ласковой затянула Амбрелла. — Ну что же ты, иди ко мне, зябко мне. Милый мой, холодно без тебя. Иди ко мне, любимый мой... — фея печально улыбнулась, обняла себя за плечи, и заплакала.

Крупный слёзы прозрачными льдинками катились по щекам бледным и падали на снег крупным жемчугом. Сердце у Ждана защемило от отчаянья, потянулась душа к любимой. Чары гребешковые, коим кудри государевы долго не причесывали, силу теряли с каждой минутой. Память истинная пробуждалась, в голове события путались. Показалось государю, что и не было тех лет одиночества, что проживал он в маете непонятной. Все к лесу рвался, а сворачивал в другие края. Да и он ли сворачивал? Или его возвращали?

Ждан не выдержал, шагнул за круг. Сириус едва успел друга за остатки кафтана ухватить. Едва царь черту переступил, кинулись к нему змеи приснувшие, да вовремя серый спохватился, на себя со всей дури потянул друга сопротивляющегося.

— Да чтоб тебя приподняло и треснуло! Куда тебя нечистая несет?! — рычал волк, пытаясь втянуть Ждана в круг, с ужасом наблюдая, как его руки и ноги ждановские, за чертой огня оказавшись, льдом покрываются. Сам государь глаз замороженных с королевы лесной не сводил и помогать товарищу спасать себя не торопился.

Клацнули зубы, повалились мужики друг на дружку: Ждан спиной на Сириуса рухнул, когда волк его из под защиту пламени затянул

рывком мощным. Волк друга с себя спихнул, в снегу уселся, торопливо круг огненный осмотрел на предмет повреждений, и только потом на беглеца глянул.

Коргоруша от всей суеты не вздрогнул, не шелохнулся. Силы кота уходили по капле на подпитку костерка, что робко одежду мужскую облизывал язычками рыжими. Больше дыма было, чем жара. Коловерша по-тихоньку засыпал, с силой расставаясь. Время от времени вскидывал он голову лобастую, пялился взглядом осолопевшим в никуда и вновь ронял морду на лапы скрещенные.

Царь лежал, ртом воздух морозный жадно хватал, пытался голову приподнять, фею взглядом отыскивая. В голове государевой не с того, не с сего вспыхнули звезды яркие, в сознание замутненное ворвались вопли сердитые. С трудом, но опознал Ждан в мужике матерящемся друга серого, который словами злыми костерил его на все лады и готовился вторую пощечину отвесить.

— В... порядке... я... — прохрипел Ждан, поднимаясь на локтях. — Благо... дарствую... — простонал, усаживаясь. — Не... пробьют?

— Не должны, — опустившись на колени просипел волк, кровь сплевывая и рот утирая: падая, царь затылком об него хорошенько приложился, губу разбил.

Мужчины замерли, дыхание восстанавливая и не обращая внимание на зверюг взбесившихся. Прозрачные стены содрогались от ударов хвостов змеиных, но держались благодаря костерку и коргоруше. Твари шипели, обжигая плоть ледяную, но продолжали нападать. И вдруг стихло всё.

На плечи человеческие как-то сразу тишина брушилась пологом пудовым. Ждан и Сириус с трудом голову в сторон королевы Вечного леса повернули и подниматься стали, друг другу помогая. В трех шагах от пятачка, на котором они минуты страшные коротали, стояла Амбрелла.

Лицо девичье белоснежное пряди черные обрамляли, стекали по плечам на грудь ручьями живыми. Казалось, что тьма живая по телу женскому и наряду узоры рисует угольные, норovia свет закрасить. Фея Ждана разглядела и улыбнулась нежно, вновь руки потягивая к нему.

Царь замер, вглядываясь в любимые черты, отыскивая ту Эллочку, которую память сокровенная столько лет в глубинах души хранила.

Морок навий, что Феврония в зеркало запустила, хорошо постарался: Амбrellа выглядела краше прежнего. Только жизнь в глазах бледно-голубых не плескалась зеленью леса весеннего. Румянец рассветный щеки не окрашивал. Улыбка счастливая на губах не цвела.

— Ну что же ты, Данушка, приди ко мне, согрей меня. Или не любишь больше свою Эллочку? Позабыл? — вихри снежные прыснули из-под подола платья девичьего и помчались снежными барсами в сторону города.

Сириус и Ждан обернулись, обеспокоенно, и зубами заскрежетали от бессилия. Белая армия столицу штурмовать начала. Воина и горожане из ополчения растеряно топтались на городских стенах, не зная, как быть. Не чужаки, а кровные родственники, друзья и приятели, колдовством замороженные лезли наверх по спинам друг друга, создавая живую лестницу. Сотники приказ, наконец, отдали, и люди, побросав оружие, похватали дрыны, палки, доски с тали спихивать противника вниз, вслух богам молясь, чтоб не разбились на части снеговики заколдованные.

- Данушка... Иди ко мне... что тебе людишки глупые... Обними меня, согрей любовь своей. Поцелуй меня, — тоскливо закончила Амбrellа и шагнула в круг.

И тут же, зашипев, отпрянула, руки свои разглядывая. Ледяная плоть от прикосновения к стенам, огнем пропитанная, запузырилась и потекла, обнажая кожу розоватую. Королева ладони к глазам поближе поднесла, вглядываясь в ожоги, и друзьям показалось, впервые мелькнуло на лице равнодушном удивление.

Фея голову склонила, разглядывая защиту хлипкую, затем плавно по кругу пошла преграду обходить. Шаг сделает и пробует внутрь зайти. Искры вспыхнут, обжигая руки ледяные, Амбrellа отпрянет и дальше идет, приговаривая:

— Выйди ко мне любимый мой. Я люблю тебя пуще прежнего. Тоска сердце гложет без ласк твоих. Вернись ко мне... Обними меня... — тоска в голосе мертвом роса и ширилась, на последнем слове поднялась метель, закружилась вокруг пятна оранжевого, кидаясь комьями снега в защиту.

Захрипел коргоруша, теряя остатки силы. Зарычал Сириус, волком оборачиваясь. Подскочил к костерку слабеющему, лапу разодрал. И закапала кровь алая, силу симурана огню отдавая. Один Ждан стоял, за

королевой вокруг оси поворачиваясь, губу закусив, о чем-то размышляя. И вдруг резко шагнул к границе спасительной, в ладони от края остановившись.

Волк завыл яростно, но от пламя не отошел, лишь зубами клацнул предупреждающе. Но друг не слушал, в лицо королевы вглядываясь. А потом заговорил.

— Зорька моя утренняя... Любушка моя нежная... иди ко мне... Вот он я! Протяни ладони свои, дотронься до рук моих... — и такая любви в голосе Ждана плескалась, что горло у волка от тоски по Ягине перехватило.

Амбрелла остановилась и прислушалась, голову к плечу склонив. Осторожный шагочек к магии защитной сделала и вновь попыталась дотронуться, потянувшись к Ждану. Но огонь, хоть и не сильный, не позволил. Королева зашипела и отпрянула, ладони опалив.

— Данушка... Больно мне, Данушка, — слёзы потекли по щекам хрустальным. — Выйди ко мне, обними, согрей, — позёмка заметелила вокруг феи, поплыла туманом плотным вокруг полянки огороженной, время от времени «заборчик» на прочность проверяя.

Ждан шагнул еще ближе, руки к сердцу прижав. Силовые линии оранжевыми всполохами заплясали на его лице.

— Зоренька моя, Эллочка... Не бойся огня! Прости меня за глупость мою, за слепоту! За то, что потерял любовь твою. Что не уберёг любовь нашу перед миром всем! Не бойся меня, окрой сердечко своей холодное, пусти весну! Прости меня, сердце моё! Я люблю тебя, душа моя. Без тебя мне жизни нет, одна маета и тоска серая. Я не жил без тебя — маялся! Только во сне с тобою и виделся! — хриплый шёпот Ждана прорывался сквозь магию навью, обжигал искрами горячими снежную владычицу.

Но морок не сдавался и не собирался так просто выпускать из цепких лап своих пленницу. Ожили косы черные, зашевелились, выпуская крючочки-щупальца, стремясь объять необъятное, белое в чёрное превратить. Слова ждановские, огонечками в сердце Амбреллы летящие, гасли, тьмой перехваченные, едва коснувшись груди девичьей.

— Данушка... Ну что же ты... Видишь больно мне, ладони горят, — снежная фея развернула длани, показывая волдыри от пламени защитного, в глазах белёсых застыли боль и недоумение.

Ждана скрутило от бессилия: как помочь любимой, как расколдовать душу замороженную, когда за чертой погибель обоих ждёт?

Шагнёт он за огонь, Элла в тот же миг душу из него вынет, холоду в жертву принесет. Сама же пустышкой безжизненной на веки вечные останется.

Ступит она в его объятия — растает снегом вешним: морок силен в фее, сердце жаркое льдом обложил, не достучаться. Кровушку горячую до капельки последней выморозил. Не осталось в Амбрелле ни тепла, ни радости. И любви не осталось.

Как убедить милую снова ему, однажды предавшему, довериться? Пусть и не по воле своей отступился от неё, по наущению и колдовству чуждому. Но разве не он слабинку дал, позабыв о любви истинной, чарам навьим поддавшись? Значит, не верил в себя. В чужие слова и наветы — поверил. В себя и Эллу — нет. Силе чувств взаимных — не сумел до доньшка довериться.

Значит, сомневался и не надеялся, что чудо великое с ними на яву случилось, не во сне и не в мечтах! Значит, забыл, что вещала ему Чомора тогда, на полянке, когда впервые фею свою единственную встретил. Не услышал слова хранительницы: ушами слушал, а нужно было сердцем и душой.

— Зорюшка моя... Люблю тебя сильнее жизни своей, сильнее света белого, — выдохнул Ждан, и вдруг почудились ему слова матушки родной: «Сыночек мой, Жданушка! Не бывает любви без жертвенности. Любовь не словами показывают — поступками». Вспомнил и понял, что делать надобно, вздохнул легко и успокоился.

Сириус только и успел, что зубами по воздуху клацнуть, когда Ждан, улыбнувшись светло и радостно, шагнув за преграду из рубахи собственной, пламенем почти до конца съеденной.

— Зорюшка моя... Иди ко мне! Согрею тебя, душа моя, сердце моё... Жизнь моя! — выдохнул Ждан, протянув руки к фее ненаглядной, едва крик сдерживая от боли лютой, ощущая каждой клеточкой, как мороз и стужа в один миг под кожу проникли и вгрызлись вдвоем клыками острыми в жилы горячие, кровь выстужая, выхолаживая. Жизнь отбирая.

Амбрелла подалась навстречу любимому, растянув уста в улыбке торжествующей. Прильнула к груди мужской, облачко студённое

выдыхая. Ждан жадно в губы ледяные впился поцелуем горячим, обнял любимую, крепко к себе прижал, не выпуская из объятий королеву снежную. Любовью своей и сердцем остывающим, целуя душу холодную.

Забилась в руках сильных лесная дева заколдованная. Жаром обдало морок черный, глубоко внутри засевший. Да не тут-то было! Не выпустил Ждан любимую, только сильнее к себе притянул, поцелуй не прерывая. Лобызал её щеки бледные, терзал губы бескровные, снимал льдинки с ресниц белых губами своими горячими, шёпотом жарким.

— Солнышко мое лесное! Зорька ясная! Любушка моя, горлица! Вернись ко мне! Услышь меня! Не отдам тебя никому! Умру за тебя, не думая. Воскресну, если спасти понадобится! Только живи! Только живой будь!

Застонала Амбрелла, выворачиваясь. Косы чёрные взвились вокруг Ждана, принялись жалить тело, остатки одежды разрывать. Из пальцев королевы, что в плечи мужски вцепились, в кровь раздирая, туман серо-бурый поплыл вниз по задубевшей от холода коже. Вздрогнул царь, но не отступил. Лишь сильнее в уста любимые впился, ладонями лицо чужое обнимая, выискивая в глазах Эллу, Эллочку — зорьку ясную.

— Элла... Посмотри на меня! — оторвавшись от губ прошептала Ждан, не отводя взора горячего от Амбреллы. — Вся моя жизнь... без остатка принадлежит тебе... — выдохнул он морозным облачком и упал бы к ногам снежной королевы прямо в объятия змей ледяных, пасти раззявивших.

Но дрогнули руки девичьи, сильнее за плечи ухватились, упасть не позволили.

— Данушка? — сморгнув с ресниц снежинки, раздался голосок дрожащий. — Что... что с тобой? — Амбрелла притянула к себе Ждана бездыханного, ноги её подкосились, и рухнула фея вместе с телом любимого на снег.

Твари ледяные зашипели, к королеве дёрнулись, но отчего-то близко подобраться не смогли. Элла сидела на снегу, обнимая Ждана, прижав голову темноволосую к плечу своему, и плакала слезами горячими.

— Дан, Данушка! Что с тобой? — вместе со слезинкам катились по щекам едва зарозовевшим осколки острые, раня кожу нежную.

Лицо королевы покрылось трещинами. Рыдания прокладывали дорожки глубокие, вскрывая панцирь дедажной, в который морок долгими днями лесную фею упаковывал. Косы черные задергались, Ждана опутали, пытаюсь из рук девичьих врываться. Но Амбрелла только сильнее к себе прижимала любимого, в лицо его вглядываясь. а потом и вовсе склонилась и поцеловала в губы посеревшие.

— Не бросай меня, любимый мой! За тобой уйду, не смогу одна, — прижимаясь к устам холодным, целуя нежно, зашептала королева заговор. — Мы с тобой — одно целое, ты — ночка моя, я небо белое!

Царь не дышал и признаков жизни не подавал. И закричала Амбрелла в отчаянье:

— Обмена прошу! Жизнь за жизнь, кровь за кровь, смерть за... — и тут королеву выгнуло от боли так, что рухнула она поверх Ждана бездыханного.

Волк ринулся было на помощь, да поднялся едва: ослаб, кровью защиту поддерживая. Упрямо зубы оскалив, Сириус пополз в сторону друга и королевы, не оставляя попыток помочь, спасти. Королева застыла куклой сломанной на груди возлюбленного. Снежная корка, что платьем тело девичье облегала, вдруг затрещала, будто лед на реке ломается, и осколками стала осыпаться, обнажая живую плоть.

Амбрелла вздрогнула, застонала тихо, потому громче, плечами повела, с трудом голову приподнив, вновь вскрикнула и упала на Ждана. Полежал чуток, уперлась руками в землю, и выпрямилась. Фею трясло, как в лихотанке, качало из стороны в сторону. Морок, цепляясь косами за куски ледянистые, пытался удержаться внутри, но оттепель, что в сердце Эллы началась, гибелью Ждана опаленная, невозможно было остановить. Черные пряди сползали на стремительно таявший под телами снег, оборачивались юркими змейками и стремились поскорей покинуть ту, что так долго их в себе носила, иногда холила, местами лелеяла, обиды вспоминая.

Сириус уже твердо на лапы встал, когда Амбрелла снова закричала, выгибаясь назад, обхватив руками голову и глаза закатив. И вдруг за её спиной, доламывая остатки ледяного платья замороченного, распахнулись крылья огромные, переливаясь всеми цветами. Лесная фея в последний раз выгнулась всем телом, остатки

морока с себя стряхивая, взмахнула пару раз крыльями, крепость и силу их проверяя, и встала в полный рост.

Вокруг Амбреллы и её возлюбленного снег стремительно начал таять, а из земли жадно рванули стебли лианы, подхватили мужское тело и поднесли к фее лесной. Королева Вечного леса склонилась на возлюбленным, нежно ладонями лицо его обхватила, глубоко вздохнула и прильнула к устам мертвым. Вместе с поцелуем вдыхала Эллочка всю любовь свою, всю нежность. Всю свою жизнь без оглядки и сожаления.

Крылья дрогнули, распахнулись во всю мощь и засияли перья всеми оттенками зелени, а затем окутали Амбреллу и Ждана, скрыв от глаз посторонних.

Сколько прошло времени, Сириус не ведал. Когда очнулся, Ждан сидел, привалившись к плечу феи любимой и кашлял, за грудь держась. Элла плакала, гладила его по волосам и что-то шептала губами пересохшими. Дан же, время от времени задирает голову, стремясь удостовериться, что ему не чудиться, улыбался растеряно, и все норовил в обнять любимую. Но от слабости руки бессильно падали, царь морщился, кашлял и все начиналось заново.

Волк оглянулся на коргорушу, доковылял к нему, прислушался, склонив голову лобастую, осторожно лапой тронул. Котьяра судорожно вздохнул, но глаз не открыл. Сириус кивнул, улегся рядом, стараясь плотней прижаться к боку пушистому и остатками силы жизненной поделиться. Да так и приснул рядышком.

Сквозь тяжелый сон почуял волк, что кто-то его по имени окликает нежно, встрепенулся, огляделся и вспомнил вдруг: ЯГиня так осталась лежать возле зеркала разбитого. Нехорошо это. С трудом разогнав кровь по жилам, Сириус перекинулся в человека и двинулся к погибшей ведунье. Покинул круг защитный, кивнул приветственно Ждану: друг в себя пришел и теперь прижимал к себе любимую, боясь хоть на секунду из объятий своих выпустить. Амбрелла плакала, спрятав лицо на мужской груди, тихие рыдания выдавали только крылья подрагивающие.

Сириус шел по таящему снегу, отмечая изменения. Травка молодая пробивалась, живность луговая оживала. На санях Дубовод Кузьмич зашевелился, закричал, руками замахал, стряхивая с себя остатки снега и льда. За спиной раздались крики радости: миряне

заколдованные все как один замерли. Таять не таяли, но и попытки напасть оставили. Где-то на краю сознания мелькнула у Сириуса мысль: «Надо бы сундучок с душами поискать, да расколдовать замороженных», — но тут волк увидел Ягиню, и все перестало иметь значение.

Царевна лежала на спине, слегка запрокинув голову. Её рыжие волосы разметались по снегу языками пламени. В глазах распахнутых потухла зелень, на губах алых снежинки не таяли. Сириус упал подле тела девичьего на колени, голову повесив. Зверь внутри закаменел, а потом свернулся в клубок, и застыл, носом в хвост уткнувшись.

Человек как и волк, опустил на снег, лег рядом с Ягиней, протянул руку и нежно дотронулся до щеки. Спустя секунду сердце проупустило удар, рухнуло в пятки, а затем с неистовой силой заколотилось о рёбра. Кров прилила к голове и зашумела в ушах. Дрожащими пальцами Сириус прикоснулся к холодной щеке снова. Задет резко поднялся, наклонился и дотронулся до шеи, пытаясь услышать пульс. Мир замер, накрыв симурана оглушающей тишиной. Волк злился на себя и не мог сосредоточиться: отравленное надеждой собственное сердце грохотало так, что забивало все звуки вокруг.

Сириус глубоко вздохнул, задержал дыхание, выдохнул и припал к груди царевны. Потекли секунды томительно ожидания прежде чем мужчина тихо заплакал, прошептал пересохшими губами: «Жива...» А затем, стремительно взлетая на ноги с Ягиней на руках зарычал, закричал, застонал так, что земля вздрогнула, а возглас его долетел достен столичных:

— Она жива! Лекаря! — и рванул к саням.

ЭПИЛОГ

После того, как исчезла Зеркалица-Ясуня, а зеркало забрало Февронию жизнь в тридцать пятом королевстве сто сорок первом царстве семьдесят втором государстве постепенно и в волшебном королевстве фей налаживаться стала.

Королева Вечного леса обрела крылья и спасал государя Жана I Неотразимого от смерти: поступок царя старейшины оценили и даровали обоим второй шанс. Но Слово феей Амбреллой было сказано, хоть и под колдовством, и баланс миров требовал его исполнения для полного равновесия. Только наследник или наследница способен восстановить разрушенное темным колдовством.

Поначалу Ждан опечалился, перечитав письмо что Эллочка ему в беспмятстве прислала. Долго вдвоем думали и едва снова не расстались, порешив, что важнее целый свет, чем счастье их единоличное. А для этого государю надобно с царицей пожить, дитя народить, на крестины королеву фей пригласит и крёстной назначить. Тогда и заклатье спадет.

Но тут незадача вышла: государыня Зинаида после того, как в себя пришла, ничегошеньки не помнила: в детство впала. Отдача магическая разум замутненный выжгла до капельки, оставив чистоту младенческую. По велению Ждана придворные лекари-маги провели полное изучение здоровья царицы: переживал царь, что ребеночек у них зародился. Но боги оказались милостивы и доктора переживания государя не подтвердили.

Зинаиду, после аннулирования брака, отправили в больницу специальную, где лечили тех, кто от темной магии пострадал вольно или невольно. Лекари уверили Ждана: царица постепенно в себя придет, и даже память частично восстановится. Как вырастет из младенческого состояния и дорастет до возраста, в котором государыню магической отдачей накрыло.

Разведенный царь немедля отел жениться на возлюбленной своей фее, но Амбрелла воспротивилась, утверждая. Что покуда дитя у любимого не народится, не судьба им вместе быть.

Ситуацию спас коргоруша. Кот, неотступно следовавший за королевой с того момента, как она полностью силы его восстановила и от выгорания магического спасла, раздобыл где-то рукопись древнюю. В ней-то и отыскивали ситуацию похожую и выяснили: свадьбе быть, а слово исполнится, как только у той или того, кто судьбу обидчику переиначил, народится ребеночек, хоть бы и от того, в чей адрес заклятье было сказано. На радостях Ждан объявил о помолвке с королевой Вечного леса Амбреллой, но свадьбу отложили на год. Оба государства требовали внимания и восстановления.

И закипела работа: фея лес расколдовывала, живность и подданных размораживала, души возвращала, оплакивая погибших. Успела-таки Феврония камнями воспользоваться, многие в себя не пришли так и остались статуями ледяными. Так в Вечном лесу впервые за века появилась поляна печали, куда снесли всех, кого спасти не удалось, накрыли пологом тишины, насадили цветов и зажгли огоньки вечные.

Попытки вернуть души королева не оставила, едва снова в одержимость не впала: искала средства и возможности, подняла архивы и повскрывала сундуки со старинными летописями из запечатанных предками запретных отсеков библиотеки магической. Если бы не Ждан, который взял за правило ежедневно на рассвете и на закате приезжать к любимой своей Эллочке, кто его знает чем обернулась неистовость феи, чтобы натворила она, отравленная ядом вины.

Когда же на поляне. Где погибла Чомора, волку отход прикрывая, белки раскопали под головешками сучок живой, Амбрелла и вовсе воспряла духом. Веточку в вазу с живой водой поставила в отдельных апартаментах, велела оберегать пуще жизни и света белого. И вскоре отросток пустил корни, зазеленел и Эллочка пересадила его в сад, окружив цветами и ручейком живительным.

Воскресить из сучка хранительницу леса Чомору в полном здравии и памяти — дело не одного года. Но, окрыленная надеждой, королева фей с удвоенной силой принялась лес восстанавливать и искать способы оживить всех, кто душу потерял. В том числе и людей, погибших, когда армия снежная из Вечного леса вышла и пошла войной на столичный град.

Дубовод Семидневич полностью в себя пришел и помогла королеве изо всех сил. Чувство вины грызло и его: винил себя старый за... старость, что подвел Эллочку, не устоял, как Чомора, перед магией темной, перед мороком ледяным, и погибель многим принес. Потому начал присматриваться лешак к молодой поросли, готовить себе смену сильную, надежную. Амбрелла протестовала, но не настаивала, надеясь — отойдет леший и останется с ней помощником верным и опорой.

В тридцать пятом королевстве сто сорок первом царстве семьдесят втором государстве государь Ждан I Неотразимый не сидел сложа руки. Всем миром восстанавливали разрушенное, строили дома каменные, обновляли защиту магическую. Государь стал задумываться от техномагии, велел придворным ученым разработать проект научной академии. Очень Ждану хотелось изобрести способ защиты от колдовства темного.

Первый указ государя объявлял запрет на любовную магию. Приворотные зелья, заговоры и прочая под страхом заключения пожизненного, а в особо тяжелых случаях — смертной казни — отныне и во веки веков в царстве нельзя было не только продавать, но и производить на продажу в другие страны. Этот приказ едва до погромов не довел в столице и в селах. Ретивые исполнители кинулись к ведуньям, знахаркам и лекаркам, едва не погубив цвет нации, наделенной магическим даром. Вовремя Бабай Кузьмич прослышал про непотребства и царским повелением насилие было остановлено.

Недовольные магички, кто промышлял зельями любовными, покинули государство ждановское. Остальные умелицы зелья и вещицы зачарованные добровольно снесли на площадь центральную, где и предали пламени, после того, как принесли царю клятву на крови, скрепленную словом волшебным. Нарушителя ожидало страшное наказание: дара лишился не только он, но и все потомки по прямой семейной линии, магически одаренные, вплоть о седьмого колена.

Жизнь постепенно входила в свою клею. И единственное, что огорчало и печалило всех участников событий — Ягиня.

Царевна так в себя и не пришла. Лекари в голос твердили Сириусу и Ждану с Амбреллой: ведунья все равно, что мертва. Были перепробованы все средства — волшебные и врачебные, но

Берендеевна не оживала. Даже пресловутый поцелуй любви не помог. Сириус тенью призрачной бродил по дворцу, без еды-питья пропадая то в библиотеке царской, то в архивах фей, а то и вовсе исчезла на несколько дней неизвестно куда. Возвращался злой, осунувшийся и вновь принимался за поиски способа вернуть царевну к жизни.

Не помог источник живой в Вечном лесу, куда Сириус, с согласия и по настоянию Амбреллы, при её помощи и содействии, перенес безжизненную царевну и прожил в пещере вместе с ней месяц. И поили её, и купали — куклой бесчувственной назад во дворец унесли.

Эллочка, когда полную силу крыльев своих обрела, тоже оживить пробовала спасительницу. Но магия природная не смола пробиться сквозь непонятный щит невидимый. Когда зеленые струи хлынули из рук феи, оказалось, лежит Ягиня, будто в кокон стеклянный спрятанная. Никакие вещи волшебные, никакая сила пробить его не могут.

В конце концов Сириус покинул тридцать пятое королевство сто сорок первое царство семьдесят второе государство. Забрал любимую и отправился в избушку её лесную. Там и зажил, за царевной своей ухаживая. Выстроил возле колодца с живой водой стеклянный купол, оплёл его магией защитной, и туда Ягиня разместил.

Каждый утро, после того как всадник первый со двора съезжал, волк приходил к любимой, омывал студеной водицей лицо да руки, менял цветы в вазах, легко целовал в уста розовые, держал за руку. А затем уходил лес охранять: помогать попавшим в беду, наказывать браконьеров, шугать тех, кто покой леса нарушал, лишнего забрать пытался.

Вечерами, когда третий всадник покидал пределы Яги, волк возвращался в усадьбу, ополаскивался во дворе, опрокидывая на себя ведро воды, и отправлялся к царевне.

Сириус редко ночевал в избе: вдруг любимая очнётся, испугается, а его и рядом не будет объяснить, поддержать. Когда отсутствовал, сигналку заряжал — на каждый вдох глубокий, шевеление, на любое движение настроенную. Случись что он в ту же секунду узнает и примчит. У дальней стенки симуран лежанку себе устроил, там спал. Там же и работал за столом колченогим, книги изучал в поисках спасения.

Возле ложа, на котором царевна спала, кресло поставил, иной раз в нем и засыпал, держа любимую за руку. При свете дня, закончив дела лесные, тут же подле ведуньи книги читал старинные, летописи, без устали разыскивая крупницы знаний, чтобы пробудить девушку. Много чего волк перепробовал, да все без толку. Ягиня спала мертвым сном, иногда улыбалась. И тогда сердце волка заходило в надежде безумной, вот сейчас дрогнут ресницы длинные, колыхнется грудь под платьем расшитым, распахнутся медленно очи зелёные, и услышит он: "По здорову будь, добрый молодец". Но дни летели сизокрылыми утицами, а ведунья так и лежала на ложе своем, цветами усыпанном. Ж

Ждан предлагал Сириусу смастерить гроб хрустальный, мастеров-ювелиров нашел соорудить усыпальницу в саду дворцовом в углу потаенном, чтобы не беспокоил никто. Волк отказался. Негоже любимую раньше времени хоронить.

От царя Берендея — отца Ягини — раз в месяц лекари, знахари да маги в избу лесную наведывались. Государь поначалу хотел в царских хоромах дочь разместить, в опочивальне ее девичьей, да не тут-то было. Какую комнату для царевны не приготовят накануне, ту отпереть не могут опосля ни ключами, ни магией, ни вышибанием.

Пытались двери снимать с петель, но и тут незадача вышла. Едва комнату служанки-горничные покидали, как покрывалось все пылью серой. На уборку сутки-двое приходилось тратить. Заслоны колдовские, амулеты и обереги не спасали от наваждения. Бытовая волшба не срабатывала; приходилось ручками прибираться, да одежду потом выкидывать — не отстирывалась она от напасти. Тогда-то и согласился Берендей под присмотром Сириуса оставить царевну в домике её лесном.

Время шло. Ждан с Амбреллой спустя год поженились. Подошел срок и королева Вечного леса двойню родила: мальчика и девочку. Оба царства пировали две недели, от души радуясь такому чуду. Теперь и голову ломать не надобно, сразу два наследника — сыночек на отцовский трон, дочка — на мамкин.

Года два детишкам исполнилось, когда пришла страшная весть из дальних краев: будто бы война великая приключилась между богами Нави и Яви на краю земли. А принес её коргоруша вместе с Бабам Кузьмичом. Раз в полгода домовой в гости к волку с Ягиной

наведывался, новостями обменивались, письма-подарки от Ждана с Эллой передавал. Сам государь только пару раз и сумел за все время к другу вырваться. В этот раз Кузьмич с собой кота прихватил: отдохнуть от царских отпрысков — больших любителей к кисе поприставать. А с тех пор, как в них магия наследная пробуждаться стала, бедному Черрику (имя ему Эллочка присвоила за любовь к ягоде черешне) и в тених покоя не стало, везде отыщут и играть заставят, никакого слада с мелюзгой.

Посидели товарищи вечерком, потужили, дела обсудили, на Ягиню вместе глянули, когда удивленный коловерша носом повел и промурчал:

— Отр-р-ра-а-ау... Не убр-ра-а-ал мыр-р-р. — и картинку показал обоим, как входит между лопаток девичьих олчния черная, прощальный подарочек от сестрицы младшей.

Кровь отхлынула от лица у Сириуса, перед глазами замельтишили моменты давние: вот он повернулся к стольному граду, собираясь к костру во всю прыть бежать. Феврония как раз руку одну из пут выдернула и что-то вдогонку Ягине швырнула. Вспыхнула молния в сознании волка и словно наяву увидел он, как входит меж лопаток девичьих магия темная.

Кинулся Сириус к царевне, осторожно на бок перевернул, пуговики на платье расстегнул, стали в шесть глаз спину белоснежную разглядывать. Тут и обнаружили родинку с пятак. Коргоруша упреждающе рыкнул отгоняя друзей, и принялся вылизывать место отравленное. Не успели волк с домовым ахнуть, как острым когтем чиркнул кот по плоти нежной, пятнышко вырезая.

Хлынула кровь густая черная, Сириус на колени упал, едва желание сдерживая коргорушу не придушить. Бабай Кузьмич не растерялся, из мешочка своего походного достал ткань чистую, Впавшего в ступор волка отправил к колодцу за живой водой. Дождался, когда кровь течь перестанет и кот подойти позволит, да за дело принялся. Промыл порез, смазал края мазью дурно пахнущей, уместил царевну так, чтобы на боку лежала и назад не заваливалась.

Трижды коргоруша рвал кожу девичью, едва рана затягиваться начинала. Трижды шла из раны кровь черная. И только когда от крема леченого аромат трав лесных пошел, рухнул Бабай Кузьмич в кресло,

едва дыша, разрешив Сириусу ближе подойти царевну за руку поддержать.

Спустя пару часов края пореза затянулись, а к ночи и вовсе от него следа не осталось. Ягиню в порядок привели, по возможности кровь с тела омыли, и удобно на ложе устроили.

— Целу-у-у-у-а-ау, — растянул в коргоруша пасть в улыбке.

Сириус вздогнул в глазах надежда забрезжила. Склонился он над царевной, припал к устам поцелуем горячим и... залился слезами горячими. Не вздохнула, не шелохнулась любимая. В тот вечер напились знатно волк с домовым, да коловерша не отстал, знай, лакал молоко забродившее. А под утро приснился симурану сон.

Вскочил волк, как подорванный, растолкал Кузьмича и затребовал:

— Какое, говоришь, знамение на краю света видывали? — домовый спросонья долго понять не мог, что от него хотят. Наконец, сообразил, поведал, что знал.

— Покуда не вернусь — отсюда ни на шаг! Берегите её! — прорычал волк и был таков.

Мчался Сириус через леса и горы, моря и океаны на край света туда, где заря цветная вот-вот взойти должна была. Где снег кровавый впервые за века землю покрыл. Где мертвое умерло по воле богов окончательно. Где страж стоял на перепутье миров и не ведал, что спешить надобно, иначе не видать ему Ясуни Святогоровны как своих ушей.

«Где началось все, там и закончится», — бились в висках слова храмовницы рыжей из сна. А сердце эхом вторило: «Успеть! Успеть!» У моста Калинова на речке Смородине Велеса не оказалось. Други его верные плечами пожали: никому не сказывал стаж миров, куда в очередной раз отправился. Но заметили — ушел ровно после того, как не прошла мимо дева призрачная, что каждый год в одно и то же время день в день приходила, стояла на краю моста, а черту не пересекала.

И помчался Сириус на остров Буян. Туда. Где все началось для богов. Туда, где все и закончится. Признал, видимо, Велес в призраке бессердечном и безмолвном любушку свою. Разгадал слова, ведуньей сказанные, и отправился туда, где нетленным в гробу хрустальном на верхушке дуба могучего спала Азовушка. Мертвое мертвым стало —

ушла Зеркалица-Ясуня за грань. Умерла окончательно. Увела за собой все свои перерождения. И если не успеет Велес в уста бездыханные жизнь вдохнуть, не пробудится Зорюшка, тленом рассыпется.

Рассвет цветной отыграл красками на краю миров после того, как боги войной натешились. Осталось дожидаться волны стоячей, что омоет земли от снега кровавого, обрушившись ливнем на свет белый.

Ровно в тот миг, когда волна стеной поднялась, а Велес гроб хрустальный в веток на берег спустил, шагнул Сириус на остров Буян. Оглядел бог симурана, в глаза заглянул, будто душу вынул, ничего не сказал. Вместе они крышку тяжелую сдвинули, и застыли, красотой богини любуясь.

Едва громыхнуло за горизонтом, отвернулся волк отвернулся и дышать переста. Сверкнула молния, волна морская стеной громадной напротив острова застывшая вдруг ожила и в одно мгновение на мир обрушилась. Сириуса едва не смыло в пучину, да сзади кто-то за рубаху придержал. Так и стоял волк, покуда не сошла вода, дланью бога на краю смерти удерживаемый.

Когда стихло все, повернулся к обоим с поклоном и благодарностью. Сжалось сердце мужское от тоски: Велесу глаз не сводил с любушки своей ожившей. Азовушка, рук не размыкая, улыбалась, голову на плечо любимому склонив. Не успел Сириус мысль свою высказать, протянула ему богиня горсть жемчуга морского. Седом Велес туесок походный с водой мертвой передал.

Велела Ася слезы её жемчужные в неживой воде растворить и напитком Ягиню напоить до капельки. А затем на три дня и на три ночи покинуть избу лесную, чтобы не случилось, кто бы и что не примерещилось. Поблагодарил Сириус богов и восвоеси отправился.

Вернувшись, Бабая Кузьмича с коргорушей выпроводил, ничего не объяснив. И исполнил все, как было велено. Жемчуг богини в воду обратился, едва в порошок его Сириус растер. Вылил её волк в туес велесов и напоил Ягиню, ни капли не пролив. Затем, скрепя сердце, покинул избу.

Три дня и три ночи бушевал ураган над избушкой ведуньи. Волк в чащобе сидел вместе с ветром воя от видений страшных. После первой ночи раздобыл Сириус цепь тяжелую и приковал себя за обе ноги и руку правую к дереву могучему, обмотался остатками, чтобы на помощь к царевне не сорваться.

На рассвете четвертого дня стихло все вокруг, и волк, обессилев, забылся тяжелым сном. И приснилась ему Ягиня, какой он её впервые увидел. Будто сидела она рядом, голову его на колени свои уложив, по волосам гладила и приговаривала: «Ты спи-отдыхай, любимый мой. Поди намаялся за столько лет». И так хорошо и легко стало на душе и сердце у Сириуса, что разулыбался он и потянулся губами к устам девичьим с поцелуем нежным. И вздрогнул, ощутив ответное прикосновение.

— Ягинюшка... — не веря самому себе и глаз открывая, выдохнул симуран.

— Спи спи, любимый мой, отдыхай, а я сон твой поберегу, — ручейком весеннем зажурчал голос нежный, а пальцы ласковые в волосах мужских запутались.

Хотел было Сириус глаза распахнуть, убедиться, что и в самом деле любимая рядышком, да губы мягкие в веки поцеловали, не позволили. Перевернулся волк на бок, обнял колени женские, с удивился тому, что оков на нем нет, и забылся сном счастливым.

Ягиня к дубу спиной прислонилась, поудобней устраиваясь, гладила кудри растрепанные ладошками, пела песню колыбельную, улыбалась и дышала полной грудью, любовью и счастьем опьяненная.

На поляну вышли белый волк с волчицей, поглядели на влюбленных, положили к ногам Ягини свиток и исчезли в чаще густой. Ведунья рассмеялась радостно, склонилась над волком спящим, поцеловала его в губы искусанные, подула на ресницы пушистые, сновидение насылая.

Послание вспыхнуло и растаяло, а из спины мужской, разрывая рубаху, вырвались крылья симуранские.

Конец